

Аннотация к книге "Обручённые Хаосом"

Пять лет назад я думала, что не вернусь домой. Никогда. Ни за что. Ведь там был тот, кого я любила больше всего на свете. Тот, кто предал и унизил меня. Тот, кому я жестоко отомстила за своё разбитое сердце...

Но пять лет — долгий срок, а нашего бога не зря называют Судьбы Прядущим. Мою судьбу с судьбой моего кузена Хоты он сплёл крепко-накрепко — не вырваться, не сбежать, не спрятаться. Да и как можно сбежать от сильнейшего альфы Севера? Никак. Не тогда, когда он твёрдо решил сделать меня своей.

Обручённые Хаосом

Александра Гринберг, Анна Змеевская

Книга самостоятельная, по миру Избранницы Хаоса (20+ лет спустя). Однотомник!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В тексте присутствуют: откровенные сцены секса, чёрный юмор, эмоциональные качельки, немного нехорошей лексики и насилия. Оба героя имеют сложный характер, но очень любят друг друга и работают над собой =)

1

«Прядильщик что твой папаша, — любит говорить моя мама. — Сколько этим двум напастям ни противься, а всё равно они добьются своего».

Что здесь можно добавить? Воистину так. В моём случае обе напасти — вездесущее божество и не менее вездесущий папа — вполне единодушны. И поэтому я вот ни капельки не удивилась, получив официальное назначение не в столицу, не в Нью-Алькасар, даже не в Саргон или Джайлкрэст... а в родной Греймор, под начало верховного мага мозргринской гильдии. Немного досадно, но в общем и целом вполне ожидаемо. Моя тётушка фактически королева северных земель, а мой отец — её верный цепной, хм, медведь и вожак самого сильного клана Севера. Ну, был вожаком до недавних пор.

В общем, никто в здравом уме не захочет связываться с моей роднёй. Для таких эскапад надо иметь стальные яйца.

— Не волнуйся, Реджина, — отчеканил Мегар, состроив свою любимую каменную физиономию супергероя, готового сию же секунду мчаться спасать неблагодарное человечество, — я с этим разберусь.

О, кажется, у нас есть кандидат в смертники — он же по совместительству мой... мой...

Даже не знаю. Мой парень? Смешно, он меня на двадцать пять лет старше. Любовник? Слишком пафосно. Возлюбленный? Вообще мимо, нежными чувствами тут и не пахнет. Иногда он мне нравится, но всё чаще охота ему нос набок свернуть. Сама-то не пойму, отчего я до сих пор с ним встречаюсь...

Как же, не поймёшь. Скажи уж честно, дело в тщеславии: самый завидный холостяк Нью-Аркадиана волочится за тобой почти два года. Не думала, что эта блажь так надолго затянется, но вот поди ж ты — он всё ещё здесь. И он разберётся!

— С чем ты разберёшься, Мегар? — уточнила с нарочитым недоумением, свирепо вонзив ложечку в шоколадное пирожное.

Хаос, но как же он бесит иногда! Впрочем, тут дело не столько в нём, сколько во мне. Почему-то мужчины вроде майора Хартасерры не желают в своей жизни и постели миленьких дурочек, которые станут во всём угождать и преданно заглядывать в рот. Нет. Нет, блин! Им подавай женщину-альфу! Тигрицу к тому же, что даёт отличный бонус к скверности характера.

Ну да, я оборотень-маг. Аномалия. Не первый случай в мире, но всё же большая редкость. Обычно такое бывает с полукровками, однако мои родители клялись и божились в своей чистокровности.

Помню, по глупости и малолетству на полном серьёзе заявила, что я приёмная, и потребовала свидетельство об усыновлении... Не обиделись, слава Прядильщику, но ржали очень долго. Теперь и самой смешно, особенно как в зеркало глянуть. Я больше похожа на мать, однако и от медвежьей родни взяла предостаточно; тут захочешь — не отвертишься от всей этой косолапой братии!

— Я вроде бы ясно дал понять твоему декану, что ты останешься в Аркади и продолжишь

работать на Железный Ковен, — точно забыв прочитанное, Мегар снова подвинул к себе приказ о моём назначении. — Да в своём ли уме Совет Девяти? Выпускницу с исключительным даром, мага четвёртой ступени, наш платиновый резерв — и засунуть в эту никчёмную северную дыру! Глазам своим не верю! И что ты будешь там делать — координировать поставку сахарных косточек для местных блохоловок?

Ого, а он вышел из себя. Лестно даже. Обычно Мегар Хартасерра, верховный маг Железного Ковена и отставной майор Серого Легиона, держит под контролем всех и вся, включая свой южный темперамент. И может даже показаться, что никакого темперамента у него вовсе нет... Но есть, и ещё какой.

Да только я тоже не самая кроткая киса во вселенной. Особенно если мне со всей дури наступить на хвост.

— Я сама — блохоловка, а та никчёмная северная дыра — мой дом! — прорычала я, со звоном уронив ложку на край ажурной тарелочки. — Какого Хаоса, Мегар? Не знаю, что ты там себе надумал, однако меня всё устраивает. И не советую соваться к декану Аморин со своими ценными указаниями, если не хочешь в тот же день повстречаться с моим папочкой...

— Хочу, — немедленно заверили меня. — Давно пора познакомиться с твоей семьёй, Реджина.

Я от таких заявлений едва не скакнула за краешек террасы. Наш столик как раз в самом углу; шустро перемахнуть через перила — и вот меня здесь уже не-е-ет...

Ладно, ладно, я всё ещё здесь. Мне всё-таки уже не семнадцать глупых лет, и от проблем я стараюсь больше не бегать.

— Моя семья на сто процентов состоит из оборотней, — напомнила, одним большим глотком допив уже почти остывший кофе. Подтянула к себе приказ, сложила его пополам и небрежно пихнула в конверт с эмблемой магистерии — девятиконечной звездой в равностороннем треугольнике. — Тебе они не будут рады, учитывая, сколько наших меховых собратьев ты отправил на тот свет.

Мегар на это лишь отмахнулся с раздражающе самоуверенным видом.

— О, дорогая, они же были преступниками! Разумеется, твои родители — разумные, хм, нелюди и понимают, что я всего лишь делаю свою работу.

А я уверена, что мой папёнка и без всяких знакомств мечтает прибить к стене возле камина голову моего теперь уже бывшего... шефа.

Да я и сама мечтаю, едва лишь слышу вот этот самодовольно-снисходительный тон. С женщинами Мегар по-другому просто не умеет: мы для него все сплошь хрупкие и неразумные создания, которых надо оберегать от жестокости и несовершенства этого мира. А каким образом у него в голове сочетаются вздорный ребёнок, которого нужно воспитывать да опекать, и взрослая женщина, которую он весьма охотно затащил в постель... ну, это одни боги знают. Я давно уже отчаялась понять мужчин и то, как работают их мозги.

— Почему мы вообще это обсуждаем? Мы с тобой назначили дату свадьбы, а я почему-то позабыла этот счастливый день?..

На суровом смуглом лице моего теперь уж точно во всех смыслах бывшего вдруг проступило нечто сродни смущению.

— Раз уж ты сама завела разговор... Конец сентября тебя устроит?

Какое-то время я только и могла, что ошалело хлопать ресницами.

Он что, решил на мне жениться? Верховный маг самого грозного ковена во всей республике, ветеран двух военных кампаний, самый завидный холостяк Нью-Аркадиана и прочее, прочее...

Мне бы чувствовать себя польщённой, наверно. Но я лишь взбесилась окончательно.

— Это типа предложение было? Рядовой киса, узаконивать отношения шагом марш? Серьёзно, что ли? — уточнила с нарочитым спокойствием. А затем поднялась из-за столика и щелчком пальцев призвала из пространственного кармашка несколько двадцаток. Не из гордости, просто чтобы досадить мистеру Эта-ваша-северная-дыра — он терпеть не может, когда я пытаюсь за себя заплатить. — Не то чтобы ты вообще нуждаешься в моём мнении, но... нет. Нет. Не-ет!

И ведь даже голос не повысила, а Мегар страдальчески поморщился, точно я закатила истерику со слезами, соплями и причитаниями на весь ресторан.

— Реджина, ну зачем устраивать сцену?

— Прощальный секс — вот всё, что я собиралась устроить, — мило улыбнулась ему и тут же жёстким тоном отрезала: — Я возвращаюсь в Греймор. Не потому, что мне так сильно хочется, но потому что там моё место. Ты бы знал это, Мегар, если бы я по-настоящему тебя интересовала.

— Ты всегда меня интересовала! С той самой секунды, как я тебя увидел! — он тоже вскочил с места, гневно глядя на меня. Посетители на другой половине террасы заинтригованно вытягивали шеи, уже не пытаясь делать вид, что не подслушивают. — Разве может такая красивая, умная, талантливая девушка мечтать уехать в эту убогую обледенелую провинцию? Поставить на себе крест? А дальше что — бросишь работу, выскочишь за того трахнутого на всю голову кузена и родишь свору медвежат?.. Нет, мать твою тигрицу, не смей уходить посреди разговора! Реджина! Эй!

Но я ушла и даже ни разу не оглянулась. И так слышала, что Мегар за мной не идёт. Да и с чего бы ему? Слишком он гордый, чтобы бегать за всякими вздорными малолетками... ну вот и слава богам.

Настроение он мне, конечно, испортил знатно. И да, заставил почувствовать себя какой-то хладнокровной стервой, плюющей на чувства других. Я ведь даже не предполагала, что Мегар всерьёз захочет на мне жениться! Думала, повеселимся и разбежимся. А сам-то он о чём думал? Мне двадцать два года, я окончила колледж три недели назад, ну какие вообще свадьбы?

Никаких. И ни с кем, включая трахнутого на всю голову кузена. Вот ещё не хватало.

2

На часах начало шестого — самое время для пробок. Однако до нашей с Оливером квартирки в двухэтажном доме близ Восточного парка я добралась почти без пробок. Настроение, правда, от этого не сильно улучшилось.

— Мать моя магиня, неужели у майора не встал на такую красоту? — похабно ухмыляясь, Сэра вышла навстречу, как только я закрыла дверь и сбросила туфли. — Боги, Реджина, на тебе лица нет. Что случилось?

Вообще-то я живу с её братом, но Сэра так часто заходит с нами, что даже не спрашиваю, какими судьбами её сюда занесло. Тем более и так понятно, что друзья затеяли вечер обжираловки. Тигринный нос послушно докладывает, что в гостиной я найду шоколадный торт, лимонные пирожные, лапшу в коробочках, пару-тройку пицц и ещё целую гору вредной, жирной, божественно прекрасной еды.

Судя по количеству той самой еды, меня тут явно ждали с нетерпением. Вот и отлично. Что значит «только вернулась из пафосного ресторана»? Я же оборотень, крупная хищница — а значит, всегда голодная!

— Вот это, для начала, — буркнула я, достала из сумочки злосчастный конверт и вручила его подруге. Пока она приобщается к новости о моём скором отъезде, можно сбежать к себе в комнату да сменить кораллово-розовое коктейльное платье на что-нибудь попроще. А заодно и от нового нарядного бельишка избавиться. И на кой наряжалась вообще? Понятно, что прежде всего для себя — люблю принарядиться, — но очередную вспышку досады на майора с его марьяжными планами всё равно ощутила.

Едва я показалась на пороге гостиной, Сэра тут же усадила меня в широченное низенькое кресло и решительно пихнула мне в руки бутылку.

— Серьёзно, Реджина?! Сделай морду поприятнее, не в лотке копаешься! — Я только фыркнула — шутейки про мою кошачью природу у нас с однокурсниками включены в обязательную программу любой гулянки и уже давно стали привычным делом. А ведь поначалу их всех здорово пугала сама мысль о том, что я могу едва не по щелчку пальцев перекинуться в тигра. — Готова поспорить, это одно из лучших предложений, которое ты могла получить... Нет, вообще-то оно и есть лучшее. И снова нет — оно просто охренеть какое!

Хм, надо же, а я думала, она расстроится. У меня у самой-то глаза на мокром месте от одной мысли, что я уеду, а они с Олли останутся здесь. Ну хотя с ним до сих пор не ясно. Может, он в итоге окажется поближе ко мне? Было бы здорово.

Я сделала глоток из бутылки и поморщилась. Ну и гадость! Горькая и вонючая. Как только Сэра это пьёт?

— Да я не скажу, что опечалилась или хотя бы удивилась, — пробормотала я, чуть спешно приткнув пиво рядом с коробочкой из-под лапши. — По идее было проще самой подать заявку.

Никогда особо не верила, будто мне удалось сбежать из Греймора навсегда.

Не верила. Но как же, чтоб их всех, обидно, когда ты с самого рождения не принадлежишь самой себе! Не успели меня наречь пафосным морнуотским именем «Регинхильд» да уложить в колыбельку, пророчица клана гро Маграт уже прозвала меня «искусным орудием Прядильщика», «проводником божественной силы» и ещё какой-то там фигнёй...

Невестой Хаоса. Она нарекла меня невестой Хаоса, и ничем хорошим это не кончилось. Ни для меня, ни для того, кому я была обещана.

— А чего такая кислая? — снова нахмурилась Сэра, откинув со лба волосы. В этом месяце они у неё кислотно-жёлтые, точь-в-точь моё любимое лимонное драже. — Север — твой дом, а твоя пушистая семья души в тебе не чаёт. Прикольные у тебя предки, не чета нашим с Олли... И ладно бы ещё тебя в подмастерья пихнули, так ведь сразу на должность второй помощницы архимага!

Вот это, что уж там, действительно польстило. Не должность, а оказанное доверие. Скордо гра Избурга я чуть не с детства знаю: архимаг моэргринской гильдии нипочём не взял бы меня под своё крыло, если бы не считал достойной.

— Это всё моя харизма.

— Скажут, насосала, — заявила Сэра в обычной своей манере. Моя подруга обладает деликатностью мамонта, ну да ладно, я её не за тактичность люблю. — Я б сама сказала, если бы знала тебя похуже.

— Не скажут, — надменно фыркнула я, задрав нос вверх. Но тут же, не удержавшись, хихикнула. — Чего ты как маленькая? Ясно как день, меня везде папочка пропихивает.

— И в стриптизёрши тоже? А мне показалось, он тогда был не в восторге.

— Да сколько ты будешь мне это припоминать?!

— До старости, конечно же!

Будет, ещё как. И плевать ей, что раздеванием на публику я никогда не промышляла. Всего лишь танцевала. В почти даже приличном клубе, куда далеко не каждый был вхож. И вовсе не ради денег, пусть и весьма неплохих, просто... мне тогда это казалось чем-то очень нужным. Не пляски у пилона, а то обманчивое чувство собственной значимости — оно знакомо любому, кто когда-либо выступал на сцене. Ложное ощущение власти над каждым из тех самодовольных богатеньких засранцев, что пялились на меня снизу вверх, алчно и восхищённо, как на невесть какую красавицу...

Ну да, комплексы. Каждая девочка-подросток через это прошла, что обо мне-то говорить? Это у папы с мамой я уникальная снежинка, а от сверстников в прошлом прилетало и за высоченный рост, и за отнюдь не северную масть, и за жёлтые тигриные глаза. Нет на свете других таких жестоких выблядков, как детишки в младшей школе.

— Ай, к Хаосу! — я скомкала гербовую бумажонку и демонстративно зашвырнула в самый дальний угол гостиной. — Греймор так Греймор, им же хуже. Жаль только с вами, придурками, прощаться... Кстати, а где оставшийся кусок нашего сэндвича?

— Олли-то? — Сэра усмехнулась, глядя на мои жуткие корчи — это я в очередной раз попыталась распробовать пиво. Безуспешно, ага. — Скоро будет. Надеюсь, что с сюрпризом для твоей полосатой задницы.

Олли и впрямь вскоре явился. С бутылкой моего любимого лимонного ликёра и худенькой пачкой документов. И один взгляд на всё это богатство заставил меня совершенно по-детски завизжать да радостно повиснуть на шее у моего лучшего друга.

Мегар бы точно поморщился и принялся выговаривать за недостойные взрослой женщины манеры — честное слово, он иногда в сто раз хуже моего родного отца (вот уж кому до моих манер сроду дела не было). Хаос, пожалуй, я и впрямь буду рада уехать в Греймор, подальше от неуждавшегося женишка.

Боги, почему фигню сотворил он, а стыдно мне?

Но какая всё-таки запредельная наглость! Подойдёт ли мне конец сентября? А подойдёт ли тебе катиться к шогготу в задницу, майор Хартасерра? Если всерьёз хотел жениться, неужели я не заслужила пару-тройку комплиментов и сопливых фраз, красивое колечко и — ах, да! — спросить моего согласия? Само собой, я бы всё равно отшила, но помягче. Расстались бы по-хорошему. И я бы не чувствовала себя так неловко...

Нет уж, не буду сейчас об этом думать. А говорить и подавно не собираюсь. К чему портить вечер себе и друзьям?

— Чего ты такое лицо сделал? — шутливо возмутилась я, глянув на сморщившегося Олли. — Настолько неприятно моё внимание?

— Твоё внимание мне всегда приятно, — улыбнулся он. — Просто представил, как надулся бы твой солдафон.

Как всегда, читает мои мысли. Я рассмеялась и снова стиснула Олли в объятиях; тот ойкнул и принялся просить пощады. Пришлось отпустить да спешно извиняться: две трети жизни проведя среди оборотней, я до сих пор иногда забываю о том, что люди гораздо более хрупкие.

— Как ты это устроил? — я опустила на диван и с жадным любопытством уставилась в бумаги о направлении Оливера Маккензи в мозэргринскую гильдию. Прядильщик, чтоб твою паучью натуру, это же так нечестно! Хрен с ней, с хорошей должностью, но как я могу отказаться, когда мой лучший друг едет в мой дом! — И почему вы, засранцы, ничего мне не сказали?

— А вдруг не вышло бы? — резонно заметила Сэра, перекинув ноги через подлокотник захваченного кресла. — Не хотели тебя лишний раз обнадёживать.

— Шансы были довольно велики, — Олли сел рядом со мной и принялся распечатывать бутылку. — Говоря по-честному, мало кто согласен по доброй воле ехать на север. Любому желающему были бы рады, а уж мне... — он усмехнулся чуть грустно. — Ну, как понимаешь, от меня с радостью избавились. Думал, девицы в кадрах прямо при мне ударят по рукам да закатят ужин с танцами.

Вот так ведь и не скажешь, что Оливер — человек добрейшей души и безобидной наружности — чёрный маг с жутковатым даром. Единственное пятно на безупречной репутации семейства Маккензи, всем известной династии светлых магов. Та ещё семейка, даже в Грейморе их все знают: они славились своей нетерпимостью ещё с начала Третьей Эры, во времена Чёрного Исхода, когда все изуверства над нечистью творились с полного одобрения Первой Святой Инквизиции. Жаль, Гектор Воскреситель не скормил своей армии нежити всех этих лицемерных мерзавцев... с другой стороны, если бы после Исхода не осталось ни одного Маккензи, на свет никогда бы не появились такие чудесные люди, как Сэра и Олли.

Я снова приобняла его, утешая, и по кошачьей привычке потёрлась щекой о мягкие непослушные волосы. Они у него точно красное золото, я за все пять лет знакомства так и не перестала немного завидовать. А ещё недоумевать, зачем его сестра-двойняшка, такая же рыжевато-золотистая, красится в термоядерно-попугайские цвета. Не то чтобы хоть кто-то из нас помнил, как Сэра выглядит со скучными нормальными волосами.

— Наплюй, ладно? Обещаю, в Моэргрине всё будет по-другому: никто не станет судить тебя только за окрас магии. А кто посмеет, тот будет иметь дело со мной!

Олли насмешливо вздёрнул бровь, явно пытаясь передразнить мою экспрессивную мимику.

— Ты защитишь мою честь, да, Джинни?

— Когтями и клыками!

Но, надеюсь, не придётся. Всё-таки у нас к тёмным куда более лояльное отношение: Воскреситель уничтожил Первую Инквизицию и спас всех, над кем она измывалась. Спасал он, конечно, других тёмных магов, однако если бы не он, то и оборотней могли бы давно перебить, как бешеных зверей.

— Нет, но как ты всё это так быстро провернул?

Олли, потянувшийся было к вожделенному шоколадному тортину, так и замер с протянутой рукой.

— Ну... задобрил миз Стюарт щедрым и вкусным подношением?

Я сама, конечно, за еду готова на многое, но здесь что-то не особо верится.

— Давай, колись!

Олли и Сэра таинственно переглянулись. Ой, да чтоб их! Знают же, что мы, кошки, ужасно любопытные!

— Честно говоря, — наконец подал голос мой друг, — пришлось немного слукавить.

— И в чём же именно?

— Ну-у...

3

— Поверить не могу, — вновь припомнив разговор двухнедельной давности, со смешком покачала головой. — Ты и впрямь убедил дамочек из кадров, что мы женимся!

— Не пришлось убеждать, — пожал плечами Олли, коротко глянув на меня, и снова уткнулся в книгу. — Только намекнул, а дальше они уже чуть ли не придумали имена дюжине наших детишек... Чего ты кривишься? Понятно, мы б никогда, но если бы вдруг — грех было бы заделать меньше, — он широко распахнул глаза в деланом восторге. — Да ладно, киса, ты только представь: твоя красота и мой интеллект!

— Почему это твой? — фыркнула я чуть возмущённо. — Напоминаю, по успеваемости я была четвёртой на потоке!

— Да, но я-то был вторым.

Ну допустим. Хотя мысль о наших с Оливером совместных детях всё равно вызывает приступ нервного хихиканья. Мы бы и впрямь никогда! Нет, он симпатичный парень и прекрасный друг, но совсем не в моём вкусе — и это взаимно, к счастью для нас обоих. Я очень дорожу нашей дружбой. Смогли бы мы её сохранить, если бы стали встречаться?

Не смогли бы, Реджина. Ни фига подобного. Уж не так ли ты потеряла самого лучшего друга, что у тебя когда-либо был?

Невеста, чтоб его, Хаоса.

Когда я родилась, моему кузену Хоте гро Маграту было восемь лет — и уже с тех самых сопливых пор мы души друг в друге не чаяли. Он всегда был рядом, сколько я себя помню. Всегда. Даже когда он уехал в свой треклятый юридический колледж, о котором так мечтал, я не чувствовала себя покинутой — ведь даже на расстоянии в сотни и тысячи километров мы не забывали друг о друге.

Вот только чем старше я становилась, тем меньше наши отношения походили на дружбу — и тем сложнее приходилось. Да и проблематично смотреть на кого-то как на друга, когда все вокруг с придыханием вещают про то, что вы повенчаны самим Хаосом, а ваши детишки, прекрасные, как рассвет над местным озером с тентаклями, во славу Прядильщика поднимут Север с колен...

Ну ладно, почти все. Папа, прежде так довольный нашей дружбой, не мог и дня прожить, не кинув на своего племянничка ястребиный взор в духе «тронь мою маленькую принцессу и расстанься с яйцами»; и если лет в четырнадцать-пятнадцать это ещё было смешно, то в семнадцать мне самой хотелось кастрировать обоих. И отца с его ревливой гиперзаботой, и Хоту с его смешанными сигналами. Он то отстранялся и едва смотрел на меня, то прилипал намертво и не давал проходу; зажимал в укромном уголке и целовал так, что колени подкашивались — и пропадал с глаз на добрую неделю, а то и на две...

Это теперь, повзрослев и сменив нескольких мужчин, я понимаю, как трудно ему, наверное, было свыкнуться с мыслью, что его влечёт к девочке-подростку, которую он знает с пелёнок. А тогда я лезла на стенку, ужасно злилась и чего только ни надумала...

Но даже и представить себе не могла, что Хота меня предаст.

Тот, кого я любила больше всего на свете, кому доверяла безоговорочно и ради кого была готова на что угодно.

Тот самый Хота, который никому не давал меня в обиду, утешал, когда было плохо и грустно, и всегда мог заставить меня улыбаться.

Хота, который звонил по межгороду и до глубокой ночи трепался со мной, подчас жертвуя часами сна и учёбы. Называл меня самой красивой девочкой на Севере и во всём целом мире. До кровавых соплей избил своего друга, когда тот полез ко мне с приставаниями...

Хота, который, мать его медведицу, трахал всё, что не пытается уползти. Ох, Джинни, какой же непроходимой дурой ты была!

Нет, ну конечно же, я не думала, что взрослый парень бережно хранит для меня свою невинность. Но это не значит, что можно было позорить меня так, как это делал он! С каждым днём

игнорировать шепотки за спиной и жалостливые взгляды становилось всё труднее, но я честно пыталась. Ну как же, это ведь мой Хота, он ни разу в жизни мне не солгал! А если я чего-то не видела, то, значит, этого и не было, да.

Что ж, настал день, и я увидела всё своими глазами...

— Реджина, ты в порядке? — позвал Олли чуть обеспокоенно. — Может, я поведу?

— Я в порядке, — пришлось приложить все силы, чтобы голос не задрожал. — Где-то через час будем в Хварне. Переночуем, а с утра сможешь пофоткать свои любимые горы и прочие местные ебеня.

— Ну никакого почтения к своей родине!

— Я альфа, у меня почтение в заводских настройках отсутствует.

И здравый смысл, видимо, тоже. Иначе почему я снова решила растравить эту рану? Пять лет прошло, а до сих пор невыносимо вспоминать тот вечер, когда всё покатилося в ад.

Уна гро Гален всегда меня терпеть не могла — наверное, потому что Хота был готов залезть на любую девушку кроме неё. (Могу его понять: она та ещё сука, даром что медведица, и за прошедшие пять лет наверняка не сильно изменилась.) Именно она и сослужила мне услугу — медвежью, ха, — с преисполненным сочувствия лицом поведая и обо всех увлечениях моего так называемого наречённого, и о том, где и с кем он развлекается, запропав на четыре дня.

И она не соврала.

Как ни удивительно, тот вечер я почти не помню. Даже вымаралось из памяти имя той девки, светловолосой нахальной волчицы с такими буферами, о каких мне и по сей день можно лишь мечтать. Впрочем, Хоте тоже стало не до неё, когда я сломала ему нос и выбила пару зубов. Но он будто и не заметил. Всё тащился за мной по морозу, полуголый и весь в собственной крови, хватал за руки, нёс какую-то чушь — мол, офигеть как любит и всё объяснит...

Мне не нужны были объяснения. Только лишь оказаться от него как можно дальше, чтобы не сотворить что-нибудь ужасное. И чтобы не было так больно и мерзко, точно внутри кто-то расплескал едкую кислоту, а по голове со всей дури въехали кувалдой. Счастье, что Хота решил не испытывать судьбу и дал мне уехать.

Четыре дня я просто валялась в постели, отказываясь от еды и глядя в потолок. Периодически равнодушно слушала, как мой папа нефигурально так спускает Хоту с лестницы, а мама мнётся за дверью и спрашивает, не хочу ли я поговорить.

Я не хотела.

А на пятый день, вдруг подорвавшись посреди ночи, как попало побросала вещи в дорожный рюкзак, села за руль и уехала.

С Хотой вскоре было покончено раз и навсегда. Как и с той наивной идиоткой, для которой он мог заменять целый мир. О нет, с меня было достаточно...

4

...а сейчас вот мой кар тоже решил, что с него достаточно, и заглох прямо посреди дороги.

— Да серьёзно, что ли? — рывкнула я, со злостью хлопнув ладонью по приборной панели. — О, Хаос, за что?! Олли, когда только эти грёбанные южане сделают хоть одну нормальную гибридную колымагу?

— Полегче, Реджина, — Олли со вздохом глянул на почти дочитанную книжку и затем отбросил ту на заднее сиденье. — Сдаётся мне, не в колымаге здесь дело.

И — ну кто бы сомневался! — он был прав. Даже под капот не пришлось заглядывать: причину наших бед я буквально почувствовала кожей.

— Откуда вообще близ Хварна взялся разлом? — нахмурился Олли, как обычно всё поняв по одному лишь выражению моего лица. — Что? Чего ты веселишься?

Ни разу не веселюсь. Просто нервы.

— У моей мамы, помнится, был похожий вопрос, — пояснила я, кое-как уняв смех.

— И?

— И где-то через годик появилась я. Помяни моё слово, с минуты на минуту случится какая-нибудь хрень.

— Не слишком самокритично?

— Не ты ли когда-то давно шутил, что уроды должны держаться вместе?

Перекинувшись с Олли ещё парочкой беззлобных шпилек, споро выбралась из кара и прошла чуть дальше по дороге, силясь нащупать незримые струны волшебства. Чем дальше мы заезжаем в родной Греймор, тем гуще и слаще кажется воздух, пропитанный магией Хаоса...

А я, Реджина Маграт, — не только тигрица-альфа, но и заклинательница завесы. С Хаосом мы вроде как на короткой ноге. Подчинить эту хтонь не способен ни один маг, но я вполне могу уговорить её вести себя прилично.

На словах, правда, оно куда проще, чем на деле.

— Примерно двадцать километров на северо-восток, — сухо поведала я, вернувшись к Олли. — Уровень 4А, не ниже. Возможно, я смогу запустить двигатель и даже протащить нас до разлома, но на это уйдёт весь мой резерв, и закрывать разлом будет нечем.

— Я могу перегнать тебе свой.

— Хм, ну да, тогда возможны варианты...

Додумывать их, к счастью или к сожалению, не пришлось: к чуть слышному звону нитей волшебства примешивался куда менее эфемерный рёв мощного мотора. Вдалеке показался тяжеловоз, и я со стоном спрятала лицо в ладонях.

Хаос, да ты издеваешься! Дальше что, из тяжеловоза выкатится сварливый старый гном и потащит нас в кабак по любимую мамину настоечку с медком и ягодками?

«Вот так я и очутилась замужем! — каждый раз, едва заведя злосчастное пойло, принималась возмущаться мама. — Никогда, слышишь — никогда не пей эту дрянь! Особенно если поблизости ошиваются грёбанные медведи!»

Замуж мне, после всего дерьма с любимым кузеном, захочется разве что в следующей жизни — так что предупреждению стоит внимать. Ну да я никогда и не была любительницей крепкого алкоголя.

Почти никогда...

Гном оказался довольно приветливый и вовсе даже не старый — лет пятидесяти на вид, с кучей бородёнок и хитрым взглядом.

— Ну чес-слово, я мог бы тут новый бизнес замастрячить! — весело возопил он, на удивление ловко выскочив из своей зверюги. — Что ни день, то выручай с разлома столичных детишек! Когда ж эти криворукие южане научатся уму-разуму да приличную машинку смастерят?

— И оставят вас без прибыли, почтенный мастер? Как можно! — усмехнулась я, снова выбираясь из салона. — К вашему сведению, я северянка и за всю жизнь ни разу не попадала в аномальную зону. Тем более не ожидала, что такое может случиться у самого краешка приграничья!

Вернее, я этих самых зон просто не замечала: рядом со мной техника обычно продолжала работать, невзирая на магические помехи. Если аномалия слабая — достаточно лишь моего присутствия, чтобы выровнять фон.

— То верно, милая, места у нас тихие, — согласился гном, оглядев меня с неприкрытым восхищением. Уж не знаю, компенсация это или стремление оставить после себя потомство повыше, но гномы жутко падкие на высоких девиц. А во мне роста метр восемьдесят, никак не меньше. — Во дурак я слепешарый, не углядел сразу-то нашу северную статью!..

Ну ещё бы он углядел. Моя мама с дальнего юга, и от джам'ри во мне ровно столько же, сколько от грейморцев. Волосы чёрные, кожа пусть и бледная, но оттенка кофе с молоком, а глаза вообще жёлтые, тигриные. Северная статья, ну надо же! Видит Прядильщик, эти полурослые точно как мой папа: тот тоже любит задним числом вещать, что он всё сразу знал, понимал и видел.

— Бросала б ты своего столичного задохлика, а, чернявенькая? — вовсю распинался гном. — Ты девка видная, а у меня два сына холостых. Да не абы какие нищebroды, любому папе такой зять нужен!

— Между прочим, я всё слышал, — ко мне присоединился Олли, старательно сдерживающий смех. — Чем это я нехорош для моей Джинни?

Гном всплеснул руками да соорудил такую страшную физиономию, точно «задохлик» взял у него в долг и отказался возвращать.

— Кувалду тебе в зад, дурень! Такую бабу на южном хламье катать... это же ж совсем мозгов не иметь надо! Кабы не я, куковали б тут незнамо сколько! Ух, будь я её папашей — хером бы тебе по лбу, а не дочка-красавица!

Мой друг эту гневную отповедь не стерпел и некультурно заржал, а я сама только фыркнула, с детства привычная к своеобразным манерам ушлого полународца.

— Тыфу, краля столичная! Вот и сдался такой нашей северной девице?.. — глянув на Олли как на безнадежного кретина, гном снова обратил ко мне вдохновенный взор. — Ты чья у нас будешь-то, чернявенькая? Звать тебя как?

— Регинхильд гро Маграт, — ответствовала я, кротко потупившись. — Слыхали про таких, почтенный мастер?

Меня одарили оценивающим взглядом. Уж думала, документы потребует, но обошлось: тёмные глаза гнома вдруг расширились, и он широко улыбнулся, будто увидел старого друга.

— Да ты ж Шандарова дочка! Как же, как же не знать! А ну давай, девонька, садись в машинку мою, а то что за позор — посереде ебеней да возле такого хлама! И дружка своего, так и быть, сажай, а то арн Шандар шибко обидится, если тут его оставим. А машинку я сейчас на буксир определяю. Не абы что, но на металлолом хоть продать, всё польза.

Хотелось очень сильно обидеться на «хлам» и «металлолом». Кар свой я выбирала долго и тщательно (да, каюсь, прежде всего запала на ярко-зелёный цвет, редкий и очень красивый), ухаживаю и слежу за ним. Да и как иначе? Друдах в нашем доме частый гость, и Хота... сколько ни трясى башкой, пытаюсь прогнать мысли о нём, но забыть о его любви к машинам ой как сложно. Именно благодаря ему я не хуже любого механика знаю, что и почему может стучать в двигателе, куда заливать масло или как сменить колесо.

Ну да и ладно, чего обижаться — мне ли не знать, что гномы человеческую технику не выносят на дух? Да и Хота, если б завидел мою «Эскаду», непременно разразился бы нотацией в лучших традициях моего папы.

Не завидит. А даже если наши родители — да хоть сам Хаос, чтоб его к порядку! — решат, что нам с Хотой жизненно необходима трогательная встреча у камина, его мнение я всё равно вертела на известном органе.

— Разлом бы закрыть, — вздохнул Олли, покосившись на меня. — А то как бы чего не вышло...

— Дык это ж магов надо! — недовольно фыркнул гном, пригладив бороду. — Их у нас только по особым праздничкам выдают, поди дождись!

— Дождались уже, мастер, — машинально полезла в задний карман шорт и достала удостоверение. За два года официальной магической практики уже приучилась всюду таскать его с собой. — Я заклинатель завесы. Поэтому, если вы согласитесь проехать чуть дальше по восточному тракту, мы с Оливером устраним проблему.

Вопреки моим опасениям, гном не заартачился. Напротив, согласился тут же, охотно загрузил нас в салон и повёз куда было велено. Ну да оно и ясно: когда ещё сможешь прихвастнуть за кружкой медовухи, что тусовался с магами и видел их работу? Нас в Антеарре не так уж много, каждый наперечёт; а уж заклинатели завесы — на Севере нас зовут ткачами Изнанки — и вовсе рождаются едва ли не раз в сто лет.

Ну да, ну да, зря меня мама с папой ещё до рождения прозвали своей уникальной снежинкой. Как корабль называли, так он и поплыл.

Разлом оказался уровня не 4А а вовсе даже 5С, многомерный, трёхплоскостной, с искривлением второй степени. Для всех прочих людей и нелюдей — лёгкая рябь в воздухе; для меня — огромная прореха в пространстве, похожая на хищный оскал мифического чудовища. И в глотке этого чудовища мерцает... ничто. Вся материя на месте разлома бесследно испаряется. Я как-то видела двухсотлетний дуб, у которого в корнях открылось зияние: половины ствола будто не было, а крона висит целёхонькая. Как ожившие картины сюрреалистов. То ещё зрелище для некрепкого ума.

Но вот же дерьмище. Заплутавшие туристы в таких провалах исчезают только так, и попробуй их потом найди. Пришлось уточнить у нашего спутника — он представился Граклаком, — не пропадал ли кто-нибудь в Хварне за последние несколько дней. Граклак заверил, что не было такого, а если и было, то он о том не знает.

Помявшись немного, разлом я закрыла — уровень опасности 5С не располагает к долгим раздумьям и нравственным терзаниям. Даже обошлась без помощи Олли, хоть и потратила вчистую весь свой немалый резерв. Немедля захотелось скинуть остатки сил в превращение и задрать какую-нибудь живность. Волчий голод? Ха, волки, поддержите-ка моё пиво. Прямо сейчас я готова сожрать все те сорок килограммов мяса, что гипотетически способен вместить желудок тигра.

— Не бережёшь ты себя, чернявенькая! — едва я плюхнулась на сиденье и устало положила голову Олли на плечо, Граклак немедленно принялся ворчать. Гномы это дело любят едва ли не пуще наживы. — Что отец-то твой сказал бы?

— Что каждый уважающий себя альфа должен служить и защищать, а не только раздавать указания.

Да, так и сказал бы. А потом вынес бы мне мозги своей гиперзаботой — мол, работать надо проще и меньше, людишек много, а папина принцесса — штучный экземпляр.

О, Хаос, а я точно хочу возвращаться в Моэргрин?!

Нет, я обожаю своего отца, однако он бывает просто ужасно несносен! С мамой у нас всегда были чуть более прохладные отношения — она сама по себе очень сдержанная, скрытная, к тому же женщина-альфа, как и я сама. Прямой конкурент. А ещё я в детстве вечно обижалась на неё за излишнюю строгость. Но зато теперь у нас мир и согласие, а с папой мы подчас так ссоримся, что весь наш клан начинал искать пятый угол. И вины своей тут не вижу. Это он никак не желает понять, что я уже давно не ребёнок.

— И то верно, — покивал Граклак глубокомысленно. — У нас в шахтах тоже работёнка опасная, а кто-то её делать всё-таки должен. Но ты-то, пацан, чего не помог своей Джинни?

— От меня в таких делах толку немного, мастер Граклак, — ответил Олли, улыбнувшись чуть печально. И исподтишка кинул на меня озорной взгляд. — Видите ли, я некромант.

Бедный гном на радостях едва инфаркт не словил.

— Это что же... — сипло выдал он наконец. — А я тебя... вас... это самое... кралей столичной... хером по лбу... Во дурак-то, а? Ваш' мил'сть, не со зла я! Был несдержан!..

— Ну, краля не краля, а всё-таки столичная, — пожал плечами Олли. — Каюсь, грешен. Теперь вот надеюсь найти дом в вашем гостеприимном краю... Если примут, конечно.

Граклак тут же передумал помирать и вскоре вернул себе нормальный цвет лица, с жаром уверяя, что в Грейморе всей этой фашистской пропаганды сроду не водилось, а Гектор Воскреситель, мол, мужик что надо был, и поделом от него выхватили все пресветлые мудозвоны.

О том, что Воскреситель в то жуткое время перебил половину предков Олли, мы оба дружно решили умолчать. Семейку Маккензи у нас тут и по сей день не любят, да и предки сами были хороши. Ни к чему накалять обстановку — тем более что Граклак расслабился, снова разговорился и уже смотрит на Олли с явной симпатией. Вежливость, благодушие и уважительный тон «ваш' мил'сти» гному явно пришлись по вкусу.

А мне по вкусу то, что «дочку Шандара» на время оставили в покое. Неохота всю дорогу трепаться про моих родителей. Да ещё и на голодный желудок.

По счастью, голодать моему несчастному желудку пришлось недолго. Хварн хоть и деревня на краю Греймора, а в последнее время сильно разрослась. Гномьему народу, рукастому и мастеровитому, даже пришлось перестраивать стену, чтобы спрятать за ней новые улицы. С тех пор как тетя Кэмерин окончательно дала понять, что в состав республики мы входим только на бумаге, сюда стали стекаться те, кому на юге не нашлось места. Оборотни, вампиры, тёмные маги и хаоситы — Прядильщик и Маграты привлекают всех.

Ну и кабаков, понятно, тоже стало больше.

Граклак привёз нас точно к дверям одного из них. Спросил, отдам ли я ему свой кар, «чтобы превратить колымагу во что-нибудь порядочное», и пообещал вернуть утром. Согласиться-то согласилась, но снова нервно хмыкнула — историю знакомства мамы и папы я знаю слишком хорошо. Даже огляделась, прежде чем устроиться в дальнем углу, потянула носом воздух — не пахнет ли медведем?..

Пахнет.

Но светловолосой кудрявой макушки приметить не удалось. И слава Хаосу! Вот ни разу не хотелось видеть этого лживого предателя!

Зато заметила рыжие патлы, а вкупе с ними и нагло ухмыляющуюся физиономию Лэнса гро Роггина. Да чтоб его, ну что за день-то сегодня, а? Из всей моей многочисленной косолапой родни я должна была здесь повстречать именно того самого Лэнса, который не давал мне прохода с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Правда, пыл ему пришлось поумерить, когда Хота прознал да отмудохал его хорошенько...

Но Хоты рядом больше нет и не будет. Теперь придётся разбираться самой. Благо я киса не робкого десятка и вполне могу за себя постоять.

6

К его чести, Лэнс дал нам спокойно поесть и немного прийти в чувство, а уж затем подвалил к нашему столику. Как это водится, с видом властелина вселенной.

— Реджи-ина, — протянул он моё имя, точно невесть какую пошлость, — не ожидал тебя здесь увидеть. Но безмерно рад! Едешь к нам в гости?

— И тебе тоже привет, Лэнс, — откликнулась я чуть желчно, отпив глинтвейна из пузатой глиняной кружки, больше похожей на супницу. — Мозргрин для меня такой же дом, как и для тебя, и я в него возвращаюсь. Буду работать со Скордо. Ну а ты что здесь потерял?

Лэнс повел широченными плечами и как будто невзначай придвинулся ближе.

— Так ведь всем известно, что в гномьих кабаках лучшее пойло! Могу угостить. За встречу. А то этот твой девчачий коктейльчик... как-то несерьезно для такой видной кошечки.

Боги, неужели его за столько лет не попустило? Хотя, наверное, и не попустит: раз не досталась Хоте, то ему в лапы упасть должна непременно. Грёбаные альфахи и их неудержимая потребность помериться членами.

— Спасибо, Лэнс, но я не пью.

Спорное, конечно, заявление для девицы, у которой в руках пол-литра горячего винишка. Но сделаем поправку на метаболизм оборотней: для нас пять градусов что ноль-пять для обычных людей. А ничего крепче обычно не употребляю — разве только по праздникам и в очень умеренных количествах.

Уж кому, как не мне знать, к чему приводит перебор алкоголя в крови?..

Мой медвежий родич настаивать на бурной попойке не стал, вместо этого обратив взор на Олли — как если бы только его приметил, а не сверлил подозрительно-неприятным взглядом всё то время, что мы ужинали. Ну точь-в-точь как истеричные героини ситкомов при виде коварной сучки-конкурентки.

— Кто это тут с тобой, Реджина? Очередной женишок? — он ухмыльнулся, выразительно осмотрел моего недобро хмуращегося спутника и явно признал его пригодным. В пищу. — Мелковат.

— Ты просто не всё у него видел.

— Разумеется, это она про мой могучий интеллект и огромную харизму, — бесстрастно пояснил Олли, достал из кармана комм и поднялся из-за стола. — Джинни, я вернусь через пару минут.

— Скажи Сэре, что я вовсе ни капельки не скучаю по её трескотне!

— Ха, ну конечно.

Многозначительно посмотрев на меня — мол, если что, я неподалёку, — он скрылся в холле. Лэнс же задумчиво хмыкнул и затем передразнил:

— Жи-инни! Не припомню, чтобы ты позволяла все эти кошачьи клички кому-то кроме родителей. А, и Хоте, куда уж без него, — тут он состроил кислую физиономию. — Забудешь про него, так он напомнит. Надо ж было таким злоебучим говнюком уродиться!

Я невольно улыбнулась. Да уж, от кроткого ягнёночка в моём Хоте всегда были одни лишь

кудряшки.

— Полагаю, у него всё в порядке?

— Да что с ним будет-то? Цветёт, с-сука, и пахнет, — буркнул Лэнс. Выглядел он при этом обманутым в лучших чувствах, точно ожидал, что я при одном упоминании предателя-бывшего начну заламывать руки, рыдать и бить не бесплатную, между прочим, посуду. Вот ещё не хватало. — Меняет баб каждый день да через день, а о тебе и словом ни разу не обмолвился.

Вот ни разу же не сомневалась... И почему же тогда от этих слов так больно, что нет сил даже сделать вдох? Ненормально это, Джинни. Нет, мать твою кису. Парень оказался мудаком, с кем не бывает? Пять лет прошло, давно уж пора простить и отпустить.

Но вот прямо сейчас с этим проблемы, да.

Благо чистокровные зазнайки из Магистерии научили меня не только плести магическую нить, но и держать лицо. Я Реджина Маграт, мастер-заклинатель, ткачиха Изнанки и магиня Платинового резерва Антеарры, а не какая-то глупая школьница. Вот и нечего тут убиваться из-за блудливого комка шерсти.

— Иного ожидать и не приходилось, — улыбнулась как могла легкомысленно и принялась большими глотками пить глинтвейн. От такой компании хотелось отвязаться поскорее. — Ты правда хочешь говорить о нашем кузене, будь он неладеи?

Лэнс хотел отнюдь не этого — вон как глазами засверкал. Ну серьёзно, не день, а трындец какой-то.

— И правда. Давай лучше поговорим о нас, — он многозначительно улыбнулся, придвинулся ещё ближе. Тяжёлая ручища вдруг легла по-хозяйски на моё голое бедро. — А можем не тратить время на разговоры и сразу подняться ко мне.

Нет, он что думал, я с радостным визгом катапультируюсь из трусиков и улечу в его комнатёнку, пробив потолок? Воистину, люди не меняются.

Грустная правда в том, что какая-то часть меня очень хотела согласиться. Чтобы выгнать, вытравить из себя всю эту боль, тоску и ощущение пустоты между рёбрами. Чтобы перестать чувствовать себя неисправным прибором, заевшей пластинкой. Да и вообще... мне может не нравиться сам Лэнс, но внешность у него вполне привлекательная, а густой мускусный аромат самца-альфы пробуждает во мне, альфа-женщине, самые низменные инстинкты...

Боги, отсутствие регулярного секса толкает на страшные вещи. Перепихнуться с Лэнсом гро Роггином, это ж надо было придумать! Нет уж, я не настолько отчаялась.

И не настолько хочу насолить Хоте гро Маграту. Вообще плевать, что он там себе думает.

7

— Не в этой жизни, Лэнс, — наконец заявила я, отстранив от себя чересчур прыткого кузена, и поднялась из-за стола. — Не знаю, что вам всем наболтал про меня Хота, но я не даю каждому встречному-поперечному. Извини, мне пора спать.

Лэнс так не думал. Миг — и я оказалась притиснута к столешнице, а Лэнс прижался вплотную, обвил мощные ручищи вокруг моей талии; провёл носом вдоль шеи, жадно дыша. Совсем сдурел, что ли?!

— Сказал же — Хота о тебе и словом не обмолвился. Ни хорошим, ни плохим, — выдохнул он насмешливо и как-то уж очень понимающе. — Ай, да кому интересно это ничтожество, неспособное удержать ни член в штанах, ни девицу при себе? Я гораздо лучше! Ну же, Джинни, ты ведь знаешь, как сильно нравишься мне...

— Кстати о членах, — усмехнулась я, с трудом подавив гневный рык. Пусть Хота и подлый изменщик, но это не значит, что кому-то кроме меня позволено говорить о нём в таком тоне. — Хочешь фокус покажу? Вжух — и Лэнс-младший уже за два километра от тебя. Обратно только целители приколдуют, и то не факт.

Между прочим, в теории я правда могу такое проверить. Пространственная магия восхитительна.

А парни все как один не любят угроз своим драгоценным причиндалам: вот и этот болезненно поморщился. Но затем одарил меня очередной наглой ухмылочкой.

— Ну-ну, злючка, пригладь шёрстку. Ты ведь тоже хочешь, я ж чую...

Если я чего и хочу, то отвязаться от кретина без лишнего шума. Но вот беда — меташокер остался в комнате, а вырубить здорового альфа без подручных средств я просто не сумею. Вот блин. Надо было угробить детство в боксёрской секции, а не в балетной школе!

— Оставь её в покое, мишутка, — знакомый голос, раздавшийся за спиной Лэнса, принёс одновременно облегчение и беспокойство. — Не то будешь иметь дело со мной.

— О, я весь трепещу! — издевательски пропел мой придурочный родич, даже не потрудившись убрать лапы и оглянуться. — Шёл бы ты погулять, малыш...

— Шёл бы ты погулять.

И ведь Лэнс действительно пошёл. Дёрнулся, отпрянул от меня, точно получив по лицу наотмашь, и медленно принялся пятиться.

— Что ты, блядь, такое? — тихо прошипел он. Ужас и ярость смешались на его лице, заставляя меня злорадно улыбнуться. Видит Хаос, мой Оливер — самый лучший друг на свете.

— Дай боги тебе никогда не узнать, — холодно проговорил он, сверкнув глазами не хуже любого оборотня. — Ведь до утра ты в таком случае не доживёшь. Клянусь Тьмой.

Это был вызов, который Лэнс определённо хотел принять. Хотел. Но побоялся. Буркнув что-то про клятых колдунов с их балаганными трюками, он напоследок одарил меня многообещающим взглядом — мол, мы с тобой не закончили, дорогуша, — но затем всё-таки избавил нас от своего общества.

— Спасибо, — пробормотала я, легонько стиснув плечо друга, — но не стоило так, Олли... Мало, что ли, про магов дурных историй гуляет? Случись с придурком что, на тебя первым и подумают.

— Может, даже и угадают. Неужели все альфы такие ублюдки? — Олли продолжал хмуро смотреть на дверной проём. — Кроме твоего отца, конечно. Он отличный мужик.

— Других таких, как мой папа, в природе не существует, — фыркнула я убеждённо. — И да, они почти все вот такие... Это одна из причин, по которым я не сильно рвалась обратно в Греймор.

— Ну, полагаю, поворачивать уже немного поздно, — он вздохнул и чуть неловко заправил мне за ухо прядь волос. — И вообще — поздно. Иди спать, Джинни, ты наверняка ужасно устала.

— А ты?

— А я весь день бездельничал. Немного прогуляюсь и приду.

Стремление друга к ночным прогулкам мне не внове: сама я далеко не жаворонок, но он та ещё полуночная сова. Прямо как моя мама. Каждый раз, когда Олли приезжал к нам на каникулы, они с ней непременно засиживались допоздна, а поутру ненавидели весь мир и особенно папу — тот нещадно изводил их дурацкими шуточками и жалобами. Мол, только придремлешь на каких-то десять часиков, а всякие молодые нахалы уже норовят увести любимую жену...

Однако же я успела вдоволь наполоскалась в ванной, чуток всплакнуть в подушку и даже уснуть, прежде чем возвращение друга разбудило меня.

— Скольк' вр-мя? — кое-как промямлила, приподнявшись ему навстречу. Однако меня тут же заботливо уложили обратно.

— Начало четвёртого. Прости, мне что-то совсем не спалось.

— Небось опять носился по темноте со своей любимой игрушкой?

— И сделал много отличных фотографий! — горячо заверили меня. — Ладно, я в душ и спать. Как насчёт подняться пораньше и убраться подальше от твоего мудаковатого родича?

— Сугубо положительно!

И, уже провалившись обратно в сладкую дрёму, краешком сознания подивилась: кажется, мой друг впервые по доброй воле согласился на раннюю побудку. Настолько впечатлился общением с альфа-мудаком?

А, неважно. Завтра спрошу.

Годами сбрасываемая соснами хвоя мягко пружинит под лапами. Словно идешь по огромному коврику, на котором чего только нет. Совсем молодая поросль, которой ещё предстоит найти путь наверх; грибы, выросшие после недавнего дождя; скрытые от глаз норы всякого мелкого лесного зверья. А позади осталась расчудесная полянка с клубникой, сладкой настолько, что варить из неё варенье — сущее кощунство. Да и не из чего уже — на полянке я задержался на добрых полчаса и до сих пор чувствую под носом сладкий ягодный запах.

Порой кажется, я знаю в этих лесах каждую иголочку, каждый камень и ветку. Или впрямь знаю? Родился-то тут. Не в лесу, конечно, а в Таненгреве, что остался ниже. Но на свою первую охоту пошел, когда мне исполнилось пять. Мама и Дар тогда задрали лося, крупного и с такими развесистыми рогами, что порошка из них шаманке племени хватило на целый год... Помню, что плакал и очень жалел несчастного сохатого. Ровно до тех пор, пока жилистое мясо не попало в рот. Вместе с тёплой кровью, согревшей внутренности.

А потом я научился охотиться сам и понял, в чём прелесть быть хищником. Нет ничего лучше погони. Запах страха, адреналин, шум ветра в ушах; болящие от долго бега лапы, если жертва вдруг оказалась чересчур проворной.

Кабан всё ещё дёргался, хотя глотку я ему перегрыз с первого же удара. Не так чтобы удачно — внушительный клык пробил плечо. Пройдёт через пару часов, однако приятного мало. Кабану, впрочем, повезло ещё меньше: быть ему обедом на моём столе. Попрошу бабушку запечь с клюквой и мёдом. Можно было бы сожрать его прямо тут, пока кровь ещё теплая, но человечья половина слегка против — ей тоже охота полакомиться свежаком. Однако люди-то сырое мясо едят только в исключительных случаях. В дорожных ресторанах с отвратительно пафосными поварами, который любую бурду непременно называет высокой кухней.

Бывал я в таких, не один раз и даже не два. Особо не проникся. Мы, оборотни, народ консервативный и всяким тартарам размером с воробьиное гнездо предпочитаем здоровенную оленью (ну, или вот кабанью) ногу, едва взятую углями.

В ногу я и вцепился, в миллионный раз пожалев, что не уродился тигром, как Изара и... прочая моя кошачья родня. У них и пасть побольше, и клыки внушительнее; всё удобнее волочь законную добычу через лес. Человеком ещё лучше, но царапать пятки о хвою — сомнительное удовольствие.

Да и не стоит светить на всю деревню голым задом. Не то чтобы мне не всё равно... однако же не по статусу вожаку клана. А заместителю окружного прокурора так тем более.

Нет, ну как всё-таки неудобно открывать двери с мёртвой тушей в зубах! Но открыл. И кабана затащил, прежде чем перекинуться.

— Эй, на хозяйстве, обед пришёл!

— Чё, прям сам? — послышался ворчливый возглас, а следом и топот коротких ног. Пару секунд спустя из-за двери, ведущей в кухню, выглянул Друадах.

Я видел его только утром, а до того — две недели назад. И, кажется, седых волос в его бороде стало ещё больше. Энергии у старого гнома, впрочем, ничуть не убавилось, невзирая на возраст. Как и у моей бабули, которая вот уже добрый десяток лет может ходить только с клюкой, однако же не стала от этого менее грозной.

Друадах переехал в Таненгрев, едва схоронив жену. Скрепя сердце передал разросшуюся шахту детям и внукам, собрался открыть тут автомастерскую, нанять кого из местных в работники. Да так и остался работать сам: мол, вы, медведи, не только в шкуре носолапы, что с вас взять, расходы одни. И прижился в нашем доме — чтобы не покупать свой и не тратиться на аренду. Враньё сплошное: все в деревне знают, бабуля для Друадаха — всё равно что богиня. И выпить с ней всегда можно, да.

— Я бы предпочёл, чтобы сам, — хмыкнул я. — Увы, у кабана было иное мнение по этому вопросу.

— «Иное мнение по этому вопросу», — передразнил гном. — Уй, пацан, бесишь порой до ржавых гвоздей перед зенками! Так бы и дал по башке!

— Да ты и давал, пока доставал.

— Дык и сейчас могу на табуретку встать!

Он наклонился над тушей, ощупал, довольно крякнул в бороду — кабан и впрямь здоровенный, жирный, на всех хватит.

— Хорош. Молодец, пацан! Щас как разделаем, как наварим холодца!.. А ты давай-давай, чеши

отседова, бесстыдник!

— Ты не забыл, что это мой дом? — я вопросительно уставился на Друадаха, сложив руки на груди. — И ничего не бесстыдник, грыз и плакал.

— Ага, и муди тоже твои перед глазами болтаются! Никогда не привыкну к этой вашей меховой херне.

— Ты старше меня в три раза, чего ты там не видел?

Гном поднял голову и глянул сурово, разве что не запыхтел в бороду.

— Опять лазил в мои документы? Как это у вас, копов, называется? Пользовался служебным положением, во! Я, между прочим, честный гражданин Греймора, не имеешь права!

Я на это закатил глаза и усмехнулся.

— Мне не нужно куда лазить, вредный старый гном. И почему «опять»? Я запомнил с первого раза. Да и до этого знал.

— Знал он! Вечно вы, Маграты, всё знаете! Что ты, что Дар. Весь в папашу пошёл, воистину так!

Нагулянное веселье как рукой сняло.

В папашу, да. Жаль не в того.

Как бы ни хотелось мне походить на Дара, иметь хоть каплю его уживчивости, добродушия и понимания, а всё же ярости и злости во мне куда больше. Бабушка частенько говорит, что таким и должен быть настоящий альфа — жестоким, бескомпромиссным и нагоняющим страха на весь клан. Глянь, мол, на Изару — девчонка, а все её боятся и слова поперёк сказать не смеют.

Может и так, да только не в одном клане дело.

Пять лет прошло, а я помню тот день так хорошо, будто он случился вчера. День, когда я, Хота гро Маграт, чуть не убил человека. Что самое ужасное, вернись я назад во времени — поступил бы точно так же.

Наносил бы удары один за одним, ломал бы кости; слушал бы, как вырываются хриплые вопли из разодранного горла. Он был слабее, жалкий человечиска, у которого из силы — одни только богатенькие столичные родители. Ни сострадания, ни сочувствия к тому ублюдку у меня так и не возникло, несмотря на психотерапевта, курсы управления гневом и прочие кружки анонимных мудаков. Я хотел его убить за то, что он сделал. Со мной... и с ней.

В ней всё дело, всегда было и всегда будет. В моей принцессе, в моей Джинни, которую я любил так, что впору было задуматься об одержимости. И сброситься с ближайшей скалы до того, как крыша съедет окончательно.

Потому как её тогда я тоже не убил только чудом. Замахнулся, собирался ударить, чтобы не сделать что похуже. Остановился в последний момент... И об этом жалеть тоже не слишком получается.

Пять лет прошло. Но как бы я ни ненавидел себя за всё случившееся, а простить Реджину так и не смог. Продолжал злиться, оставлял свою ярость на работе, выплёскивал её на преступников, которых сажал на такие сроки и в такие условия, что не снились самым жестоким палачам Инквизиции. И был доволен собой в каждый из этих моментов.

Да вот беда: легче от этого ничуть не становилось.

9

Хотелось огрызнуться на Друадаха, но я сдержался — он хоть и в курсе всей нашей семейной драмы, а не виноват в ней ни разу. Поэтому я только фыркнул и пошёл одеваться. Не разгуливать же по дому без штанов?..

А вот без рубашки можно было и обойтись. Нет, серьёзно, почему в местном магазине все тряпки непременно клетчатые и выглядят так, что даже суслики в полях непременно бы оборжали? Глянул на себя в зеркало — волосы растрёпаны и лежат дурацкими кудрями, из-за чего я похож скорее на безмозглого школьника, чем на ночной кошмар грейморской преступности; джинсы видали деньки и получше, а рубашка... Ну да про это шедевр дизайнерской мысли и говорить нечего. А ещё надо повалиться под своим «Корингтоном» — движок в последнее время нет-нет да постукивает. Опять провоняю маслом и бензином. Хорошо хоть, отсюда сразу домой, никто не увидит моего позора.

На выходе из комнаты столкнулся с бабушкой — в последнее время она частенько спит днём. И её трудно в этом винить: как-никак, сотня ей стукнула ещё дюжину лет назад. Я в свои тридцать-то могу продрыхнуть шестнадцать часов кряду! Чаще всего, правда, это случается лишь в моих мечтах — обычно нет времени на такие излишества. Да, работу в правоохранительных органах придумали самые злые боги во вселенной.

— О, внучок явился! Давай руку, помоги бабушке, лось гулящий!

Руку я, разумеется, подал, а вот на лося обиделся. Я хищник, а не еда!

— Почему это я гулящий? Ничего не гулящий, кабана принёс — а то с Друадахом сопьётесь и с голоду помрете!

— Это ты сопьёшься, а мы с коротышкой ещё на твоей могиле спляшем, — едко отозвалась бабушка. И впрямь спляшет — кто кого ведёт по лестнице, так сразу и не разберёшь. — А гулящий, потому что всё утро шлялся невесть где. Ты же ненавидишь деревню, а тут вдруг такой приличный медведь — потянуло в лес, на природу!

— Неправда, — возмутился я. — Я ненавижу отсутствие связи и доступа к инфосети. Остальное меня вполне устраивает.

Дердра на это фыркнула, замахнулась было палкой, чтобы ткнуть мне в ногу, но передумала. Прищурилась только, да так, что сразу понятно — задумала гадость.

— А-а, я поняла, — многозначительно протянула она. — Ты просто не хочешь идти со мной на обед к твоему беспутному дядюшке. Так вот что я тебе скажу — ты идёшь. И нет, твое мнение никого не интересует.

— Ага, спотыкаюсь и бегу вниз по лестнице! Нет, ба. Никаких обедов.

Никаких. Совсем и никогда. Потому как мне ничего сильнее не хочется, чем увидеть Джинни, которая уже наверняка там. Ничего. Ну разве только завести свой «Корингтон», посадить на пассажирское сиденье Эмму — ведь лучшей секретарши я не найду в жизни, — и укатить на юг. Туда, где мне было плохо, одиноко и очень страшно каждый день моей жизни. Туда, где я был не альфой с кланом за спиной, а всего лишь помощником прокурора. Туда, где меня дважды чуть не убили.

Потому что даже сраный Сармад с его террористами, перестрелками и удушающей жарой пугает меньше, чем встреча с Джинни. Я не знаю, что сказать. Как вообще с ней говорить? О чём? О том, что я полный кретин, раз до сих пор люблю её?

Люблю. Наверное. Или всё-таки хочу придушить за то, что она тогда сотворила?.. Не знаю. За пять лет так и не разобрался. Тоску выжег раскалёнными песками Сармада, одержимую влюблённость похоронил за пыльными папками уголовных дел. Да только не помогло. Джинни по-прежнему снится мне непозволительно часто, вынимает душу своим кошачьим взглядом, опаляет шею тяжёлым дыханием...

К Хаосу всё это. Любил и любил; что было, то прошло, отболело и осыпалось пеплом. И видется нам ни к чему.

Но, к сожалению, наша бабуля так не думает.

— Ах прости, я была недостаточно внятной — засунь свое мнение в свою тощую задницу!

— Засуну, — отозвался я в тон ей. — И поеду домой.

А потом, тихо и невесть зачем, добавил:

— Джинни приехала. Нечего мне там делать.

— А, ну да, лучше ведь бегать от своей наречённой, что обещана тебе аж самим Прядыльщиком? — Дердра сделал вид, что задумалась. И всё же врезала мне по ноге, заставив ойкнуть. — И куда, спрашивается, бежать? А, ну да, по шлюхам. А то они безмерно страдают без твоего внимания. Внучок, мы вроде это уже проходили!

Сойдя с последней ступени, отпустил бабушку и растёр голень. Больно же! Да даже блядский кабан был ко мне добрее!

— Не по шлюхам, — проворчал я. — Их теперь зовут модным словом «эскортницы». Бабла дерут в два раза больше, чем раньше, носят искусственные сиськи, делают ровно то, за что им заплатили, и не задают лишних вопросов. Иногда просят в отпуск на курорты. Я бы, может, и взял, но Таненгрев их почему-то не устраивает.

— О, я знаю, кого устроит, — ехидно протянула бабушка.

— Я тоже знаю. Спасибо, нет, оставьте эту назойливую сучку себе.

Серьёзно, я уже готов на всё, чтобы избавиться от Уны гро Гален. Даже выделить приданое тому несчастному, кто согласится жениться на ней. Признаю, она красотка — я не любитель рыжих, но нет-нет да и задерживался взглядом на неприличном декольте и аппетитной заднице. Но не более того. Уж слишком она доступная, невыносимо навязчивая и откровенно мечтающая залезть мне в штаны. И стерва каких поискать.

Нет уж, лучше эскортницы. Всё мороки меньше.

— Мне такое добро тоже без надобности. А ты, — мне в грудь уткнулся сухощавый палец, — если вдруг ебанёшься и решишь жениться на этой дуре — клянусь, лишу тебя фамилии, наследства и яиц!

— Мне дорого и то, и другое, и третье, — клятвенно заверил я. — А Уна и даром не нужна, и с доплатой тоже.

— Слава Хаосу, ты ещё не до конца потерян для общества.

Для чего я точно не потерян, так это для работы. Выходные и кабанячий шашлык? Ха, забудь, Маграт. Не успел я спуститься в столовую, как наверху настойчиво заверещал комм. Странное дело: в детстве я с ним чуть ли не спал, а сейчас забыл на целых полдня. Деревня, что ли, так расслабляет?..

Звонила Эмма — только у этой женщины хватило бы смелости потревожить меня в мой законный (и первый за последние две недели) выходной.

— Маграт, у нас проблемы. Точнее, у тебя. Наверное, — вместо приветствия заявила она.

— Слушаю.

— Я тут узнала у Доры из Инквизиции, что к ним поступил труп. Высосали досуха, зрелище даже на фотках мерзенькое... Как я поняла, убийца — маг. Возможно, вампир, но главный инквизитор уже связался с очередным Тамритом и сильно сомневается.

О, моя Эмма даже успела рассмотреть фото? И знает о делах Виттара? Не зря, не зря я поднял ей зарплату в прошлом месяце.

— Слава Хаосу, от инквизиторов ещё есть польза, — хмыкнул я. — А то я всё думал и гадал, за что они получают такую хуеву тучу денег. Видела, какие у них оклады?

— Видела, — вздохнула Эмма. — Когда ты начнешь мне платить столько?

— Когда Дакей свалит наконец на пенсию, а я сяду в его кресло. Ну да не будем о плохом. Инквизиторы молодцы, но при чём тут я? Уже нашли преступника и нужно посадить его пожизненно, а он сильно против?

— Голосую за смертную казнь! Но нет, просто подумала, что ты захочешь знать... Труп из твоих будет.

Я насторожился, крепче прижал комм к уху. Даже как-то не верится в услышанное, ведь за последние двадцать лет никто не смел покушаться на моих медведей.

— Кто?

— Лэнс гро Роггин. Подробности нужны?

Издевается она, что ли?

— Рассказывай.

10

— «Не пое-еду», — глумливо передразнила бабушка, когда мы свернули к реке. — Ты же для меня кабана ловил, а сам спёр аж половину! У меня были на него планы!

Ага, у меня тоже. Сожрать, а вовсе не заворачивать в пергамент и перевязывать суровой нитью,

чтобы не случилось чего по дороге. И нет, вовсе не в Джинни дело! Просто... неприлично с пустыми руками. Вот так. Медведь я или где?

— Уж мне-то не рассказывай!

— А я ничего и не говорил.

— Ой, и что с того? Я слишком старая, чтобы не знать, о чём ты думаешь. «Нет-нет-нет, не хочу видеть свою принцессу, она мне неинтересна, и вовсе не ради неё я так рвался наловить её любимого лосося!» Тьфу, аж смотреть противно!

— Так не смотри, — буркнул я. — И не отвлекай — а то вмажемся в дерево, будешь знать. И мы едем к Дару не из-за его избалованной дочки. У нас сородича убили, если ты вдруг не помнишь!

— Лэнса, что ли? Ой, убили и убили, как будто тебе его жалко. Мне вот ни капельки.

Ну, мне, допустим, тоже. Когда-то давно мы с Лэнсом были приятелями. Весьма хорошими, пусть шума и проблем от него всегда было больше, чем пользы. Вместе пили за школой дешёвое винишко, вместе клеили таких же дешёвых девиц, вместе уехали в столицу... И рассорились в хлам лет шесть назад, когда этот придурок полез к моей Джинни. Посмел её целовать и лапать, когда не должен был даже дышать в её сторону! Подрались мы тогда на славу и с тех пор друзьями больше не были. О чем я, надо признать, вовсе не жалею.

— Ну, польза от него всё же есть, — заметила бабушка, — причём от мертвого больше, чем от живого. Мне как раз веревку лень было искать.

Так, то ли у моей бабушки в её крайне почтенные сто двенадцать всё же начался маразм, то ли я что-то упустил в этом параде абсурда.

— Верёвка-то тебе зачем?

— Как зачем? Друадах вмазал бы тебе по кудрявой башке, благо есть за что; связали бы да вручили подарочком Реджине. Зуб даю, ей бы понравилось.

На что я могу поставить все свои зубы, лапы и кар — Реджина предпочла бы держаться от меня подальше. Собственно, пять лет и держалась, и я тоже к ней не лез. Больно? Да. Но так лучше для нас обоих.

Дом Дара и Изары показался из-за деревьев внезапно, будто вдруг по волшебству возник посреди леса — добротный и заметно разросшийся, благодаря троим детям и неумной любви дядюшки к обустройству берлоги. Не люблю это признавать, но он медведь куда больший, чем я. У меня и страсти к сладкому куда меньше, и городской комфорт я люблю больше.

— О, глянь-ка, пастораль, — умилилась бабушка, — все внучки в сборе!

Глянул... Всего-то глянул! А ощущение, будто нарвался на драку и со всей дури получил под дых.

Не знаю, что я ожидал увидеть. Прежнюю девочку-котёнка, трогательную, неловкую и милую? Или же взрослую женщину, незнакомую и совсем чужую? Одно из двух, но никак не всё сразу.

Она всё ещё так красива, что смотреть больно. Прежняя, но чужая. Стройная, высокая, с бесконечно длинными ногами и идеальной балетной осанкой, над которой я в прошлом так часто подтрунивал — мол, если ты немножко ссутулишься, никому не сболтну, а уж небо на землю и подавно не рухнет... И я почти уверен, что эти джинсовые шорты и куцую майку с нелепым принтом Реджина напялила мне назло: чтобы я мог думать лишь о том, как содрать с неё эти тряпки. И бельё, наверняка ажурное, восхитительно непотребное. Прежде, когда мы ещё были близки, я всеми силами старался не лезть туда, куда запрещает уголовный кодекс... но о любви моей Джинни к кружевам и шёлку знал как никто другой.

Кое-кто узнал лучше. Вероломно отобрал то, что предназначалось мне одному, — и я сам был тому причиной. Сам её предал, сам толкнул в объятия того мерзкого мажонка...

А она и побежала вприпрыжку. Отомстила. Ранила так, что до сих пор болит. Без сожаления разрушила то, что я так хотел спасти.

Вот об этом, Хота гро Маграт, стоит напоминать себе почаще.

— Хота, — угрожающе зашипела бабушка, приметив, как я вцепился в руль. — Давай без глупостей.

— Никаких глупостей, ба, — бросил я, прежде чем вылезти из кара.

А, ну ещё свёрток прихватил, да.

Напряжение повисло в воздухе, стоило сделать пару шагов навстречу. Я чувствовал его кожей, будто с гор вдруг спустился один из тех ветров, что зимой приносят в Таненгрев вьюгу и морозы... Я словно слышал, как бьётся сердце Джинни, даже отсюда, в десятке метров от неё. Слышал её дыхание, неровное, волнующее и волнительное. И сам наверняка не лучше — так я себя чувствовал разве что после многокилометровой пробежки по лесу, когда пульс зашкаливает и хочется только напиться воды из ручья, рухнуть в траву или сугроб и валяться так, пока не отпустит.

Нет, Реджина ничуть не изменилась. Всё такая же тоненькая, изящная, чуть смуглая и раскосая, с пышной гривой чёрных волос, с пухлым капризным ртом и яркими жёлтыми глазами, каких нет больше ни у кого на Севере. Просто та девчонка, что я знал с самого её рождения, стала взрослой. Нет в ней больше ни капли подростковой нескладности и неуклюжести — лишь будоражащая кровь хищная грация крупной кошки; а с лица сошла мягкая детская округлость, оставив вместо себя жестокую, сильную, опасную красоту, присущую женщинам-альфам.

За эту альфу передерутся все самые сильные оборотни Греймора. Они будут полными кретинами, если не станут драться.

И будут трупами, если станут. Потому что им придётся иметь дело со мной — а сильнее меня на Севере никого нет.

— Хота приехал! — заорали близнецы, завидев меня. И на ходу же перешли к делу:

— Эй, ты, где мой велосипед? Ну ты ведь обещал!..

— И мои деньги где? Фергис выиграл, ты должен мне двадцатку!..

Бернар и Инсар, светловолосые поганцы, одинаковые с лица и по характеру, но разные в своих звериных ипостасях, метнулись ко мне, споро обогнув замершую на месте сестру. По очереди врезались вихрастыми головами мне в живот, по очереди же получили по подзатыльнику — для профилактики, а ещё за то, что умудрились пнуть друг друга по пути ко мне. Через пяток лет уже придётся подыскивать им территорию. Делиться я не собираюсь, аж четыре мужика-альфы на одно племя — явный перебор.

И двух-то всегда было многовато.

— Отец дома? — поинтересовался я у близнецов.

— А куда он денется?..

— Срётся с мамой...

— Она его воспитывает, а он зачем-то рыпается.

Надо бы одёрнуть за такие выражения, но мне лень. У них есть отец, вот пусть и займётся делом. Не всё ж ему вокруг Реджины плясать.

— По поводу?

Хотя и так знаю, в чём дело. Плохой я непременно снова возжелает драгоценную дядюшкину дочурку, попортит и обидит!

Да что там — не так посмотрит в её сторону, посмеет дыхнуть или сделать лишний шаг.

Возжелает... Я и сейчас её желаю, и одного взгляда достаточно, чтобы вспомнить, как сильно я её любил. Как моя Джинни смотрела на меня тогда, совсем юная, чудовищно трогательная и самая красивая в мире девочка, к которой я боялся прикоснуться. Боялся обидеть, сделать что-нибудь не то.

Сделал. И обидел так, как не смог бы никто. Изменил, не раз, не два и даже не десяток; трахал едва знакомых девиц, силясь держать руки подальше от девочки-подростка. Я не должен был её хотеть, не имел на то права — она ведь младше меня почти на девять лет! Это сейчас, когда мы взрослые, такая разница ничего не значит. Но когда тебе двадцать два, а все твои мысли только о четырнадцатилетке, немудрено пуститься во все тяжкие.

До сих пор, кстати, пытаюсь вспомнить — кто-нибудь пробовал вправить мне тогда мозги? Мама точно, но она всегда любила меня больше, чем стоило бы, и прощала слишком многое. И Изара, да. Не знаю, что делал бы без неё, удивительно мудрой и терпеливой... Уж точно не стал бы прокурором. Скорее, спился бы и кончил как Лэнс гро Роггин — стрёмным трупом возле гномьего кабака.

Нервно хмыкнул — что бы там ни выдумывал дядюшка, сделать Реджине ещё больнее я никак не сумею.

Да и с попортить, увы, уже не сложится. Это сделали без меня. Вероломно отобрали то, что принадлежало мне... Нет. Она сама отдала. Из мести, из ненависти.

Я не имею права винить Джинни. Но и смотреть на неё как прежде тоже вряд ли когда-либо смогу.

11

— Регинхильд привезла мальчика, — громким шепотом поделился Инсар.

— И папа решает, прикопать его в нашем лесочке...

— ...или отвезти в Таненгрев.

Мальчика?..

Что ж, желаю ему удачно пережить Даровы загоны по поводу невинности его дочурки. Утерянной пять лет назад, чему я имел честь быть свидетелем. И нет, это вовсе не сердце жжёт в груди от одной мысли о ком-то рядом с Джинни. Просто кабан был жутко проворным, и плечо все ещё болит. Да.

— Ясно.

Кое-как выпутавшись из паутины руки и ног близнецов, подошел-таки к их сестре — та сложила руки на груди и все это время молча поглядывала на нас.

— Врите больше, поганцы, — фыркнула она наконец. И голос её был ровно таким же, каким я его запомнил: тягучий и сладкий, точно липовый мёд. — Папа был бы рад усыновить Олли, а вас сослать в военный интернат; жаль, мама ему не позволяет.

— Враки! Он нас любит!

— И ты тоже!

Реджина рассмеялась, укоризненно покачала головой, а я вмиг позабыл о своих кровожадных мыслях — откуда, блядь, вообще взялся этот Олли? — и только и мог, что глупо пялиться на неё.

Боги, Хота, ты реально жалок. И по-прежнему готов сделать что угодно, стоит ей вот так улыбнуться.

— Милая рубашечка, братец, — Реджина склонила голову к плечу, прищурилась с поистине кошачьим ехидством. — Давно мы с тобой не виделись, да?

— Давненько, — только и смог выдавить я.

Хаос, неужели она всегда была такой... такой? Или это пять лет разлуки сделали невыносимо очаровательным буквально всё в ней? Даже мерзкий столичный выговор, которого раньше не было. Вот так и знал, что холерные южане вконец испортят мою принцессу. Раньше она бы вряд ли вырядилась в шмотки, которые толком не прикрывают тела; какая северянка вообще станет разгуливать с голым животом? А это ещё что за хрень? Пирсинг?..

Отлично, Хота. Просто заебись. Реактивный разгон от здорового тридцатилетнего мужика до престарелого ханжи — да так резво, что ни одному турбокару не снилось. Что дальше, запакуешь свою кухню в скафандр?..

Но нет. Дальше она обняла меня, и про скафандр было забыто напрочь. Как и про всё вокруг. Мир, проблемы, кучка надоедливых родственников, глазеющих на нашу встречу с жадным любопытством — всё это перестало быть хоть сколько-нибудь важным. Остались лишь я и она, и такой приятный жар чужого тела, сильного и гибкого; и знакомый сладко-пряный аромат, от которого мой зверь рвётся на волю, рот наполняется слюной, клыки упираются в нижнюю губу.

Зверю плевать на мою подлость, на её дурость, на наш омерзительный разрыв. Он чувствует свою самку и не понимает, почему она до сих пор не отмечена.

Это было форменное издевательство, но... кончилось оно слишком быстро. Стоило только попытаться обнять в ответ, машинально проследить ладонью полосу обнаженной кожи на пояснице, — Реджина вмиг напряглась, вся натянулась, точно струна; тронь — и лопнет с натужным, жалобным звоном. И шустро выпорхнула у меня из рук, только я её и видел.

Далеко, впрочем, не сбежала. Поймал её за руку, стараясь не думать о том, почему ладонь, ощутившая гладкость нежной девичьей кожи, до сих пор горит. И впихнул сверток, пожалуй, куда поспешнее, чем стоило бы.

— На вот. Утром забил. Хотел рыбы наловить, но бабушка слишком мечтала увидеть любимую внученьку.

Последние слова сами по себе вырвались с особым ехидством. Как ни крути, ревности во мне ничуть не меньше, чем ярости, а Джинни всегда была любимицей в нашей тигрино-медвежьей семье.

Не то чтобы я возражал — ну как вообще, скажите на милость, можно её не любить?

— И это всё, что ты хочешь мне сказать? — вдруг прищурилась она. Подобие очарования между нами рассеялось вмиг.

— Всё, — отозвался я с деланным безразличием. — Я пришёл к Дару, а не на поклон к твоему высочеству.

Джинни мой тон не понравился. Всего на миг, но она сжала кулаки, яростно сверкнула своими кошачьими глазами, зло поджала губы. Интересно, чего она ждала? Извинений? Один раз я уже пытался извиниться. Да что там, готов был унизиться как угодно, валяться у неё в ногах столько, сколько потребует. Вместо этого увидел, как моя девочка тискается с тем мерзким человечешкой. Услышал, как он шепчет ей всё те пошлости, которые я и думать-то лишний раз боялся. Учужал на ней его запах, лучше всяких слов сообщивший обо всём, что между ними было...

Жжение в груди стало сильнее. На этот раз от ярости, без которой вспоминать тот день не выходило.

— Милые шортики, надевай почаще, — бросил я, прежде чем направиться к дому.

Дара я нашёл по запаху — тяжёлому, животному, перемешанному с запахами леса, мёда и свежих ягод. Сильный зверь. Медведь. Взрослый, опасный соперник. Другой альфа, который когда-то был мне отцом, а сейчас — тот, с кем я вынужден делить свою территорию. Даже вот эту кухню инстинктивно хочется поделить на две части, себе оттяпав ту, что побольше, и дальше границы соперника не пускать.

А ещё выгнать отсюда тщедушного рыжевато-го пацанёнка с малахольными глазищами в поллица и руками типичного неженки. Я тоже на работе не брёвна тягаю, однако эту кильку в томате перешибу с одного удара. И вот на это запала моя Джинни?..

— Исчез отсюда, — бросил я вместо приветствия. — Папочка позже поучит с тобой уроки.

— Грубить вовсе не обязательно.

Тон сопляка, прохладный, но безукоризненно вежливый, меня несколько обескуражил. Я, может, и имею вполне заслуженно репутацию скотины, но наезжать на людей без повода как-то не в моих привычках.

Ну да повод имеется. Прехорошенький такой повод с блудливой полосатой задницей.

— Ты, конечно же, Хота, — продолжил пацан, поднявшись и шагнув мне навстречу. — Я Оливер, друг Джинни. Много о тебе слышал. Не стану врать, будто мне приятно познакомиться.

Вблизи он оказался побольше и повыше, но всё равно смех и слёзы. И целая прорва ярости — ведь он весь, весь пропах Реджиной.

Как если бы эти двое не отлипали друг от друга сутки напролёт. Да и понимание того, что этот столичный хлыщ всё про нас с ней знает, любви к нему не добавило. Скорее наоборот.

На протянутую руку я посмотрел, лениво прикидывая, сколько секунд бы у меня ушло, чтобы её сломать. Две, три? Так уж и быть, дам пять, исключительно из уважения к Джинни — к совсем уж слабакам она слабости не питала.

— Я сказал, исчезни, — рыкнул, уже едва сдерживаясь. Но под суровым взглядом дядюшки, так уж и быть, добавил ничуть не дружелюбно: — Пож-жалуйста.

Пацан холодно улыбнулся, глядя при этом так, точно ему не терпится узреть, какого цвета мои кишки. Вдоль спины будто кто-то от души проехался наждаком, а сердце вдруг заметалось в груди, как птичка в клетке. Серьёзно, он настолько меня ненавидит?..

Не ненавидит. Демонстрирует силу. Бросает мне — мне! — вызов. Потому что может, потому

что прямо сейчас от милого мальчика в нём нет ничего. Сильный маг с жутким даром, от которого хочется бежать подальше. А ещё лучше вцепиться в бледное горло и навсегда уничтожить угрозу.

— Грубить не обязательно, — повторил Оливер. — Драться я не умею, но кто сказал, что до драки вообще дойдёт? Неприятно было познакомиться.

12

Только когда его шаги почти стихли, меня попустило. Будто со всего тела подняли тяжеленный камень. Тут же захотелось это самое знакомство продолжить и скоротечно завершить... но я скорее сожру свой диплом юриста, чем побегу за никчёмным человечком, посмевшим бросить мне вызов.

— Дар, ты серьёзно? — поинтересовался я холодно. — Когда ты усыновил этого ёбаного Олли и почему меня не пригласили на свадьбу моей любимой кузины?

Дар выразительно вздохнул и, мимоходом покосившись в окно, хмуро уставился на меня.

— Сынок, давай без этого твоего дерьма, а? Олли — однокурсник Джинни, давний друг и славный парень. И похититель жизни, а это самый паршивый подвид некромантов. Не цепляйся к нему.

О, я бы обсказал в красках, под каким соусом собираюсь сожрать этого славного парня с его дружбой. Да так и замер, вдруг осознав, что жаждущий кровавой расправы зверь во мне уступает следаку и окружному прокурору. С дипломом, да.

— Что ты сказал? — переспросил осторожно. — Вот это — похититель жизни?

— Уже жалеешь, что нахамил Олли? — Дар усмехнулся, глянул эдак укоризненно, уселся на стул напротив. — У меня дома, попрошу заметить.

Он издевается? Или моего старика начинает одолевать маразм из-за чрезмерной любви к дочурке?

— Потом территорию пометишь, — припечатал я. Достал комм из кармана, выложил его на стол и открыл папку с фотографиями инквизиторских писулук. — Там Лэнса сожрали.

— Что?.. Я его не ел, только собирался! Честное слово, сынок, не моя работа!

Я подозрительно прищурился. В каком смысле «собирался»? Собирался влезть в разборки с оборотнем из другого клана? Или что?.. Впрочем, наплевать. Что бы там ни воображал о себе мой дядюшка, а сделать с Лэнсом то, что сделал убийца, никак не сумел бы.

— Да это и так всем понятно, — ворчливо заметил я, кивнув на комм. — Ты точно всё ещё лучший ищейка в Грейморе или нам с Арти стоит подыскивать новую кандидатуру? Хотя и искать не надо — у Эммы ушло пять минут, чтобы достать это.

— Мне кажется или я мало порол тебя в детстве?

— Вообще не порол.

Да и руку-то поднял один-единственный раз в жизни... Но об этом точно лучше не вспоминать; настроение и так уже на уровне «нажраться и забыть».

Не забудешь, Хота. Никогда не забудешь. Нет в мире столько гномьей сивухи, чтоб выполоскать из памяти всю ту херню, которую ты творил.

— Какая прелесть, — пробормотал Дар, брезгливо изучая фото. Трудновато, конечно, опознать в ссохшейся мумии самого противного из моих кузенов — разве только по длинным рыжим патлам, каким и иная девчонка позавидует. — Ну да, такое мало кто способен сотворить. Поганая смерть, даже для такого обмудка... Мой драгоценный кузен Боргур будет в восторге и непременно придумает, как обвинить нас в кончине своего любимого племянничка. И знаешь, что самое паршивое? Похоже, Реджина и Оливер были последними, с кем он говорил.

— Реджина? — переспросил я недоверчиво. — Он виделся с ней?

— Он не виделся, а пытался завалить её прямо посреди кабака; и я бы даже не узнал об этом, если бы не Олли, — Дар яростно сверкнул глазами, явно жалея, что первым не добрался до полудурка. — Имеем охерительную историю: Лэнс при свидетелях домогается девушки, ссорится с ней и её дружкой; поутру они шустренько укатали прочь, а от Лэнса осталась одна кожа. Вопрос: на кого подумают первым делом?

— На меня, — едко сообщил я. — Потому как в данный момент мне очень, очень жаль, что Лэнс уже мертв. И нет, не читай мне нотаций про «оставь мою дорогую доченьку нецелованной», мы это уже проходили! К счастью, я не стрёмный мажонек с даром, идеально подходящим под преступление. А вот твой новый сынок — да. Уверен, что хочешь пускать его в кроватку Джинни?

— Джинни двадцать два, она сама разберётся, кого пускать к себе в кроватку.

Разумеется. Кто угодно достоин твоей дочери, Дар, только не я, не тот, кто был с ней рядом столько лет! Не тот, кому она предназначена. Не тот, кто любил её больше всего на свете. Не тот, кто творил всякую хрень и тащил в свою постель кого попало, лишь бы не позволить себе ничего лишнего... Потому что ты убил бы меня. И был бы прав.

Она хотела пустить в свою кровать меня. Но ты, дорогой дядюшка, сделал всё возможное, чтобы этого не случилось.

— Раньше ты так не думал.

— Я учусь на своих ошибках, но ты, похоже, и не пытаешься! — Дар недовольно помотал головой, с силой растёр переносицу. — Хотя, я люблю вас обоих. Плевать, что ты мне не веришь, это правда! Поэтому не вынуждай меня выбирать сторону и оставь уже мою дочь в покое.

— А я что, по-твоему, сделал?!

— Боги, Хотя, да взгляни ты на себя! Пять лет прошло, а ты приходишь как ни в чём не бывало и ведёшь себя точно ревнивый женишок. Хватит этого дерьма, ладно? Хватит. Нет у тебя на это никаких прав.

— Что ж, — холодно отчеканил я, хотя внутри всё просто кипит. От злости, от невесты откуда взявшейся обиды, от желания вгрызться в глотку сопернику, осмелившемуся отбирать то, что всегда принадлежало мне. По праву, да. — На что у меня есть право, так это задержать предполагаемого убийцу, подходящего под описание, вызвать сюда Инквизицию, а потом в суде обвинить всех присутствующих в укрывании преступника. К счастью для тебя, ревнивый женишок помнит, что он ещё и глава клана. И должен заботиться обо всех его членах, начиная с твоей дочери и заканчивая бывшим вожаком, потерявшим нюх.

Дар, до сих пор пытавшийся сдерживаться, резко поднялся с места, оттолкнул стул. Оскалился, и я почти услышал поднимающийся из его груди рык. Признаюсь, на короткое мгновение стало страшно и даже стыдно. Но чувство это быстро ушло, стоило только коротко глянуть в окно.

Во дворе Джинни снова весело возится с близнецами, точно позабыв о моём приходе.

Не имею права. Не должен смотреть на неё, любить её; Хаос побери, даже дышать в её сторону! Какой-то час назад я и вовсе не собирался ехать сюда. И правильно делал: ведь стоило только увидеть Реджину, как во мне тут же проснулось всё то собственническое дерьмо, от которого я так старался избавиться.

Не избавился.

Она принадлежит мне. Она моя! А он снова пытается отнять её у меня.

— Бывший вожак сам отдал тебе клан! — рыкнул Дар. Не как любящий дядюшка, но как другой альфа. — Но может и забрать назад.

— Он может попробовать, — в тон ему отозвался я.

Никто не смеет оспаривать мою власть. Даже родной дядя. Тем более родной дядя.

— Серьёзно, Хотя?

— Я всегда серьёзен, Шандар. В своих намерениях, планах и чувствах. Жаль, что ты этого так и не понял.

Он открыл было рот, но я схватил комм и направился к двери, показывая, что наш разговор окончен. Пока и впрямь не подрались — Изара не одобрит.

— Я всё сказал. Присмотри за своей непутёвой дочуркой; клубочек там дай, пусть поиграет. И не приведи Хаос тебе выпустить её из дома, пока я во всём не разберусь! Быть может, мне удастся сделать так, что вы все тут не сядете.

Молодец, Хотя гро Маграт. Показал, кто тут настоящий альфа, а кому пора не пенсию. Разве что взрыва за спиной не хватало, а дверьми я перестал бить ещё пару лет назад.

Осталось только разобраться, откуда взялась эта противная боль в груди.

«К врачу сходи», — едко посоветовал внутренний голос с интонациями бабушки.

Впрочем, лекарство у меня уже имеется. Зовётся работой и уже который год начинается со звонка моей секретарше.

— Эмма, свяжись с Лоренцом. Через два часа он должен быть в моём кабинете.

Моя догадливая рыжая стервозина, разумеется, тут же поняла, куда я клоню.

— Решил наконец прижать банду Саргина? Если что, мой ужин будет за счёт отдела, и я оставляю за собой право взять выходной в любой день.

— Я даже куплю тебе те туфли, — со смешком пообещал я.

— И оплатишь внеурочные. В двойном размере.

— Ну разумеется.

13

А ведь я скучала по Моэргрину. Действительно скучала, сколько бы ни возмущалась дикости здешних мест и порядков; сколько бы ни расхваливала Нью-Аркадиан за его блеск и роскошь... Надо же, каждый раз я так рвалась в столицу, обратно к своим друзьям, к сомнительной работе и столь же сомнительным развлечениям — и каждый же раз, когда приближался день отъезда, украдкой смаргивала слёзы да принималась тискать близнецов. Те, само собой, вечно бухтели и вырывались — они, видите ли, взрослые, таких больших мужиков лапуленьками не зовут и в лобик не целуют! — но вечером непременно прокрадывались ко мне в комнату, чтобы отстроить на кровати нашу традиционную берложку из подушек и одеял, обнимали меня в четыре руки и без конца упрашивали остаться.

Остаться я никак не могла. Едва не всю мою сознательную жизнь я мечтала о Магистерии; именно там я наконец обрела цель в жизни и какой-никакой порядок в голове.

Но теперь с учёбой покончено. И вот я здесь.

— Джинни! Джинни приехала! — загорланили близнецы, не успела я даже выйти из кара. А когда вышла — меня тут же едва не сшибли с ног.

— Потише, засранцы, щас уроните! — со смехом одёрнула и крепко прижала к себе наперебой галдящих мальчишек. И невольно подивилась — обе вихрастые светлые макушки уже почти достают мне до плеча. В десять-то лет! Ну да, тоже вырастут дылдами, это давно уж ясно. — Что, пока меня не было, решили вымахать с папу ростом?

— Пф! — Бернар тут же отстранился и гордо приосанился. — Да мы его ещё обгоним, вот увидишь!

— Вот увидишь! — звонким эхом подхватил Инсар. — Будем в сто тыщ раз круче нашего старика!..

— Огромные и злобные!..

— И вся округа будет нас бояться!..

— Ибо нефиг!

Боги, они всё такие же несносные.

Я снова рассмеялась и укоризненно покачала головой. А заодно велела себе не тянуть с поиском жилья: пять хищников-альф в одном доме — форменное безумие. Особенно если один из них — твой обожаемый папа с болезненной склонностью к контролю всего и вся. Меня в частности.

Нет, папу я люблю безумно. Как и маму. Сказать, что я рада видеть их после целого года разлуки, — всё равно что не сказать ничего. Рада. Очень. И их донельзя счастливым лицам, и объятьям, от которых трещат кости. И даже отцовским причитаниям, какая я худенькая и что мне нужно лучше кушать.

Серьёзно, почему этот мужчина, внешности и силе которого любой молодняк обзавидуется, ведёт себя словно курица-наседка? Хотя дурацкий вопрос. Я же драгоценная папина принцесса,

похожая сразу и на его безвременно ушедшую матушку, и на любимую женщину, с которой они вместе вот уже почти четверть века. Наверное, будь у меня сын от того, кого я люблю больше жизни, я бы тоже превратилась в оголтелую мамашу.

— Не превратилась бы, — проговорила мама со смешком, когда я озвучила свои мысли. — Мы же не эти клятые медведи с их тягой к берлогам и медвежаткам. Хаос, почему я не родила троих сыновей? Мишек, чтобы у одного кошатника крыша не ехала!

— Нет уж, девочки лучше, — возразил папа, наконец перестав хрустеть моими несчастными костями. — Смотри какая у нас красавица получилась. Я бы ещё от одной не отказался!

— Ни за что, ты не подобишь меня на это снова. Нет, Маграт, никаких больше котятков, медвежаток и прочей живности! Я слишком старая для этого дерьма!

Я глянула на маму с неприкрытым изумлением. Это она-то старая? Да сколько я себя помню, она всегда в одной поре: свежая, подтянутая, с чётким рельефом мышц по всему телу и роскошной фигурой, о которой мне можно только мечтать. Страдай, Джинни, не бывает у северянок пышной груди и аппетитной задницы. Все сплошь высоченные и поджарые, хоть обычно и не такие тонкокостные, как я.

Словом, никто и никогда в жизни не поверит, что вот этой жгучей южной красотке пятьдесят восемь лет! Как многие отказываются верить и в то, что моя мать — лицензированная охотница на нечисть, федеральный маршал Антеарра и официальный ликвидатор округа Греймор. Да и вообще она у нас офигеть какая. Кремень. Мне такой никогда не стать...

Ну да я и не претендую. У каждого своя судьба, и моя меня больше чем устраивает.

Почти.

И вот это самое «почти» явилось к нам домой, нагло отняв у меня внимание братишек и заставив столбом замереть посреди сада, так буйно разросшегося в моё отсутствие.

Я смотрела на Хоту — в идиотской клетчатой рубашке, всклокоченного и небритого, на полдвора воняющего маслом, точно его силком вытащили из-под кара и поволокли сюда за шиворот, как нашкодившего кота, — и понимала, что... нет. Просто нет. Не отболело, не прошло, не стало ничуть меньше ни любви, ни ненависти.

Только ненавидеть Хоту — всё равно что пытаться влезть в мокрый купальник. Трудно, противно, неудобно и вообще не пойми зачем. А вот любить его всегда было так же просто и естественно, как дышать.

Было. Было, Реджина. Вот ключевое слово. Не позорься и не вороши прошлое. Ты не будешь ни раздирать когтями эту наглую рожу, ни радостно кидаться подонку на шею. Просто поприветствуешь так, как положено приветствовать кузена; вы изобразите, что вовсе не желаете поубивать друг друга, и пойдёте каждый своей дорогой.

И плевать, что дорога у вас должна быть одна на двоих.

Плевать, что не могу смотреть на него, не пытаюсь прикоснуться; плевать, что от одного его запаха по-прежнему коленки подгибаются, как у глупой школьницы; плевать, что сам он до сих пор глядит и трогает так, как совсем не подобает двоюродному брату...

Плевать. Потому что едва Хота открывает свою трепливую пасть — и все мои сомнения разбиваются вдребезги.

Он — моя судьба? Вот эта надутая альфа-сволочь?! Какие глупости! Просто у Прядильщика странное чувство юмора. Не мог же он всерьёз связать меня с эгоистичным мудаком, неспособным удерживать член в штанах? Уж я надеюсь на это. И какая вообще разница, что надежда — аспект совсем другого божества? Никакой. Никакой!

Не ко мне он пришёл, видите ли. Да не очень-то и хотелось! Кому ты нужен вообще, несносный, наглый, самовлюблённый комок меха!

Пусть и насквозь нарочитое, пренебрежение Хоты задело как ничто другое. Никогда прежде он не обращался со мной так, и это больно ударило по самолюбию. А ещё, что уж там, обозлило изрядно. Да как он смеет вообще являться в мой дом и вести себя так, словно это я испоганила наши отношения, которыми он якобы так дорожил?

Как же, как же... дорожил он. С половиной грейморских девиц. С-с-скотина.

На кончиках пальцев то и дело проскакивали искры, а внутри творилось такое, что куда уж тем

разломам с их привычкой глотать людей... лично я после встречи с долбаным кузеном была готова сожрать население небольшого приграничного городка. Однако же стоически улыбалась, вместо людшек пожирала пирог с малиной и вообще старательно делала вид, что я самая счастливая киса на свете. А родители, бабушка и даже братья тактично не замечали, как от моего безграничного счастья мигают светильники и дребезжат стёкла.

А он думал, это я перед ним буду извиняться? И за что же — за то, что не стерпела его предательство? За то, что отплатила ему той же монетой? О, ну так не в этой жизни: я слишком себя уважаю!

Жаль только, пять лет назад я не уважала себя достаточно. Иначе не отдала бы свою невинность первому попавшемуся полудурку...

Ну ладно, не первому попавшемуся. Его звали Дерек Кроули, и он буквально преследовал меня целый семестр. Старшекурсник-инквизитор, любимец преподав и предмет влажных мечтаний любой девчонки в Магистерии. Не буду врать, что мне не льстило его назойливое внимание. Может, у нас бы даже что-то и вышло, Кроули был абсолютно мой тип — белобрысая шевелюра, смазливое лицо, уйма наглости и бахвальства, мания величия размером с Тор Гаттар...

«А почему бы и не дать ему шанс?» — думала я всякий раз, когда злость на Хоту, копившаяся месяцами, норовила перевесить любовь к нему же. Мне казалось, что он не заслуживает ни любви, ни верности. Да, Дерек тоже был самодовольным засранцем и вряд ли воспринимал меня всерьёз, но зато не бегал как от прокажённой. И по бабам тоже не бегал. Или же уважал меня достаточно, чтобы не выставять это напоказ.

Словом, всего этого с лихвой хватило, чтобы назначить его почётным дефлоратором.

Зря, очень зря. Не потому, что золотой мальчик Дерек Кроули был так уж плох — он честно старался мне угодить и понравиться. Правда, без толку: мой первый раз был совершенно ужасен...

Просто не стоит ни с кем спать из мести. Ещё и по пьяни. Ещё и с таким же пьяным мудаком, который и на трезвую-то голову не желал слышать слова «нет». Потом, правда, он соизволил меня пожалеть и клятвенно заверил, что уж во второй-то раз мне обязательно с ним понравится.

Может и так, но второго раза не случилось по техническим причинам. Ибо следующим утром Дерек уже валялся в реанимации, до полусмерти избитый одним ревнивым подонком. Сцепились они с Хотой так, что до сих пор вспоминать страшно... И стыдно — глупость сотворила я, а расплачиваться пришлось болвану, без всякого умысла затащившему меня в постель.

Однако и в том, что Хота не в состоянии контролировать свой гнев, я тоже не виновата. Мне вообще перед ним каяться не в чем, пусть катится к Хаосу со своими обидами!

14

— Ну один в один невестка моя покойная, мир её праху, — ворчливо произнесла бабушка Дердра, когда мы уже прощались: мама собиралась на работу и предложила подвезти бабулю до деревни. Видно, чтобы та не надумала погостить с недельку, ага. — Вот уж была не альфа, а девочка-цветочек, глаза б мои не видали. Зато как разобидится на кого, и всё, пиши пропало — у цветочка-то зубищи что у тех страшил, которых мамка твоя бешеная на службе своей гоняет.

— Я всё слышу, — раздалось снаружи саркастичное замечание. — Дражайшая бабуля пешком топтать изволит?

— Ты поговори мне ещё там, напасть полосатая! Мужа б своего непутёвого так воспитывала! — фыркнула бабушка и, чуть понизив голос, продолжила: — Ты, снежинка, здорово на Хоту нашего взъелась — и правильно, этот паскудник заслужил. Да только судьба вам мириться, девочка, не то в Грейморе нам мира не видать.

Ой, ну началось!

— Ба, чего это ты вдруг? — нахмурилась я. — Ещё не хватало, не буду я ни с кем мириться!

Нет уж. Никогда. Ни за что.

Ну... первой так точно даже не подумаю!

О, прекрасно, Реджина. Стоило разок повстречать «паскудника» и оценить все упрямые под стрёмной рубашкой перспективы — и ты сразу перескочила на стадию торга. Даже не знаю, это слишком мало секса или слишком много дури в моей неумной голове.

— Не будешь, так придётся.

— Почему это?

— Потому это, — припечатала бабушка. — Прядильщик не для того полотно своё ткёт, чтоб две малолетние бестолочи могли его перепохабить. Уж не тебе ли знать-то, ткачиха?

Не дожидаясь ответа (очень, мать его, красочного!), она клюнула меня в щёку сухими теплыми губами и с довольным видом прошествовала к подъездной дорожке.

— Не спи, чернявая, драндулет сам себя не заведёт!

Что там в ответ съехидничала мама, я уже не слушала — от души хлопнув дверью, едва не бегом пронеслась к себе в комнату, плюхнулась на постель и принялась злобно комкать в пальцах покрывало. Тоже мне... Прядильщик может хоть заткаться, а всё равно я буду делать что хочу и с кем хочу!

Ну, по крайней мере, мне нравится так думать.

Ох, боги... может, мне и впрямь не стоило возвращаться?

Нет, нет и нет. Моэргрин — мой дом, и чтобы выжить меня отсюда, понадобится что-нибудь покруче очередного нахального альфаха. Да я сама его выживу, если понадобится. И клан к рукам приберу. А что, я тоже гро Маграт, имею право!

С тем же свирепым настроением я поднялась и зарылась в ближайший из трёх чемоданов.

Итогом десятиминутных раскопок стали маленькое чёрное платье без рукавов (идеально, когда в душе не разумеешь, что бы такое надеть) и любимые серебристые босоножки на тоненькой шпильке. Ну да, когда-то я, может, и стеснялась своего роста, но это время давно прошло. Подумаешь, сто восемьдесят. Зато ноги — целый метр!

Стоило внимательно оглядеть себя в зеркале, настроение тут же поползло вверх. Отлично. Осталось только по-быстрому накраситься (боги, спасибо Сэре за науку, раньше я это считала пыткой), худо-бедно укротить густые непослушные волосы и вдеть в уши любимые изумрудные серьги.

А, ну и Олли разыскать. Не пойду же я без него развлекаться, ну в самом деле?

Мой друг, впрочем, уже стоял за дверью моей комнаты, вполне себе приодетый и причёсанный.

— Да ты издеваешься! — весело всплеснула я руками. — Признай уже, что получал диплом у менталистов!

— Мой КС ментальной магии — семнадцать процентов, — не стал отпираться Олли. И протянул мне мой же комм. — На самом деле Арти никак не мог до тебя дозвониться, поэтому мы с ним договорились без тебя. Идём, он будет ждать нас в девять у входа в Вечерний квартал.

— Вечерний квартал? — фыркнула я. — Братец-котик решил, что нам дружно надо пойти и снять шлюх? Заманчиво, но у меня не настолько паршивое настроение.

— Из-за Хоты? — Олли приобнял меня за плечи и повёл к выходу. — Он жуткий козёл, наплюй на него. Ты ведь знаешь, что достойна большего.

— Не могу не согласиться, — послышался позади голос папы, и я едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Напрасно было думать, что мы смоемся из-под носа у лучшей ищейки Греймора, но может же девушка помечтать. — Куда-то собралась, красотка?

Странно, что сразу не сел на любимого конька: мол, уже поздно (да, в полдевятого-то вечера), а платье непозволительно короткое. Неужели свыкся с мыслью, что я уже давно совершеннолетняя?

— Виновна, папочка, — пробормотала я, обернувшись к нему. — Да, мы немного погуляем. Нет, без стриптизёров и наркоты. Да, вернусь поздно.

— В полночь.

О, ну да, мечтай.

— Пап, мне двадцать два!

— В час? — с надеждой предложил папа. Вроде как и ухмыляясь с подначкой, но я же вижу — он чем-то встревожен и явно не в восторге от моего ухода. И вообще не в духе.

Хота, что ли, какой херни наговорил? Вот придурок-то, зря я ему ничего не отгрызла.

— Ну пап!

— Ладно, ладно, я понял! — ворчливо отозвался он. — Стриптизёры, наркота, ждать под утро. Хотя бы держи телефон включенным.

— Хаос всесильный, будь я моей мамой — непременно бы с тобой развелась!

Нет конечно. Мой папа — самый лучший мужчина на свете, и любая женщина была бы счастлива иметь такого мужа. Пусть даже иногда он несносный и чересчур опекающий. Ну, как и все альфы.

— Кто б тебе позволил, наивная? — меня обняли и крепко прижали к груди, точно это меня спасёт от мифических стриптизёров и уложит спать в десять вечера. — Я слишком люблю вас обеих, знаешь?

— И я тебя, пап, — со вздохом вернула ему объятие.

— Но взрослая дочка — такой отстой! Надо уломать Изару на ещё одну.

— Ха, удачи. Можно мы пойдём уже?

— Детка, а это платье не коротковато? На улице прохладно...

— Па-ап!

Он довольно рассмеялся и наконец соизволил выпустить меня на свободу.

— Олли, ты за старшего! Пригладывай за моей снежинкой, чтоб никуда не вляпалась.

— Папа, он младше меня на три месяца. И хватит меня позорить!

— Конечно, Дар, — невозмутимо заверил Олли и, вытерпев традиционное отеческое похлопывание по плечу — серьёзно, папа норовит усыновить всех, кто младше тридцати! — увёл меня к гаражу. — Боги, Джинни, прекращай кипеть. Отец тебя любит, здесь нечего стыдиться.

Я хотела огрызнуться, что он просто никогда не был на моём месте... но, к счастью, вовремя заткнулась. И впрямь ведь не был. Нельзя говорить такие вещи парню, которого родители не пускают на порог уж пять лет как.

— Я знаю, — ответила в итоге. — Но всё равно он порой невыносим. И давай-ка шустренько свалим, пока он не пошёл на второй круг!

— Поддерживаю.

Дом домом, а ведь каждый раз приходится заново привыкать к Греймору с его анахронизмами на каждом углу. Мозргрин особенно красочен (и убийственен для психики): стеклянно-стальные громады офисных кварталов высятся тут и там, а под ногами крошатся древние каменные мосты; новехонький небоскрёб непременно будет соседствовать с приземистым чудищем постарше Первой Инквизиции...

Но тяжелее всего привыкнуть к несмолкаемому звону незримых нитей. Магия Хаоса плотно пронизала воздух, так и норовя вплестись в самую мою суть. Плохая идея: избыток энергии опасен и для носителя, и для окружающих. Захочешь подкурить сигаретку, а тушить придётся весь дом. С другой стороны, ни одному заклинателю такая заначка лишней не будет...

Мои раздумья были бесцеремонно прерваны — сильные руки сомкнулись вокруг талии, а над ухом послышался заговорщицкий шёпот:

— Попалась!

Секундное возмущение и порыв лишить наглеца пары конечностей тут же стихли под натиском восторга.

— Арти!

Я обернулась и радостно повисла у него на шее, благо размеры позволяют. Ростом и статью Артизар Крэстани — полный тёзка моей матушки и по совместительству сын её сводной сестры — пошёл в северную родню. А вот в остальном сущий южанин: смуглый, черноволосый, очень миловидный. Мы вполне можем сойти за двойняшек, тем более что разница у нас всего полгода. Да и выросли, считай, вместе; и учиться поехали почти одновременно. Правда, мой кузен изучал

журналистику и отмотал срок на год раньше. И да, я жуть как скучала по этому зануде!

— Боги, ты всегда был такой громадный? — шутливо изумилась, отступив на шаг и демонстративно оглядев его с ног до головы. — Или просто ещё вымахал, пока мы не виделись?

— Да не ври, дальше уже некуда, — Арти с напускным недовольством растёр щёку, на которой красовался яркий малиновый след моей помады, но тут же разулыбался во весь рот. — Чтоб тебя, Джинни, незаконно ж быть такой красоткой! Мне теперь весь вечер, что ли, поклонников отгонять?

— Зачем? У меня есть шокер.

— А, ну тогда ладно.

Мы хором рассмеялись и снова потянулись друг к другу. Кошки — существа ну очень тактильные, даже если это асоциальные полосатые злюки вроде нас, тигров.

— Крэстани, кончай уже флиртовать со своей кузиной, — слышался чей-то насмешливый голос. — Я тоже хочу от неё кусочек.

Мы нехотя разомкнули объятия, и я с интересом уставилась на спутницу кузена — высокую рыжеволосую девушку со стильной короткой стрижкой, очень характерно заостренным личиком и не менее характерным разрезом глаз — точно она всё время хитро шурилась, замышляя какую-то шалость. Угу, вот оно как. Готова своё лучшее бельишко проставить, что девица носит фамилию Нильсон. Ну или Престон, судя по отнюдь не грейморскому говору.

— Спасибо, ты тоже ничего, — уронила эдак свысока, стараясь не фыркнуть. — Может, ну их, этих мальчиков?

Лисица коварно оскалилась, сжала мою ладонь в своей, скользнула бархатистой щекой по моей щеке... нет, вовсе не анонсируя лесбийское шоу, а просто запоминая мой запах и давая запомнить свой. И громко прошептала:

— Я ждала, когда ты предложишь.

— Кажется, мы оба остались без пары на сегодня, — меланхолично заметил Олли, пряча усмешку.

— Не так быстро, девочки, — Арти со смехом покачал головой. — Ну, в общем... Реджина, Оливер, это Наоми Престон, моя девушка...

— Твой босс, — поправила Наоми с явным удовольствием.

Арти тут же соорудил свою фирменную физиономию зануды в свитере с оленями и вскинул указательный палец.

— Эй, вообще-то ты босс моего босса!

— И как же это говорит в твою пользу?

— Никак, мне просто хотелось сделать остроумное замечание.

— Хреново у тебя получилось, котик!

— Ой, не делай вид, будто я тебе не нравлюсь!

А они милые. И надо же, наш Арти, похоже, здорово влип. Ни перед одной девицей он в жизни так не робел и не мямлил, а ведь подружек у него была просто уйма.

Меня они, кстати, обычно терпеть не могли: я вечно казалась им конкуренткой на полосатую задницу кузена, тем более что у нас с ним ни капли общей крови. Но лисица вроде глядит с симпатией, да и мне она понравилась — не похожа на дурочку или стерву. Опять же, она из нашего мохнатого круга. Не вампириша и, слава богам, не человек.

Нет, я не расистка, честно! Бывают вполне славные вампиры, а мои лучшие друзья — чистокровные люди. Но совместимость у наших видов... так себе. С кровососами мы частенько не совпадаем по темпераменту, а с людьми вообще почти по всем пунктам. Начиная с физиологии и заканчивая койкой.

Ну, так говорят. В моей койке, как ни странно, оборотней не случалось.

Забегаловка, в которую нас привёл Арти, гудела точно трансформаторная будка — так много чар было натянуто вокруг. На вычурной вывеске, как это принято у кровососов, вместо названия значилась фамилия Монтеро. И с каких это пор братец-котик стал любителем вампирских притонов?

Впрочем, вампиров в просторном зале оказалось не так уж много — нашей мохнатой братии куда больше. Обычно я вполне комфортно чувствую себя среди своих, но сегодня пристальные, алчные взгляды старательно принимающих оборотней отчего-то выводили из себя. Того гляди, пальцем показывать начнут. Неужто их всех мамы не учили хорошим манерам?

Вот поэтому-то я и предпочитаю обычных мужчин. По крайней мере, они хотят меня не потому, что я женщина-альфа и дочь гро Маграта.

— Тебе здесь не нравится? — проницательно заметила Наоми, едва мальчики усадили нас за круглый столик в углу и ушли к барной стойке.

— У меня просто настроение паршивое, — честно призналась я. — В такие вечера я заваливаюсь в первый попавшийся клуб и танцую до упаду со всеми мало-мальски симпатичными парнями... Но так-то неплохое местечко.

В самом деле, неплохое. Довольно уютное, в меру пафосное. Зал, просторный и прохладный, погружён в комфортный нелюдскому глазу полумрак; музыканты играют со сцены что-то лёгкое и ненавязчивое; народу много — как-никак, вечер пятницы, — но грамотно растянутая по периметру зала сеть заклиний сглаживает все шумы и даёт иллюзию уединённости. Самое то для дружеских посиделок.

— Значит, босс его босса? — спросила с усмешкой, прежде чем девочка-лиса начала вынюхивать, что не так с моим настроением. — Как это вообще работает?

— Уж тебе-то не нужно объяснять, что болтовню Арти стоит делить надвое? — фыркнула Наоми. — Я всего лишь главный редактор его отдела. И неплохо бы мне в будущем году получить повышение, чтобы этот полосатый засранец не задумал меня подсидеть.

— Хотела бы я сказать, что он бы не посмел, да вот только наш Арти...

— ...бессовестный карьерист и тот ещё говнюк, — закончили за меня. — Киса, я не питаю иллюзий на счёт Арти. Хотя до старшего братца ему далеко — вот уж с кем свяжется только наглухо долбанутая!

— Вот уж согласна, — пробормотала я, нервно крутя тоненький браслет на запястье и ощущая, как вспыхнувшее было веселье улетучивается прочь. — Значит, вы с Хотой не ладите? Обычно он нравится девушкам...

— ...до тех пор, пока не откроет рот, — съязвила Наоми. — Хота, кажется, убеждён, что любая женщина обязана потечь, едва завидев хамоватого мужлана на крутой тачке.

Очень метко сказано. Однако мне всё равно сделалось до жути неловко и неприятно. Неужели она не знает?..

— Полагаю, ты недавно переехала? — я натянула на лицо дежурную улыбку. Это искусство я освоила, когда работала танцовщицей: посетители куда охотнее делают кассу, если девушки милы и приветливы. — У тебя не северный акцент.

Наоми охотно сменила тему и поведала мне о своём переезде из Нью-Алькасара в Моэргрин. Попутно выяснилось, что маршалу Мидори Престон — альфе клана Нильсен — она приходится троюродной сестрой. И что в сентябре ей будет тридцать. Ни за что бы не догадалась! Ну да, как это обычно и бывает у оборотней.

— Всё в порядке, Джинни?

Это Олли вернулся и поставил передо мной бокал с лимонным дайкири.

— В полном, — улыбнулась я и, сделав глоток, зажмурилась от удовольствия. — А здесь отличный бар.

— За то и любим, — охотно поделился Арти, потягивая через трубочку какое-то гламурно-розовое слоистое нечто в аляповатом высоком стакане.

— Ты уверен, что это пойло не угрожает твоей мужественности?

— Не уверен, но послушай, оно слишком вкусное!..

Кроме шуток, оборотни очень уважают хорошую выпивку. Всякую химическую дрянь мы вычисляем на раз: пить такое — форменная пытка. А вот этот коктейльчик чудо как хорош: стоит сделать глоток, во рту разливается сладость рома, дымчатая крепость дорогого коньяка и бодрящая кислинка свежевыжатого лимонного сока...

В общем, ничего удивительного, что я вскоре опустошила бокал и, оставив Олли весело болтать с кузеном и его лисицей, бодро отправилась за добавкой.

Сбежала, если уж говорить по-честному. Донельзя тошно бывает смотреть на чужое воркование, когда у самой в груди каменоломня.

— Тройной виски, безо льда, — послышался вдруг сбоку густой баритон. — И ещё бокальчик вон той сладкой бурды для вот этой сладкой девочки.

Я машинально огляделась в поисках «сладкой девочки». Не нашла, что характерно. Пришлось неохотно признать, что речь обо мне. Повернулась, чтобы смерить наглеца уничижительным взглядом, да так и застыла на месте.

Длинноволосый громила в кожанке оказался весьма хорош собой. Явно родом с дальнего севера: волосы у него белокурые, почти серебряные, а хитрые раскосые глаза — они наоборот такие тёмно-синие, что кажутся чёрными. Лицо худощавое, жёсткое, но вовсе не грубое — точно некий скульптор решил изваять конфетного красавчика, но изрядно переборщил с резкостью линий. Не типичная грейморская внешность, такие ледяные принцы обычно близ Морнуота водятся. Но почему он кажется знакомым?

И пахнет тоже знакомо. Волк. Альфа... Хотя о последнем и без запаха можно догадаться: только альфа-самцы в любой ситуации держат себя так, словно им принадлежит весь мир.

— Не узнаёшь меня, милашка? — выдохнул мужчина. Чётко очерченный рот растянулся в нагловатой усмешке. — Помочь тебе вспомнить?

— Чувак, этот подкат постарше моей бабули будет.

Волк рассмеялся (и сделался совсем уж до неприличия хорош собой).

— Щенок сенбернара, — только и сказал он.

Тут уж я наконец вспомнила и восторженно приложила ладонь ко рту. В мои семь лет щеночек казался самым чудесным созданием на свете, и я жутко завидовала тому пацану, которому он предназначался в подарок.

«Я бы непременно подарил его такой чудесной девочке, но Йен очень-очень его ждёт. Да и вряд ли маршал мамуля оценит такое прибавление в семействе», — точно наяву зазвучал ласковый голос грозного с виду парня, который привёз маму домой — она тогда заработала одно из бесчисленных своих ранений и не могла сесть за руль. Из машины парня она выскочила ну очень резво, а «мелкое слюнявое чудище» радостно припустило за ней — и добрых полчаса нас не могли разлучить ни она, ни временный владелец щенка...

— Маршал Ярлак! — наконец выдала я.

— Брендан, — поправил волк, выразительно поморщившись. — Не выношу, когда красивые девушки зовут меня маршалом.

— А красивые девушки не выносят, когда нахальные альфаши пытаются ими помыкать, — фыркнула я. — Причём даже не прихватив с собой щеночка.

Брендан прищурился не то насмешливо, не то мечтательно.

— Прошу меня извинить, Реджина. Могу я угостить тебя?

Первым порывом было решительно отказаться. Но какого ж хрена? Я свободная кошка, а этот тип безбожно привлекателен — имею право делать с ним что захочу.

Жаль только, что особо ничего не хочется.

Ну да ладно, новый бокал уже всё равно поставили передо мной.

— Можешь, — великодушно разрешила я. — только в следующий раз сначала спрашивай, а потом угощай.

— Как пожелает моя леди, — церемонно кивнул гро Ярлак, приложив руку к груди. Позёр. — С возвращением, Реджина, — он отсалютовал мне стаканом с виски. — И не оставляй нас больше — твои родители совершенно невыносимы, когда скупают по тебе.

— Даже мама?

— Особенно мама, — заверил он, понимающе улыбнувшись. — Изара не очень хороша в выражении эмоций, но я-то её знаю уже добрых пятнадцать лет... О, отлично, Брен, ты подкатил к прелестной кошечке, чтобы посплетничать про её мать. Ну и насколько я стрёмный по шкале от одного до десяти?

— Четыре.

— Всего-то? Да я перспективный!

Я невольно хихикнула, с удивлением отметив, что настроение снова поползло вверх. Может, он и впрямь перспективный. По крайней мере, после Лэнса с его мерзкими приставаниями. И после Хоты с его демонстративным нежеланием иметь со мной дело.

Да не больно и надо! Тоже мне, всеобщее достояние Севера выискалось!

Однако же на фоне предыдущих двух альфа-засранцев маршал Ярлак впрямь поражает манерами. Понятно, что это он просто втянул когти и наспех изобразил домашнего щеночка, но... постарался же, чтобы мне понравиться. Это подкупает. Настолько, что я почти безропотно беру из его рук комм и записываю свой номер.

Заполучив желаемое, Брендан уже не трудился скрывать торжествующую усмешку — как же, рыбка на крючке, киска в коробочке. Однако он лишь пообещал позвонить мне и тактично заметил, что мои друзья меня заждались.

И то правда: с альфа-волком мы трепались, наверное, добрых четверть часа. Поэтому я чуть спешно распрощалась с ним и, подхватив со стойки третий бокал дайкири, пошла обратно к своему столу.

— По-крупному играешь, да, киса? — Наоми картинно нахмурилась и погрозила мне пальцем. — Ну, имею сказать, что вы с этим здоровяком славно смотрите вместе.

— Кому как, — буркнул Арти, болтая соломинкой в опустевшем бокале. — Маршал пёсик, серьёзно, Реджина?

Я зло сощурилась.

— Какие-то проблемы, братец?

— Никаких, сестричка, — отрезал он, дёрганым движением отодвинув бокал. Ясные голубые глаза коротко сверкнули, на миг становясь такими же пронзительно-жёлтыми, как мои. — Но у Хоты найдутся возражения, уж не сомневайся.

— У Хоты найдутся его бесконечные шалавы, как и прежде! — тут же огрызнулась я, до хруста стиснув пальцы на столешнице. — А возражения пусть засунет себе в зад и хорошенько провернёт. Нет у него никакого права возражать!

Отлично сказано, Реджина. Жаль только, когда дело касается Хоты, слова у тебя частенько расходятся с делом.

— Крэстани, мне кажется, ты забыл сообщить мне пару-тройку важных вещей о своём семействе, — пробормотала Наоми, явно смущённая нашей перепалкой. А заодно и не таким уж давним разговором. — Реджина, мне следует извиниться за?..

— Не глупи, лисонька, — оборвала я. — Твоя правда, в Хоту втрескается только наглухо долбанутая. Лучше скажи — куда, Хаос побери, вы дели Оливера?

— А, хм, он отошёл позвонить, — Наоми нервно взъерошила свои огненно-рыжие волосы, отчего те забавно встопорщились на макушке. — Что-то долго его нет...

— Сейчас поищу.

Не обратив никакого внимания на требовательный оклик Арти, я быстрым шагом направилась к выходу. Надо разыскать Олли, пока тот не успел никуда вляпаться.

Как и в прошлые наши встречи, Салливан глазел на меня вызывающе и нагло. Его пылкие чувства ко мне тоже не изменились. Неприязнь, граничащая с ненавистью. Презрение. И с трудом контролируемый страх. Не перед окружным прокурором — кто из местной шпаны вообще боится полицию? — но перед оборотнем, способным перебить ему хребет одним ударом.

Много чести — скалиться на малолетку. Тем более когда есть законные способы испортить ему жизнь. Без всякого физического насилия. Но откуда бы знать простому карманнику, что уголовный кодекс мне нравится больше моих медвежьих когтей?

Сядет он, впрочем, не за карманные кражи. А за торговлю наркотиками, нападения и разбой. Или не сядет — если перестанет строить из себя крутого парня из компании таких же крутых парней.

— Итак, Рэй, — для вида бросил взгляд на его дело, хотя прекрасно помнил имя, — давай начистоту. Мне надоело это дерьмо. Ты и твои дружки три месяца проедаете бюджет Греймора, а я, как сын префекта, должен заботиться о благосостоянии округа.

— Заботиться? В костюме-то за полтора куска? — неприятно скривился Рэй. — На эти деньги можно жить месяц!

— Верно, — согласился я. Правда, не за полтора, а за два с половиной, но всё равно пацан удивительно сведущ в ценах на приличные костюмы. — Но вот в чём дело — я эти деньги заработал, а ты предпочёл связаться с сомнительной компанией. Результат немного предсказуем, Рэй. Я в дорогом костюме и без пяти минут главный прокурор округа. Ты же того гляди сядешь на всю оставшуюся жизнь, а всё из-за собственной тупости и любви к хуёвым песенкам про тюремную романтику. С романтикой в тюрьме, кстати, так себе. Слышал, согласия там не особо спрашивают.

Рэй предсказуемо вызверился. Подскочил на месте, и только из-за того, что был пристегнут наручниками к столу, не попытался наброситься. У подобных гроз всего района анальный секс почему-то большая тема.

— Ты чё, сука, петухом меня считаешь? — зашипел он. Тоже предсказуемо и даже смешно. — Да ты знаешь, чё я сделаю, прокурор?!

— Подай на меня в суд, — посоветовал я, подходя ближе и усаживаясь на край стола. — Могу дать бланк и ручку. Диктовать не буду, извини — мои услуги юриста стоят дорого, у тебя столько нет. Только учти, что с судьей Эмерсоном я играю по выходным в покер, и он должен мне уже кучу денег. А судья Литт спит и видит меня в своей постельке. Была бы в моем вкусе — даже дождалась бы.

— Продажные суки...

— Верно, — снова согласился я. — И раз уж мы выяснили, кто тут крутой парень в дорогом костюме, а кто будет сидеть под шконкой, предлагаю перейти к делу.

Я потянулся за папкой, серой и безликой, ничем не отличающейся от прочих подобных.

— Рэй Салливан, восемнадцать лет, бросил школу в пятнадцать, с тех пор сделал головокружительную карьеру от автомеханика до шестерки в банде Джона Саргина. Штрафы за вождение в нетрезвом виде, хулиганство, нападение, условный срок за хранение наркотиков. Двадцать первого апреля был арестован за вооруженное нападение на ювелирную лавку мистера Стинсона. В качестве улики прокуратуре предоставлена видеозапись с камер на углу Четвертой и Кленового бульвара, на которой четверо мужчин, биометрические данные которых совпадают с данными задержанных, выходят из кара и направляются в сторону лавки. В подходящем под описание кара были обнаружены: три пистолета сорок пятого калибра, три магазина патронов, железный штырь со следами крови, принадлежащей мистеру Стивенсону. А также осколки стекла, аналогичные тому, которое ты и твоя компания разбили в лавке.

— Это не моя машина, — заявил Рэй. — Нет у тебя ничего! Если б было, я б давно мотал срок, а не любовался на твою рожу, меховой ублюдок.

— О, расизм? Грубо, Рэй, очень грубо, — насмешливо пожурил я. — И да, у меня много чего есть. Более чем достаточно, чтобы посадить тебя и твоих дружков, Салливан, на очень долгий срок. Незаконное ношение оружия, нападение, ограбление, причинение тяжких телесных, превышение скорости. И вишенкой на нашем криминальном тортике — оскорбление представителя закона. Прибавим сюда твоё условное и получим... двадцать лет строгого режима. И это в твои-то восемнадцать, Рэй! А в Морнуоте, куда я тебя отправлю, даже летом температура не поднимается выше десяти градусов. Отвратительные перспективы, не правда ли?

Хуже некуда. Рэй изрядно побледнел и мигом растерял все свое бахвальство и наглость. В тюрьму

он не хотел. Да и кто хочет?

— Чего вам от меня надо? — бросил он зло, но в голосе мелькнуло нечто, напоминающее надежду.

Прекрасно, рыбка на крючке, не сильно сопротивляется и даже перешла на «вы».

— Информацию. Видишь ли, сажать вчерашних школьников вроде тебя мне надоело ещё в колледже, — я протянул ему один из листов. — Расскажи мне то, что я хочу, Рэй. И мы обсудим твой условный срок за неоценимую помощь следствию.

Он внимательно прочёл документ. Медленно, то ли вовсе не въезжая, о чём речь, то ли силясь понять, как оружие, найденное на одном из складов в Нижнем Моэргрине, связано с его условным сроком. Почти свободой, если сравнивать с двадцатью годами в морнуотской тюрьме.

— Я ничего не знаю. А если бы знал...

— ...то не сказал бы. Ты даже представить себе не можешь, сколько раз я это слышал. И почти всегда эта фраза — такой лютый пиздёж, что аж стыдно.

— Но я не!..

— Подумай, Салливан: я ведь лучше Саргина. Я хотя бы пытаюсь вытащить тебя из этого дерьма. А чтобы тебе было удобнее вспоминать, посиди тут. Говорят, зелёный цвет расслабляет.

На самом деле, не зелёный цвет, а Лоренц — вампир, менталист и редкостная сволочь, вот уже три года работающий консультантом у местных законников. Мой зверь терпеть не может всю эту клыкастую мертвечину, но вот отрицать пользу, которую они могут принести мне как прокурору, никак нельзя.

Лоренц Тамрит, сын Гаррета Тамрита, обладает редким даром убеждения. Не тем, благодаря которому девчонки снимают трусики и встают в удобную позу. Нет, Лоренц пробуждает в своих подопытных крысках совесть, заставляет их испытывать моральные терзания. Не то чтобы это законно с точки зрения юриспруденции. Но и прямым принуждением не назвать — просто в его присутствии допрашиваемый легко признаётся в содеянном. Охотно выкладывает все подробности своих деяний, зачастую сопровождая это слезами, соплями и просьбами отправить его на самые суровые исправительные работы.

Мне же наш северный божок, именуемый Прядильщиком, щедро отсыпал своей благодати, наделив даром слышать правду. Вкупе с талантами Лоренца это неизменно даёт великолепные результаты.

17

Часы показывали без четверти одиннадцать, когда на пороге моего кабинета показался Лоренц. Бледный, как будто бы уставший, с хитрящей клыкастой ухмылкой на роже. И с папкой в руках.

— Долго ты, — вместо приветствия произнёс я.

Лоренц опустился на стул напротив с видом эдакой утомлённой звезды. Ох уж эти вампиры с их томностью. А ведь ему всего на десять лет больше, чем мне! Дядюшкин дружок Гаррет и отец всей местной вампирятни Александр Тамрит — те ещё невыносимее. В разы.

— Крепкий орешек этот твой Салливан.

Я вопросительно вздернул бровь.

— Что? Знал бы ты, как сложно взывать к совести у тех, у кого даже нет мозгов? Seriously, в какой-то момент я подумал, что ты подсунул мне ту новую гномью приبلуду с человеческим лицом.

— Ты про автоматов? Нет, они умнее. И красивее.

— Пожалуй, ты прав, — хмыкнул Лоренц. — Если честно, даже жаль этого Рэя. Я тут глянул, что он накарябал. Чудом продрался сквозь каракули, но знаешь что? У пацана феноменальная память. Он запомнил и номер кара, и как выглядел каждый из гостей Саргина, и даже о какой сумме шла речь.

Я махнул рукой, прося отдать папку. Лучше и не скажешь — феноменально. И отличный повод, чтобы подать запрос в столицу... Как тут не сказать Прядильщику спасибо за чутьё и ненавязчивые подсказки, в чью сторону смотреть?

Папку, впрочем, наглый вампир почти сразу потянул обратно к себе.

— Не-не, сначала оплата, потом товар.

— Тебе платит управление. Неплохие деньги, между прочим!

— Ну, то управление... И вообще деньги не главное, ты сам знаешь.

Знаю. Вампиров, будь неладна вся их клыкастая братия, хлебом не корми, дай кровушки послаще. А что может быть слаще крови альфы? Вон и бокал уже подставили, да из тех, в который запросто помещается полбутылки вина.

— Ты серьёзно, триста пятьдесят за какого-то гопника?

— Ну я же знаю, кого ты на самом деле хочешь посадить. И всё ещё хочу спросить, не рановато ли тебе замахиваться на самого сенатора? Не то чтобы я сомневался, что ты у нас крутой мальчик...

— Вот и не сомневайся, — буркнул я, доставая из ящика стола серебряный кинжал, который там держу специально для таких случаев. Лоренц, едва глянув на него, тут же скривился, буркнул «изверг» и расстроено вздохнул. — Нет, даже не думай, ты не всадишь в меня свои клыки.

Лезвие полоснуло по руке, обжигая. Очень больно, охота обратиться да хорошенько нарычать на вампира. В медвежьей шкуре всё легче — переносить неудобства, зализывать раны. Звери вообще лучше людей. Они сильнее, крепче и куда более приспособлены к жизни.

Бокал у меня из-под руки забрали, когда он был наполовину полон.

— Не могу на это смотреть. Лучше бы дал себя укусить, клянусь, я был бы нежен! Скорее всего, тебе бы даже понравилось!

— Ни за что, — я покачал головой, вытер кинжал платком и им же обмотал запястье. Пройдёт к утру. — В моей шее, руке или заднице побывают только зубы моей жены.

— Жены? Миленько. Но что-то не припоминаю за тобой тяги к семейной жизни. Как же образ самого завидного холостяка Моэргрина?

— Не знаю никаких образов, — возразил я. — Я медведь, это в моей крови. Построить берлогу, завести пару-тройку медвежат, газончики, заборчики, ну и вот вся эта пасторальная чушати́на с предвыборных плакатов. Ещё в свои двадцать шесть собирался, но увы, не срослось.

Лоренц прищурил светлые глаза, то ли голубые, то ли серые, в свете кабинетных ламп так сразу и не поймешь. Неприятно так, аж захотелось вспомнить молодость и как следует въехать кулаком в самодовольную морду. И вот эту скотину я считаю почти другом?

— Медвежат?.. Странно, мне всегда казалось, что ты по кошечкам. Вы, Маграты, вообще преступно слабы ко всяким хвостатым напастям.

— Сказал тот, кто спит и видит Арти в своей постельке, — мстительно напомнил я, — но увы, мой полосатый братишка исключительно по девочкам.

Равно как и я сам. Враньё это, что все хаоситы повально склонны к бисексуальности. Нет, гомофобией я не страдаю (было бы странно и просто мерзко, учитывая, что воспитан я однополой парой). Но серьёзно, как вообще хоть кого-то могут привлекать мужчины, когда есть девочки? Родись я девчонкой — наверняка играл бы за свою команду.

— Я слышал, твой полосатый братишка теперь ещё и по политике, — заметил Лоренц, лениво потягивая мою кровь из бокала. Уж не знаю, как он не даёт ей свернуться. — Котик Арти всерьёз готовится занять креслице айнэ Кэмерин? Я думал, стать королём Севера хочешь ты.

Не хочу. Не скажу, что не прельщает, но политика — та ещё дрянь, где помимо острого ума и хорошего образования нужно обладать другими качествами. Изворотливостью, умением состроить глазки где нужно, а где нет — ударить кулаком по столу. И если со вторым у меня всё более чем в порядке, то вот с первым, увы, не свезло. Покорности, смирения во мне ни капли, а уж со скромностью и вовсе беда.

Не быть мне, в общем, королём Севера. Но совсем другое дело — встать за спиной младшего братишки, которого я обожаю больше всех на свете.

Ну ладно, больше всех, кроме Джинни, но в нашей семье она всегда была принцессой; Арти же был моим собственным котёнком.

— Зачем мне это? Закон — моё оружие и моя политика. А правит пусть Арти, ему подходит. И я в любой момент смогу освободить его от должности, если он будет мне негоден.

Лоренц посмотрел на меня удивлённо и чуть подозрительно.

— Ты серьёзно это сделаешь? Со своим братом?

— Сводным братом, — просто из вредности поправил я, плеснув себе ещё виски. — Закон есть закон, мой клыкастый друг. Соблюдать его должен даже префект, родственник он мне или нет.

Вру, конечно. Хотя бы отчасти — Арти я уж слишком люблю, как и его мать.

Такая вот у нас странная, по меркам всяких консерваторов, семья из тигрицы, медведицы и нас двоих — их детей. Я почти и не помню, как Лилс сошлась с мамой. Просто в один прекрасный день у Дара появилась Изара, а у мамы — Лилит, ставшая мне не то второй родительницей, не то крутейшей старшей сестрой. Обманчиво легкомысленная, вздорно-дерзкая и донельзя обаятельная, родившая нам очаровательного тигрёнка. Это потом появилась Джинни, принцесса и сокровище клана гро Маграт. А сначала у меня был Арти, мелкий и вредный, однако очень милый, когда того требует ситуация. Он и сейчас такой, но теперь ещё прагматичный до безобразия и экономный до скупости (спасибо воспитанию своры гномов и Джила, грозного омеги прайда Крэстани). Ну да это хорошие черты для любого правителя.

— Ну меня-то ты не слишком заставляешь быть законопослушным, — Лоренц ехидно ухмыльнулся.

Не заставляю, пусть поводов и хватает. Контрабанда, торговля запрещенными веществами, несколько борделей, проходящих в налоговой службе как модельные агентства... Вампиры те ещё пройдохи, на тёмных делишках съевшие не одну собаку. Ну, точнее, волка. Ибо почти весь теневой бизнес Греймора Гаррет с детишками отжали больше двадцати лет назад у клана гро Ярлак — шелудивых псин, по одному лишь недоразумению способных оборачиваться людьми.

— Я дитя Хаоса, идеальный порядок был бы слишком скучен, — снова выдвинув ящик стола, достал бутылку с виски Ароматным, с мягким вкусом, не то что ядрёное гномье пойло. Налил себе, повертел в пальцах стакан, любуясь янтарной жидкостью. — Мне нравится твой бизнес. Местами. Ведь ты привёз мне «Эрсланд»! Тридцать шестого года, в идеальном состоянии, бронзовые ручки и стеклоподъемники!

— И «Корингтон», — с усмешкой напомнил вампир.

— И «Корингтон», — согласился я.

Если и есть хоть что-то помимо работы, интересующее меня, так это машины. Да я мог бы стать лучшим автомехаником на Севере! Ну, после гномов, хотя не факт — полулюду никогда не понять тяги людей к красотам. Для них машины это машины, которые должны быть надежными, работать в любой ситуации и ломаться как можно реже. Чтобы не тратиться на запчасти, ага.

Комм зазвенел внезапно, убивая к сидхе все мечты о карьере механика. На экране высветилось фото Арти — улыбающегося во весь рот, с вихрастой челкой и в такой ядрено-жёлтой толстовке, что глазам больно. Любит же он рядиться во всякую хрень. Вот так глянешь, и ни за что не скажешь, что этот парнишка — один из лучших политических журналистов Греймора. А если всё сложится, то и будущий префект.

— Чего тебе не спится, мелочь?..

— Брат, ты мне нужен! Очень-очень, вот прям офигеть как нужен, — в своей обычной манере зачастил Арти. Ну как в обычной — он срывается в скороговорки, только когда нервничает. — Как адвокат. Хоть ты и прокурор. Короче, нас замели за убийство.

Что, простите?..

— Где ты?

— Мы в участке. Не в полиции. У инквизиторов. Будь хорошим мишкой, скажи им, что они все пидорасы, а мы с Джинни ничего не сделали! Я не силен в мумиях!

18

Мумии, ночь. Арти, наверняка не упустивший возможность выгулять Джинни, хоть я и запретил Дару выпускать её из дома. Действительно, что могло пойти так?

— Погоди, я сам угадаю, — протянул я зло, уже готовый вцепиться в горло первому попавшемуся неудачнику. — Вы были с этим оленьим мажонком? На отвратительной зелёной машине, в сомнительном месте, где до моей женщины, едва она осталась без присмотра, снова доебался какой-то полудурок? А потом этот её чахоточный мудила исчез всего-то на пару минут и ничего не предвещало?..

Ну да, мы с Эммой основательно порылись в новом громком деле Инквизиторов, в обмен на свидание моей секретарши со старшим следователем Майером. Не знаю, как она, а я впечатлился. Не Майером, но феерической глупостью моей родни. Мало того, что всю мою семейку можно запросто замести за укрывательство предполагаемого преступника, без пяти минут находящегося в розыске, так там ещё и улик столько, что пора готовить новую красивую папочку — чтобы эффектно выступить на стороне обвинения.

Сдёрнул пиджак со спинки кресла, на возмущённое нытье Лоренца ответил средним пальцем; отмахнулся от Эммы, которая наверняка уже в курсе происходящего.

— Кто труп недели? — спросил я у притихшего братца, направляясь в сторону лифта.

— Вендин гро Гитвар.

Нервно потёр переносицу. Просто прелестно! Мало мне было Лэнса с его безутешным дядюшкой, теперь придётся слушать истерику Гитваров, третьего по силе медвежьего клана на Севере. Впрочем, насрать — какой смертник решил, что может убивать моих медведей на моей же территории? Клянусь Прядильщиком, оставлю дома удостоверение и разберусь не как прокурор, но как альфа. Ибо нехрен трогать моё, кем и чем бы оно ни было.

— В чём вас обвиняют?

— Нас — ни в чём, — отозвался Арти. — А вот Джинни с Олли — главные подозреваемые. Мы в допросной, а их сразу в каталажку запихнули.

— Джинни в камере? — уточнил я. И тут же свернул в сторону главного выхода, откуда проще добраться до изолятора Инквизиции. Оставлять брата в допросных мне очень не хочется, но Джинни за решёткой делать вовсе нечего. — С кем ты?

Арти ляпнул было про свою девицу, Наоми, на которую мне вообще-то было откровенно наплевать, но почти сразу сообразил, о чём я спрашиваю. В трубке послышалась какая-то возня, голоса, из которых я всё же выцепил имя «Джоэл». Фамилию не разобрал, но и не надо — этого лейтенанта я помню по паре прошлых дел.

— Отдай ему комм, — велел я. И, коротко поприветствовав инквизитора, перешёл к делу. — Лейтенант, возьми расписку, отправь болезных домой. Статья двадцать вторая Положения о работе с участниками уголовных дел, мистер Крэстани и миз Престон, являющиеся свидетелями, пока не доказана причастность, при наличии документов... А, короче, ты и сам всё знаешь.

Джоэл тяжело вздохнул. Даже без слов понятно, на каком органе он вертит меня, моего брата и всю нашу шерстяную шоблу. Но Арти с его несносной подружкой уйти всё же позволил — кому охота целую ночь любоваться на вздорных меховух с сомнительной роднёй?

Нет, хорошо, что я не пошёл в охотники, как собирался.

Полицейское управление и прокуратура, слава Хаосу, стоят совсем рядом с архитектурным монстром, в котором заседает всё региональное подразделение по борьбе со сверхъестественной преступностью. Едва войдя, махнул удостоверением перед полусонным дежурным (ещё бы он был бодрый, во втором-то часу ночи) и пошёл по следу. Ни с чем не спутать запах крупной хищницы, а кошки всегда пахнут шерстью, опасностью и свежестью. Аромат тигрицы особенно яркий и запоминающийся. Опьяняющий, как и сама Джинни...

Так, Хота, соберись, потом предашься воспоминаниям.

Предамся, ага. В душе, наедине со своей рукой. И даже не стану напоминать себе глупости про «оставить всё в прошлом». Смысл? Но то наедине, а тут я по-прежнему прокурор и редкостная сволочь.

Ладно, и впрямь стоит поторопиться. Гектора Сойера, которому выпала честь арестовывать Реджину, я знаю со студенческих времён, и вовремя заткнуться этот еблан сроду не умел. Равно как и женщины-альфы никогда не отличались ни кротостью, ни терпением. Да, Реджина для хищницы довольно нежная и миролюбивая, но не безропотная. В обиду она себя не даст, вторую щёку нипочём не подставит...

О, ладно, не делай вид, что ты по-прежнему знаешь её лучше всех! Прежняя Реджина ни за что не угодила бы в тюрьму. И уж точно не нарывалась бы на драку с инквизиторами. А всё ради какого-то столичного задохлика! Ну вот что в нём может быть такого?..

Не то чтобы я в самом деле хочу знать.

В холле было неестественно тихо — заглушки магов работали на отлично, и поначалу я не слышал

ничего кроме собственных шагов, громких и гулких. По звуку найти не получится, но мне достаточно и запаха: манящий аромат крупной кошки шлейфом тянется вдоль каменных стен, помогая отыскать дорогу.

Заглушек, впрочем, тоже не хватило надолго — они рассчитаны на человеческое ухо. У оборотней совсем другой диапазон.

— ...и на вашем месте, мальчики, я бы встала в угол и подумала над своим поведением! — вдруг зазвенел в ушах знакомый сладкий голосок. Ему вторил стук каблуков, и я прямо-таки воочию увидел, как Джинни возмущенно расхаживает по камере, а «мальчики» пьются на её ноги, точно удав на кролика. — Напоминаю: ваш начальник — мой любимый дядюшка!

— Ишь какая цаца, — фыркнул кто-то, кого я по голосу не признал. — Девчуля, ты не на нашем месте — ты на нарах кукуешь! Угомонись, сдадим тебя обратно в твой медвежатник, никуда не денешься.

— Я никуда не пойду без Олли!..

Ещё как пойдешь, дорогая. Ибо ты за решеткой мне совсем не нравишься — я тебя там пока не видел, но фетиш точно не мой. А вот твой дружок, увы, совершенно справедливо окажется главным подозреваемым.

— ...да вы знаете, кто его отец?!

— Мы знаем, кто твой, — меланхолично заметил Сойер — елейный тенорок этого засранца я узнал сразу же. — Нам хватает.

— По-вашему, Лоркан Маккензи позволит вам держать за решёткой его сына?

— Боги, Джинни, умолкни! — мученически застонал долбанный Олли. Я склонен с ним согласиться — ещё немного, и моя дорогая кухня запросто наговорит ему на пожизненно-посмертное.

Стоп. Так эта килька в томате — сынок Палача Инквизиции? Ну охуеть теперь, вот ещё сюрпризы на мою голову. Если закрыть пацана в тюрьме без весомых доказательств — скандал выйдет грандиозный. Бракованный сынок или нет, а Палач не даст кучке мехового сброда пятнать честное имя его пресветлой семьи.

— Моё почтение мастеру Маккензи, — наконец протянул Сойер чуть издевательски. — Только вот мы в Грейморе, и здесь имя папаши вряд ли сослужит твоему дружку хорошую службу. Так что продолжала бы ты перебирать своих папиков, авось я испугаюсь и задрожу.

— Твою ж мать, Гектор! Самому-то не надоело? Вы даже нормально обвинения нам предъявить не можете, нет такой статьи — «постоять возле трупа»! А раз не можете, открывай грёбаную клетку, да поживее, не то...

— Не то что, кисуля? — перебил Гектор, явно наслаждаясь её яростью. — Надуешь свой минетный ротик, топнешь ножкой и побежишь к папочке на ручки?..

Интересно, он понимает, что теперь его труп никто и никогда не найдёт? И даже если я не прикопаю его в ближайшей песочнице, то Дар, едва слышав жалобы своей принцесски, несомненно устроит Сойеру весёлую жизнь. Будет прав, а я даже воздержусь от напоминаний, кто теперь альфа Севера.

Тут Сойер заткнулся, да и сам я глупо замер посреди коридора, не дойдя до высокой двери каких-то пять-семь метров. Стены мелко задрожали, тусклые лампы под потолком истерично замигали, как в ужастике не очень высокого пошиба.

Они наверняка испугались. Я же с трудом подавил злорадную улыбку, прекрасно поняв, чьи это фокусы. А заодно сделал себе пометку в уме — если речь о Реджине, от антимагических наручей толку нет.

И всеми силами погнал прочь все те сладко-горькие воспоминания, что мигом ожили во мне. Особенно тот день, когда мы умудрились обесточить пару-тройку жилых домов. Ну, не совсем «мы», из нас двоих только Джинни способна на такое мощное колдовство. А я... я всего лишь поцеловал её.

Поцеловал её. В самый первый раз, наконец-то набравшись смелости и наглости позволить себе хоть что-то. Клял себя озабоченным мудаком, волновался так, словно это мне едва исполнилось шестнадцать. И так дурил от почти невыносимой любви к ней, что, кажется, разнеси Джинни своей магией полквартала — я бы даже не заметил. Да и хер бы с ним, зато помер бы счастливым.

И не просрал бы так бездарно самое лучшее, что было в моей жизни. И не было бы теперь этого поганого чувства, точно я нажрался стекла да запил его кислотой.

О, Хаос, нашёл же время и место, чтобы понять об утерянной любви! Не мог до дома потерпеть? А меж тем стоит засунуть эти сантименты поглубже в задницу и идти спасать недоумков-инквизиторов, пока моя киса не приспособила их вместо когтеточки.

— Не моего папочку бояться надо, Гектор, — отчеканила Реджина прямо-таки зверским тоном. Даже мне невольно захотелось вскинуть голову, покорно обнажая горло... всего на пару секунд, но тем не менее. — Едва я открою свой минетный ротик, по твою душу немедленно явится Железный ковен. Не потому, что я славно развлекала в постельке их верховного мага, а потому что я Регинхильд гро Маграт, закликательница завесы, Платиновый резерв Антеарры. Одно моё слово — и ты вылетишь из Греймора как пробка, да в такую глушь, что Хварн мегаполисом покажется! Как тебе перспектива, Гектор?

Хуёвая, я даже пожалел его слегка. Когда-то Реджина была совсем другой — милой девочкой в красивых платьицах, немного капризной и избалованной вниманием семьи, но нельзя не признать — альфа из неё выросла что надо. Не будь она сейчас за решеткой, за «минетный ротик» Соьер наверняка огрёл бы по полной.

Что ж, пора помочь своей альфа-тигрице прикопать мудилу в песочек.

— Впечатляет, — хмыкнул тот нервно. — Тебе кто-нибудь говорил, что ты редкая сучка?

— Для тебя я миз сучка, приятель.

Эх, прошли те годы, когда можно было открыть дверь с пинка. Да и туфли жаль, не для того мы с Эммой выбирали их полдня.

— Для тебя она миз гро Маграт, — прямо с порога заявил я. — Если, конечно, тебе дороги твои яйца.

19

Гектор вытаращился на меня так, будто перед ним представили аватару Прядильщика — ту самую, из детских страшилок, с огромным числом глаз и рук, окутанную паутиной и серым туманом.

— А ты-то что тут делаешь? — наконец выдал он.

— Пришёл за своим. — Теперь уже Джинни уставилась на меня, точно мечтая откусить что-нибудь жизненно важное. Но сейчас её реакция меня мало беспокоит. А вот микроскопическое платьице, едва прикрывающее зад — очень даже. — Открывай вольер, моей кисе не нравится этот зоопарк.

— Что, прости? — Соьер поднялся — внушительный малый, да только мне разве что в подбородок дышит, — прищурился эдак сурово, мол, иди выделяйся в свой двор. — Маграт, ты не в своей прокуратуре. Будь добр, катись ковриком отсюда.

— Только потому, что я не в своей прокуратуре, ты до сих пор не стал медвежьей закуской, — нарочито ласково протянул я. Дружок Соьера тоже было привстал, явно почуяв, что я не шучу, — но замер, стоило мельком глянуть на него. — Эту — выпустить. Пацана желательно тоже, но так и быть, настаивать не буду, он мне всё равно не нравится.

— Да мне они оба не по нраву. Хотя ножки у твоей кисоньки прелестные!.. Лучше оставлю обоих здесь, будет чем полюбоваться.

Рык из горла вырвался сам собой, звериный и яростный. Никто — никто! — не смеет говорить о моей Джинни в таком тоне.

— Хота! — услышал я её голос. Вроде бы строгий, но будто... умоляющий?

— Что?

Я обернулся к ней, невольно залюбовался пресловутыми ногами — смуглыми, сильными и просто до неприличия оголенными. Прекрасно бы смотрелось в постели, но никак не в тюрьме. И уж тем более не в вампирской забегаловке, где их полосатое высочество искало приключений на свой худобно прикрытый зад.

— Ты за мной пришёл или за поздним ужином? — требовательно осведомилась она, сложив руки на груди (и мне сейчас следует думать вовсе не о том, есть ли под этим непотребным нарядом хоть что-нибудь). — Хотя да, глупый вопрос. Приятного, чтоб тебя, аппетита; но, по крайней мере, дождись, пока твой ужин отопрёт мою камеру!

Что ж, стоит признать — эта женщина восхитительна. Красива. Сильна. Настоящая альфа-самка, чье место подле меня. Я и думать забыл о разногласиях, больше похожих на семейную драму, обо всей этой ситуации; о Сойере, чью печень я мысленно уже почти доел и никому не оставил...

Слава Хаосу, длилось это наваждение недолго, и улыбку я умело спрятал под ехидной усмешкой.

— Пару минут, сестрёнка, мне тоже не нравится твоя новая переноска.

Повернулся к Сойеру, шагнул к нему. Нет, вцепляться в горло не стал. Но склонился над ухом и заговорил шепотом, который может быть таковым для людей, но никак не для оборотней:

— Ты выпустишь её сейчас же, Сойер. И тогда, так уж и быть, я не сделаю из тебя шашлык за оскорбление женщины гро Маграт.

— Угрожаешь мне, прокурор?

Скалиться он может сколько угодно, однако его страх я чувствую кожей. Вот так-то лучше.

— Ага. Но могу пересказать пару статей из уголовного кодекса и Положения о деятельности правоохранительных органов.

Сойер переглянулся со своим дружкой. Бросил взгляд на папку с делом, в которой, я уверен, нет никаких доказательств причастности Реджины к убийству. Цокнул языком, но в итоге понуро кивнул своему приятелю.

— Пацан останется развлекать меня и Тома. У меня тут высохший труп, второй за сутки, тёмная магия; одна и та же машина на месте преступления и никакого алиби у мистера Маккензи. Всё по закону, прокурор.

Мне ли не знать? Разрешений на задержание я в своё время выписал столько, что могу заполнить форму даже в медвежьей шкуре.

И всё-таки мне не слишком улыбается держать в тюрьме пацана из Маккензи. Уж больно скандальные суки у него в родственниках. Греймор мне несколько дороже двух трупов сородичей, которые, если и впрямь лезли к Джинни, всё равно не жильцы. Да и кто поверит, что вот это — я бросил быстрый взгляд на Оливера — может кого-то убить?

Может, ещё как: за миловидной наружностью типичной вампирской закуски прячется прорва силищи, достаточной, чтобы убить всех присутствующих. Но в том, что он невиновен, я почти уверен — спасибо Прядильщику с его сомнительными дарами. Не нужно ни зловещего шёпота, который я порой слышу в своих снах, ни туманных предсказаний Оры. Только чистая интуиция.

Не он. Кто-то другой, куда более опасный. Вовсе не потому, что может убивать мне подобных, а потому что хочет... хаоса. Не моего бога, но жуткого бедлама, от которого пострадают очень многие.

Да чтоб вас всех, от грёбаного Маккензи, которому не сиделось у себя в столице, до моего придурковатого дядюшки, у которого не хватило мозгов запереть свою дочурку с её дружкой. На замок! А ключ сожрать, раз уж просто послушать умного меня было слишком сложно!

— Меня вполне устраивает, — ухмыльнулся я, несмотря на поднявшуюся изнутри волну злости. — Пацана можете оставить себе, он не в моём вкусе.

— Да вы издеваетесь! — предсказуемо взъярилась Реджина. Оба инквизитора подскочили на месте, а я поморщился от неприятного звука — это тигриные когти скребанули по прутьям решётки. Надо признать, я в свои двадцать два ещё не умел откалывать такие номера. — Олли здесь не при чём, ясно? По-вашему, за пару минут можно так запросто ухайдакать здорового мужика-альфу? Это полный бред, и ты это знаешь, Сойер! А если не знаешь, то просто удивительно, как ты собственную задницу находишь без пары-тройки дорожных указателей!

Гектор неприязненно скривил рот, явно задетый её уничижительным тоном.

— Ничем не могу помочь, дорогуша. Тёмная магия применялась, а что это не твой дружок — ещё доказать надо.

— Ну, очень жаль, потому что без Олли я никуда не пойду!

— Не дури, Реджина, будь хорошей киской, — проворчал я, уже изрядно раздражённый её агрессивной заботой об этом чахлом мажонке. — Ты пойдёшь, потому что у этих олухов на тебя ничего нет. А Маккензи останется, потому что сам дурак и нечего шлаться по грейморским подворотням...

— Что в словах «никуда не пойду» тебе непонятно?

— Ты правда думаешь, что я буду упрашивать? — неподдельно изумился я. — Пойдёшь как миленькая, а нет — разнесу к Хаосу эту шарагу, сорву с петель дверцу твоего нового кошачьего домика, взвалю тебя на плечо и утащу отсюда, хочешь ты того или нет.

— Что?!

— Что слышала. Здесь ты не останешься.

Ни на минуту. Потому что моей женщине абсолютно нечего делать в изоляторе, едва одетой и в компании трёх мужиков. Да, она, может, и в состоянии навалить им без моей помощи, но это я её альфа. И пока я несу за неё ответственность, никто не будет ей угрожать, отпускать сальные шуточки и делать всё то, за что положено рвать глотки.

Реджина недобро сверкнула глазами, как бы намекая, что нет, всё-таки останется. Как будто мерзкая клетка ей нравится куда больше, чем я.

— Подойди и попробуй, Маграт.

— Серьёзно, Джинни? — насмешливо изумился я. И подошёл. К самой решетке, отчего запах тигрицы — моей тигрицы — стал почти невыносимым. — Ты же знаешь, что я могу. Попробовать. И кстати, у нас одна фамилия, если ты забыла.

Не забыла. В её взгляде мелькнуло нечто очень знакомое. Горячее. Будто ей невыносимо находиться так близко и так далеко от меня. Будто она хочет... меня? Себя рядом со мной? Будь Джинни медведицей, всё было бы несколько проще. Понятнее. Кошки же... вздорные, несговорчивые и непослушные. Все поголовно.

— Не забыла, — фыркнула она. — И мне давным-давно следовало это исправить!

Это ещё как? Сменив клан или выскочив замуж за какого-нибудь линиялого барсика? Лично меня оба варианта категорически не устраивают, так что пусть сразу о них позабудет.

— Обломись, Маграт, твоя девица явно хочет погостить у нас подольше, — Гектор насмешливо дёрнул бровью и, кажется, вконец вообразил себя бессмертным. — А в постели она такая же шумная?

— Не того спрашиваешь, — язвительно бросила Реджина. И, демонстративно плюхнувшись рядом со своим малахольным дружкой, закинула ногу на ногу. — Знаешь что, Гектор? Забудь про моего папу. Думай лучше, как с моей мамой объясняться будешь.

Гектор и впрямь крепко призадумался — вон как его перекосило. Оно и правильно: с мамой-тигрицей никто в здравом уме дела иметь не захочет. Изара, должно быть, занята на очередном выезде, если ещё не прослышала о новых приключениях своей дочурки и не примчалась на разборки.

— Вот что: забирай-ка её отсюда, да побыстрее, — едва ли не взмолился он. — Но пацан остаётся.

— Да на здоровье.

Реджина явно собралась озвучить своё мнение на этот счёт — боги, неужели она всегда была такой несносной? — но оборвалась на полуслове, едва тщедушная ручонка Оливера стиснулась на её запястье.

— Хватит, Джинни. Иди домой.

— Что? Я тебя здесь не брошу!

— А у нас такой большой выбор? — он передёрнул плечами, понурился, но тут же, будто спохватившись, надменно задрал нос. — Иди и сообщи Магистерии, что местная пародия на Инквизицию не может отличить некромантию от вампирского касания.

— Не выёбывайся, юное дарование, — проворчал Соьер, уже разыскивающий ключ-камень в связке амулетов. — Подружка-то сейчас учешет, а ты останешься с нами и...

— И упаси тебя Хаос его хоть пальцем тронуть!

— Боюсь-боюсь, ваше котейшество, — он распахнул дверь камеры и склонил голову в дурашливом поклоне. — Извольте на выход, переноска подана.

Едва с неё сняли наручи, Реджина прошествовала мимо с таким видом, будто делает мне

величайшее одолжение. К её несчастью, я по займам не мастак, а потому на всю эту кошачью показуху неотреагировал. Обогнал её у самой двери, даже не подумав пропустить даму вперёд, и поманил за собой.

— Пошли, отвезу тебя. Папочка наверняка заждался.

Реджина насупилась, зыркнула недовольно, почти наверняка собираясь отказаться, но затем кивнула.

— Спасибо, Хота, — пробормотала она, зябко обхватив себя руками и словно бы усиленно размышляя о чём-то. — Папа вряд ли ждёт: я предупреждала, что вернусь поздно. Правда, не предполагала, что закончу вечерок за решёткой и под присмотром парочки отменных мудаков, пытающихся заглянуть мне под юбку.

Я демонстративно скосил взгляд на её ноги (в который уже раз).

— С такой юбкой это не слишком сложно. И твои ноги, конечно, охуенны, но нет, Реджина, это не комплимент моему стилю в одежде.

— Если это и был комплимент, то очень стрёмный, — она выразительно поморщилась. — Боги, Хота, ты что, мой папочка? Почему вообще каждый первый мужик норовит упаковать меня в паранджу и прочесть нотацию? Да как будто это хоть раз срабатывало!

— У тебя странное понимание слова «нотация», — парировал я. И пиджак принялся с себя стягивать — нет, не чтобы прикрыть всю эту порнокрасу, просто сил моих нет смотреть, как она дрожит. — Паранджу захвачу в другой раз.

— Тебе же лучше, если ты пошутил.

Да уж, пошутил. До сих пор изумляюсь, как это оба инквизиторских обмудка остались живы и даже с полным комплектом конечностей. Стоит только вспомнить их похотливые взгляды, внутренний зверь так и рвётся назад, сожрать обоих...

Но тут же затихает, с почти робкой надеждой наблюдая, как Реджина кутается в пиджак и медленно, глубоко тянет носом воздух. Словно бы ей по-прежнему нравится чувствовать на себе мой запах.

Очевидно, что я за все эти годы так и не смог её забыть. Наверное, даже и не хотел забывать. Насколько огромной глупостью будет думать, что и она испытывает то же самое?

20

— Неужели я и впрямь оставила Олли с этим мудаком Сойером? — горестно вздохнула Реджина, не дав ляпнуть какую-нибудь сопливую чушь, о которой я наверняка пожалел бы уже через две секунды. — И это после всех моих громких обещаний, что в Грейморе ему нечего бояться... О, Хаос, я самый дерьмовый друг во вселенной.

— Переживёт, — бросил я. — И ты тоже. Ночь в одиночке — то ещё развлечение, особенно в компании Сойера, но будем надеяться, у твоего пацана крепкая психика. Аж целых двух оборотней завалил!

— Это был не Олли!

— Допустим, — я пожал плечами. — Но пока улики говорят об обратном. И у меня нет ни одной причины, чтобы верить на слово чужакам и тёмным магам.

— Вот это все твои претензии? Чужак и тёмный маг?

— Ну, ещё я не люблю рыжих... Разве что Эмму, но она красится.

Реджина зыркнула на меня зло, почти с ненавистью — как если бы я говорил не о своей секретарше, а...

Блядь.

Ну да, наша снежинка же не за телепатию так полюбила зазнайкам из Магистерии.

— А что, грудастые блондинки тебе уже разонравились? — её тигриные глаза метали молнии, однако голос звучал ещё слаще прежнего. — Хотя о чём речь: ты ж готов трахнуть кого угодно, лишь бы это была не я.

Я развернулся к ней, едва удерживаясь, чтобы не схватить её и не показать, кого на самом деле я хотел бы трахнуть. Прямо сейчас, без всех этих разговоров.

— Я не сплю с Эммой, — проговорил я жестко. — И ни с одной женщиной из прокуратуры, инквизиции, гильдии магов или кого ты ещё думаешь записать в мои подружки. Ни с одной из тех кому я не могу заплатить. Ревнуй к эскортницам: они видят меня аж раз в три месяца, если у меня вдруг выпадает выходной!

Я, может и рад бы развлекаться почаще. Девушки — очень красивые создания, все такие возвышенные, эффектные, вкусно пахнут и украшают любую фотографию. Да только желание таскаться по девкам у меня пропало примерно... ну да, лет шесть назад, когда Джинни уже почти стукнуло семнадцать. Словно в один миг она вдруг стала такой взрослой, красивой, невероятной и невозможно моей. Всё, что случилось потом, окончательно утвердило меня в одной важной мысли — никто кроме неё не нужен. Никого не хочу больше, чем её, никого так не люблю, никакую другую женщину не стану впускать в свою постель и жизнь. Кто вообще может с ней сравниться?

Мои светлые помыслы, разумеется, никого не волновали: слухи обо мне как о распоследнем бабнике ходили по Греймору с моих шестнадцати, да так и ходят до сих пор. И пусть ходят — моей репутации прокурора ни одна из этих сплетен повредить не может. Свои регалии я получил не за то, что сплю со шлюхами. Зато ни у кого не возникает вопросов, когда я женюсь и что за подружка сопровождает меня на очередном дурацком приеме.

— А-ах, бедняжка! — издевательски протянула Реджина, прижав руки к груди. — Очень душещипательно, я почти поверила. Ещё расскажи, что хранил для меня свою невинность, и вместе посмеёмся над этой сказочкой.

Она имеет полное право мне не верить. Кто бы поверил после того, что я сделал? Но обиду на эти слова я, как ни силился, задуть не смог.

— Увы и ах, — выдал в тон ей, распахнув дверцу кара, к которому мы подошли уж очень вовремя, — у нас обоих с этим не сложилось.

Не знаю, как она не двинула мне по морде. Я бы даже сопротивляться особо не стал, заслужил ведь... Однако Реджина лишь одарила меня уничижительным взглядом и невозмутимо заметила:

— Это у тебя не сложилось. Я же просто дала тебе отведать того дерьма, которым меня пичкали под видом неземной любви ко мне. Приятного, медвежонок!

Как ни в чём не бывало она забралась в салон. Мне же вся выдержка понадобилась, чтобы чинно закрыть дверцу, а не долбануть ею от души. Чинить потом заебусь. Да и кар-то уж точно не виноват, что из моей милой кошечки выросла такая сука.

Газ я выжал на максимум. Плевать на правила и на штрафы, которые придут мне утром. Нужно выехать из города побыстрее, свернуть на шоссе, побыстрее добраться до дома Дара и сбить ему на руки его дочку. Пусть сам с ней разбирается, выдает замуж за клятого Олли, пасёт сутками, как он любит. Пусть вообще делает что хочет! Подальше от меня, потому что...

— Прости, что не всрал ради тебя карьеру, — в ярости выпалил я, рывком выворачивая руль, — не получил когтями по горлу от твоего папаша, не сел в тюрьму... хотя с последним почти получилось! Прости, Джинни, что держал руки при себе и страдал всякой романтической херней вместо того, чтобы присунуть тебе в ближайших кустах! Не подавись!

— Вероятно, у тех кустов мне пришлось бы отстоять длинную очередь. — Сам не знаю, что меня больше бесит — её слова или этот незнакомый надменно-бесстрастный тон. — А романтика в твоём представлении — это перетрахать всех местных давалок? Прости, что не оценила столь широкий жест.

Я нервно потер пальцами переносицу. Не хочу ей говорить, не хочу ворошить прошлое, не хочу... Оставь меня в покое, Джинни, исчезни из моей жизни, как сделала пять лет назад. Тогда мне было легче. Жил в кошмаре, подыхал на своей проклятой работе, ненавидел себя и ненавижу до сих пор — но всё равно это в разы легче, чем быть с тобой рядом.

— Что ты от меня хочешь, Джинни? Извинений? Ты не стала слушать их тогда, побежала в койку к этому мудиле, отдала ему то, что принадлежало мне! А сейчас вдруг захотелось? Надоело слушать сплетни?

— О да, — едко протянула она, неприятно скривившись, — те сплетни четвертого размера до сих пор стоят у меня перед глазами!

Не надо, Хота, не говори ей, как всё было. Ни к чему эти оправдания, она не должна тебя жалеть и прощать. Ничего она тебе не должна, кроме как держаться от тебя подальше. Потому что заслужил. Потому что так лучше для вас обоих.

— Иди к Хаосу, Реджина! — огрызнулся я зло. — Да, я тебе изменил. Нет, мне не понравилось. Если можешь — прощай, и радостно потрахаемся на заднем сиденье, а утром поженимся. Быть может, по такому случаю я всё же соизволю вытащить из тюрьмы твоего Олли. Возьмем его третьим. Чур он спит у стенки!

— Боги, Маграт...

— А что? Сначала наш долбаный папочка, теперь этот твой олень — мне не привыкать делить тебя с кем-либо!

Реджина нервно отбросила волосы со лба, глянула на меня с каким-то усталым раздражением.

— Если тебе так хочется поговорить о моём папочке — обратись к психотерапевту. А мне, знаешь ли, ещё пять лет назад остохренело быть призовой бочкой мёда, которую два косолапых альфа-имбецила не могут поделить между собой! Не то чтобы тебя хоть когда-то волновали мои чувства и моё мнение — ты даже сейчас только и можешь, что вымещать на мне свою детскую обиду на нашего отца.

Это я-то вымещаю обиду? Я, а не Реджина, пяти минут не выдержавшая, чтобы не вспомнить о каких-то там блондинках?

— Меня всегда интересовало твоё мнение! Я, подери Хаос, любил тебя! — взорвался я, чувствуя невероятную злость. — С самого твоего рождения я только и делал, что пытался тебе угодить, возился с тобой... Да вся семья с тобой возилась! Очевидно — зря! Повзрослей, Джинни, мир охуенно сложный, он не вертится вокруг тебя!

Мои слова Реджину задели — вон как уставилась, точно примеривается кусок отожрать.

— Я и впрямь выслушиваю это от тебя? — выдохнула она, явно стараясь под насмешкой замаскировать возмущение и гнев. — Ох, Хота, ты так старательно корчишь из себя крутого мужика в костюме за две штуки талеров, но я вижу лишь прежнего инфантильного мальчишку, который сам не понимает, чего хочет! — она сокрушённо покачала головой. — Ты совсем не изменился. Совсем. Видят боги, я далека от идеала, но из нас двоих повзрослеть нужно не мне.

— О, я знаю, что хочу, кисонька! — зло огрызнулся я, в последний момент выкручивая руль, чтобы повернуть в сторону нашей медвежьей резервации. — А хочу я тебя. Вот сюрприз, не так ли? Всегда хотел, Джинни, с твоих четырнадцати! Ещё не тошнит от отвращения? Нет?

— Я прекрасно понимаю, что для нас обоих это было сложно. Вряд ли я бы вообще с тобой разговаривала, если бы не понимала!.. Знаю, ты всегда метил в прокуроры, а я была намного младше тебя... Но вот сюрприз, медвежонок: четырнадцать мне было не всегда!

— Поверь мне, это я заметил!

— Ни хера ты не заметил, Хота, — холодно возразила Реджина. И, подавшись ближе ко мне, продолжила севшим от злости голосом: — Ты, должно быть, так наслаждался своей праявильностью, что ни разу даже не предположил, каково было мне. По-твоему, я не мучилась? Не хотела на тебя наброситься? Или, может, считаешь, что во всём Грейморе я не нашла бы того, кто трахнул бы меня как следует?

О, уж в этом я ни капли не сомневаюсь — желающих всегда было хоть отбавляй. Она не давала повода, ни разу, это верно, но мне... мне хватало только представить, как кто-то прикасается к ней, трогает её, лезет туда, куда я не осмеливался. Да я даже сейчас готов разорвать любого, кто вздумает посмотреть на неё иначе, чем просто на красивую незнакомку. Интересно, понимает она это?

Понимает, конечно... только вот ничуть не боится. Ни меня, ни моей ярости, ни моих желаний. Никогда не боялась, думая, что я просто не желаю потакать её капризам. Не боится и теперь. И это ой как глупо.

— Лучше замолчи.

Реджина, разумеется, не замолчала. Не стоило даже и надеяться.

— Что, разве я не была охренеть какой горячей малолеткой? Да у меня могло быть по одному парню на каждый день недели, стоило мне только пальцем поманить! Но неужели я бы так с тобой поступила? Нет, Хота. Нет, твою мать. Я бы никогда не опозорила тебя так, как опозорил меня ты.

Ни за что бы не допустила, чтобы вся наша мохнатая шобла тыкала в тебя пальцами и болтала обо мне у тебя за спиной, — она шмыгнула носом, и я, как ни злился, вмиг ощутил себя самым большим мудаком на свете. Взглядом же так и прикипел к пустой дороге. Если увижу, как она плачет — ни за что не смогу сохранить лицо. — Я всегда была верна тебе, Хота. Даже в мыслях не допускала, что можно быть с кем-то кроме тебя. Почему же ты так обошёлся со мной?

— Потому что у меня был гон!

Не выдержал, ударил по тормозам. Кар, не вынеся такого издевательства, предсказуемо заглох. Не надо было, Хота, ну зачем ты это ляпнул?..

21

Прошло не то секунд пять, не то целая вечность, прежде чем она наконец-то подала голос:

— По-твоему, я этого не знала? У меня тигриный нюх, а ещё очень неплохие мозги. Это только ты вечно пытался делать из меня дуру...

— Что ты знала? Что, Джинни?! — я развернулся к ней, вцепился в плечо, силой развернул к себе. — Знала, что такое секс со взрослым озверевшим мужиком в гоне? Я был старше тебя, сильнее тебя, я мог навредить тебе! И навредил бы, уж не сомневайся!

Реджина рассмеялась — тихо так, надрывно. Лучше б ревела и дальше.

— Ради тебя я вытерпела бы вещи куда хуже, чем пара синяков, — выдохнула она, поглаживая мои нервно подрагивающие пальцы. Совсем как раньше, когда я ещё ни в какую не мог совладать со своим паскудным нравом, и лишь она могла меня утихомирить. — Кто вообще сказал, что я против синяков и грубости? Ах, Хота, если бы ты хоть раз спросил... Но тебе никогда не было дела до моих желаний. О чём речь, если ты при всех назвал меня своей парой, а в гон пошёл к другой женщине?

— Да чтоб тебя, неужели ты думаешь, я этого хотел?..

— Да у меня уже вот где твои хотелки, Маграт! До сих пор за них расплачиваюсь! — рявкнула Реджина, отцепив мою руку от своего плеча и в омерзении отпихнув. — О, ты боялся мне навредить? Но ты ведь навредил! Так навредил, как никто и никогда не смог бы при всём желании! Предал меня! Ослабил меня легковой душой на весь Моэргрин, кинул перед самой течкой!

— Я помню, — только и смог процедить я, уже с трудом не скатываясь на рычание. Мысль о том, что она уже была почти моя, что я не дотерпел каких-то пару недель, до сих пор невыносимо жжёт нутро. — Думаешь, я мог всё это забыть? Думаешь, не хотел бы всё исправить?

— Думать надо было, когда решил запихнуть член в ту шалаву, — отрезала Реджина. — А теперь сколько угодно ищи себе ещё оправдания, обвиняй меня, папу и всех вокруг, но это не изменит того, что ты повёл себя как распоследняя скотина.

Этого я не смог стерпеть — все попытки держать себя в руках пошли прахом. Удивительно, как не завёл машину тут же, не погнал со всей дури, чтобы побыстрее доехать до дома Изары и Шандара и выкинуть Джинни с пассажирского кресла. Вместо этого я вышел, со всей силы хлопнул дверью.

Не ходи. Умоляю, Джинни, не ходи за мной, дай перебеситься, я умею, я научился...

Она вышла. Все ещё кутающаяся в мой пиджак, в коротком платье и на совершенно безумных каблуках, которые не каждая девушка с её ростом отважится напялить.

— Я никогда, слышишь, никогда не винил тебя за свою измену! — прорычал, уже не пытаясь сдерживаться. — Какой вообще непроходимой душой нужно быть, чтобы вообразить такой бред? Да, я скотина, и да — я, блядь, до смерти жалею обо всём, что сделал тебе! Девочкам вроде тебя вообще стоит держаться подальше от мудаков вроде меня. Но знаешь что, Джинни? Это не я, едва появилась проблема, побежал мстить за своё поруганное достоинство. Легче-то хоть стало, м?

— Легче? Нет, ни капельки. Но я всё равно не жалею, что переспала с Дерекком. Пусть мне было больно, плохо и гадко, но... оно того стоило. Потому что ты это заслужил. Потому что именно так я тогда видела справедливость — если ты вовсе не принадлежишь мне, то я должна отобрать у тебя то, что ты так хочешь заполучить. И знаешь что, Хота? — тут она мстительно улыбнулась, хотя глаза её были полны слёз, а губы заметно дрожали. — У меня это прекрасно вышло, раз ты до сих пор бесишься.

— Бешусь, — честно признался я, стараясь отогнать противные мысли о моей девочке, безбожно меня сейчас обманывающей.

Она жалеет. Обо всём, что произошло, о том, что сделал я, и о том, что сделала она сама. А вот я и

впрямь мудака. Несдержанный, грубый, не умеющий следить за языком, а в былое время — и за своим членом. Что ты только во мне нашла, Джинни?

— Бешусь от того, что полюбил тебя. Сломал тебя, испортил всё между нами. Надо было держаться от тебя подальше, не слушать весь этот бред про предназначенных, ну или кем мы там являемся... Надо было избавить всех нас от проблем и сделать так, чтобы ты вовсе перегрызла мне глотку.

Сам не знаю, на что надеялся. То ли на тигриные зубищи в заднице, то ли на то, что она наконец развернётся и уйдет.

Да только Джинни — с виду вроде бы прежней, но подчас будто совсем незнакомой, — все мои хотелки до фонаря.

— Как ни жаль в этом признаваться, но я никогда не смогла бы перегрызть тебе глотку, — проговорила она негромко, с обманчивым спокойствием. — Я люблю тебя, Хота. Всё ещё люблю, даже после всего дерьма, что ты натворил. По правде говоря, я просто не знаю, как это — не любить тебя.

Это стало последней каплей.

Я ведь зарекался, клялся и божился, что никогда и ни за что. Обещал себе, что всё это пройдет, что закончится эта болезненная тяга к ней. Пусть не сразу, пусть придётся выжрать добрый бочонок гномьего варева, прежде чем отпустит, да перебрать всех местных красоток — благо их в Грейморе достаточно и без Джинни, какой бы исключительной она себя ни воображала.

Зарекался. Однако за руки её схватил с такой силой, как не хватают женщин. Только соперников, равных себе. Ничуть не нежно толкнул спиной к кару, наверняка сделав больно. Пожалею потом. Её или себя — так сразу и не поймёшь. А сейчас всё мои мысли разом устремились к обнажённой шее, в которую хотелось впиться не только из безумной любви к Реджине. Из желания сделать с ней хоть что-то. Чтобы она пахла мной, чтобы не могла стереть с кожи мой запах... чтобы ничего не могла, кроме как думать обо мне, пусть даже с ненавистью и очередной обидой.

Она меня любит. Все ещё любит.

Не знаю как, но я стерпел. Мазнул губами по нежному горлу, чуть царапнул клыками; руки заломил за спиной, на мгновение поймал испуганный взгляд ярких глаз.

Да, киса, я сильнее тебя. Всегда был и буду, о чём и пытаюсь тебе сказать, от чего пытаюсь уберечь. От своей силы, от злости, от склонности к насилию.

Я ведь обязательно наврежу тебе, не сейчас, но...

Сейчас я могу только склониться над ней, впиться в губы болезненным, смелым, ничуть не нежным поцелуем. Какая там ласка? Даже памяти о юной девочке, что когда-то была для меня всем, не осталось. Только самка, которую я хочу. Хочу её губы между своими. Хочу её рот, в который бесцеремонно врываюсь языком. Хочу биение её сердца, запыленное, неровное. Хочу сорванного дыхания, жалобного стоны, когда кусаю её губы, неприлично пухлые и сладкие.

Ну давай же, Джинни, сопротивляйся!

Джинни, на мою беду, сопротивляться и не думала. Упёрлась было ладонями мне в грудь, больно прикусила нижнюю губу; тут же прижалась вплотную, тёплая и гибкая, и ответила на поцелуй — да так, что я мигом засомневался, кто здесь несчастная жертва. Не положено жертвам быть такими пылкими, требовательными и жадными до ласки. И лнуть всем телом, без слов умоляя о большем, тоже никак нельзя.

Но самое невыносимое — то, как она пахнет. Сладкий, густой и пряный аромат возбуждения ни с чем не спутать: Джинни хочет меня так же сильно, как я её. Влажная и горячая. Уже совсем готовая для меня. Наверняка вовсе даже не возражающая, чтобы я разложил её прямо на капоте...

Ладно, тут я уж чересчур размечтался. Стоило только запустить руку под непотребную юбчонку, погладить нежную кожу на внутренней стороне бедра, как Реджина отстранилась и зыркнула на меня в эдаком изумлённом негодовании.

— Ну и что мы, по-твоему, делаем? Я тут с тобой ссорюсь, между прочим!

Очень смешно. Как будто можно ссориться с ней такой — зацелованной и растерянной, бессовестно красивой и откровенно жаждущей меня. Разве только под дулом пистолета.

— Вообще-то я первый начал, — возразил я, с трудом, но всё же заставляя себя переместить руки на более приличное место. Обхватил талию, упёрся своим лбом в её. Собирался прощения попросить,

искренне, спокойно, без налёта ссоры, но зачем-то ляпнул совсем другое: — На тебе что, нет белья?

— Как можно спрашивать у девушки такие вещи?! — ужаснулась Реджина, картинно заломив брови. Боги, я уже и забыл, какая она кривляка. — Разве так поступают приличные альфы? Если так интересно, возьми да проверь.

Нет, ну это уже откровенная провокация. И я бы — каюсь, виновен! — непременно повёлся, если бы она тут же не пробормотала:

— Облом, медвежонок. К нам навстречу кто-то едет, и я прямо ну совсем не догадываюсь, кто бы это мог быть.

Я ничего не слышал, но поверил на слово — у Реджины как у кошки слух куда острее, чем у меня. Да и совсем-не-догадалась она тоже наверняка правильно: я сам-то готов месячный оклад поставить, что её ретивый папочка уже по обыкновению в курсе всех событий.

22

Дядюшкин тяжеловоз, самое то для местных дорог, показался на дороге через пару минут. Ехал быстро, я едва успел отойти от Джинни на шаг. Нехотя. Зверь внутри злобно заревел, взбешённый тем, что его снова лишили так нравящейся ему самки. Я и сам был готов зареветь, но только и смог, что посмотреть на растерянную Реджину. Медвежий зуб даю — она бы с радостью осталась сейчас только со мной. Быть может, снова поссорилась бы. Или поцеловала. Чего она не хотела точно, так это объясняться перед Шандаром. Который, едва выметаясь из своей колымаги, тут же устался на меня так, что кто другой немедленно бы скакнул на тарелочку и сервировал сам себя.

— Хотя, — начал он обманчиво добродушным тоном, — я готов не спрашивать, что ты и моя дочь делаете посреди шоссе в три часа ночи. По правде говоря, я уверен, что не хочу знать. Но какого хрена ты ей сделал, что она вся зарёванная и выглядит так, словно по ней каток прошёлся?

Что он вообще?.. Да как он смеет? Я подался было вперёд и зло оскалился, но тут мне на грудь легла узкая ладошка, вынуждая замереть в замешательстве.

— Хотя, ты не будешь рычать на отца. Уймись. Сейчас же, — строго отчеканила Реджина, жуть как напомнив мою маму. И тут же отвернулась к Дару. — Пап, ну что ты несёшь вообще?! Это же Хотя, он никогда бы мне не навредил! А если бы даже попробовал — вмиг бы расстался с причиндалами.

Хотел бы я поспорить, но что-то подсказывает — да, расстался бы. Трогательная маленькая кошечка вмиг оборачивается злобной тигрицей, когда ей это надо.

И в обратную сторону оно тоже работает. Прямо сейчас я могу воочию в этом убедиться.

— Папа, инквизиторы забрали Олли! — Реджина бросилась к Дару, который тут же растерял весь свой грозный вид и машинально приобнял её, заставив меня невольно стиснуть зубы. — Пожалуйста, сделай что-нибудь! Ты же знаешь, Олли очень хороший, добрый, и он столько для меня сделал, и.... Он виновен только в том, что у него магия не того цвета! Это так нечестно!

— Я знаю про Олли, милая, — пробормотал Дар, погладив её по голове, точно котёнка. — Сделаю всё, что в моих силах. Обещаю, мы скоро его вытащим.

Я ведь прекрасно понимал, что Джинни просто решила растащить нас с Даром по углам, чтобы мы не сцепились. И довольно грамотно это провернула, не могу не отдать должное.

Но я всё равно разозлился и, что уж там, по-глупому обиделся. Стоило только папочке нарисоваться в поле зрения, она тут же бежит к нему — не ко мне, а к нему, к другому альфе! — и просит за своего грёбаного мажонка, в котором, похоже, души не чает.

— Не сделаешь, — заверил я. — Видишь ли, Дар, уголовники — не твоя специализация, а моя. И мне, вот уж увь, хороший и добрый оленёночек не так чтобы нравится. А за попытку воспользоваться своим сомнительным блатом ты сам угодишь за решетку. За сговор, подкуп или что ты там ещё любишь.

Дар прекрасно владел собой, тут уж впору позавидовать. Вместо того чтобы наброситься на меня, он лишь рассмеялся.

— Мальчик мой, яйца курицу не учат. Зачем мне кого-то подкупать, когда верховный инквизитор — мой старинный друг и собутыльник? Одна просьба — и делом Оливера он займётся самолично. Да и без просьб можно обойтись: Виттар пока ещё в своём уме и не станет почём зря держать за решёткой сына Палача. Всё провернут быстро, профессионально и абсолютно законно. Ну что, мы уже выяснили, у кого хрен длиннее? — мой дядюшка ухмыльнулся донельзя самодовольно, выбесив меня до кровавых медведей перед глазами — и плевать, что точно так же обычно делаю я сам. —

Тогда доброй ночи, ваше прокурорство.

— Очевидно, что у меня подлиннее будет, — отозвался я ему в тон, старательно сдерживая порыв как следует отмудохать этого самоуверенного козла. — Потому что пить ты можешь с кем угодно, но на стороне обвинения буду я. А ты знаешь, насколько я хорош. Впрочем, без этого можно было бы обойтись, дядюшка, следи ты получше за своей доченькой. Или правило «не отпускать её куда попало» работает только на меня?

Вот теперь Дара проняло — стоило только помянуть добрым словом его особенную снежинку.

— Я вполне ясно велел Арти не оставлять её одну. Этого было бы достаточно, не окажись твой бета слишком занят своей лисонькой, — холодно отрезал он.

Я открыл было рот, чтобы возмутиться — какого хера старик вообще командует моими бетами? — но меня бесцеремонно оборвали:

— Со своей дочерью я разберусь сам, Хота. Ты же от неё отказался, верно? Пять лет не желал о ней даже слышать. Ну так вот что я тебе скажу, племянничек — не твоё сучье дело, куда и с кем я её отпускаю!

Моё и только моё. Потому что Джинни принадлежит мне. А я — ей. С самого рождения, с той минуты, как я понял, что та маленькая кошечка, родившаяся в семье Маграт, — самое большое чудо, какое мог создать Хаос.

— Я отказался? А быть может, это ты так решил? Или тебя уже мучает склероз и мне стоит напомнить твои охуительные выкладки о том, как я недостойн твоей драгоценной дочки? — я приблизился к нему, не обращая уже никакого внимания на пытающуюся удержать меня Джинни. — Но разве не ты воспитал меня, такого недостойного, плохого и разочаровывающего?

— Верно, это я тебя воспитал, — согласился Дар, не разжимая зубов. — И, как теперь вижу, кругом проебался.

По груди будто полоснули раскаленным ножом. Выходит, и об этом он тоже жалеет? Обо мне, о том, что я вообще появился на свет, принёс проблем в его счастливую жизнь порядочного медведя? К горлу подступил неприятный ком. Сам не понял, как умудрился не пустить жалкую слезу. А ведь хотелось. Так сильно, что стоило бы бежать, не позволяя никому видеть меня таким... слабым.

— Быть может, — всё же выдавил я тихо, — тогда не стоило убивать моего отца? Думаю, он бы справился лучше. По крайней мере, я бы уже давно расправился с тобой, а не жалел бы любимого дядюшку, столько для меня сделавшего.

— А может, мне давно стоило бы проучить тебя за наглость, сопляк? — в тон мне отозвался Дар. — Напомнить, кто здесь альфа Севера, а кто мелкий зарвавшийся говнюк с непомерным самомнением?..

— Ну так сколько можно трепаться, давай уже!..

— Хватит!

Окрик Реджины, гневный и истеричный, гулко разнёсся по пустой дороге, заставив нас обоих осечься и отступить от неё на шаг. Никто из нас не хочет иметь дело с разозлённой женщиной-альфой.

А придётся. Реджина снова вся в слезах, но от неё только что дым не валит — так она взбесилась. Казалось, облик хрупкой девчушки только чудом ещё не сменился тигриной шкурой.

— Перестаньте сейчас же, вы оба! — этому командному рыку позавидовала бы даже её деспотичная матушка. — Да вы сами-то слышите, что несёте?! Мы же семья, мы не должны так обращаться друг с другом! Не должны, не можем и не будем! И уж тем более вы, парочка альфа-козлов, не смеее стоять тут и делить меня, как... как... Я не кусок мяса, не ваша вещь и уж точно не ваша сучка!

— Джинни, милая... — заворчал было Дар, но заняться любимым делом — то бишь заговаривать зубы и навязывать своё никому не нужное мнение — ему не позволили.

— Вот эту невыносимо наглую скотину, — Реджина ткнула в меня пальцем, — воспитал ты, папочка. С себя и спрашивай. Но в одном он прав: ты вечно лезешь не в своё дело! Я не ребёнок, когда ты поймёшь это наконец? Что бы там ни происходило между мной и Хотой, мы уж как-нибудь разберёмся сами! Не суйся в наши отношения! Фу! Плохой медведь!

— Регинхильд гро Маграт, не говори со мной в таком тоне!..

— Я буду говорить с тобой так, как ты заслуживаешь! Не нравится? Сию же минуту пойду соберу

вещи, только ты меня и видел!

Дар открыл было рот, но тут же закрыл, явно не найдясь с ответом. Ловко она его отбрила. Я бы честно восхитился, но тут дошла очередь и до меня.

— А ты, — она шагнула ближе, пихнула мне мой же пиджак, который я машинально взял, — оставь моего Олли в покое, ясно тебе? Он невиновен и, можешь мне поверить, скоро непременно выйдет из той мерзкой клетки. И упаси тебя Прядильщик к нему сунуться! Не думай, что раз я девчонка, то побоюсь кинуть тебе вызов!

Я издевательски вскинул брови, хоть внутри и весь вспыхнул от её слов. Опять она о своём дружке. Неужели не понимает, каково мне это слушать?

— Милая моя, а ты не думала, что до той счастливой поры твой Олли может просто не дожить?

Реджина поражённо вытаращилась на меня, явно не веря, что я угрожаю её оленю мажонку. Да я и сам охренел, честно говоря. На что меня вообще толкает эта бедовая девица?

— Ты и правда из ревности угрозишь ни в чём не повинного человека? — наконец выдохнула она. — Только за то, что он якобы залез мне в трусики раньше тебя?.. Ну так спешу тебя обрадовать — он по мальчикам! Гей! Голубой, как небо, море и твои влажные мечты о моей давно утерянной невинности!

Да хоть по канарейкам, как будто это многое меняет! Голубой олень слишком близок с ней, слишком много знает; она влипает из-за него в неприятности, в конце концов! И нет, абсолютно не важно, что сейчас я и впрямь чувствую себя непроходимым идиотом. Ревнивым идиотом. Имею, блин, право!

— Это была лишняя информация, — рискнул заметить Дар.

Зря — его бешеная дочурка тут же развернулась к нему.

— Ты думаешь, меня сейчас волнуют твои нежные чувства? Да, папа, у меня был секс. Много секса. С разными мужчинами, а однажды и с женщиной. О, снова лишняя информация? А мне пофиг! Переживёшь как-нибудь!

Выдав эту тираду, Реджина устремилась прочь едва ли не бегом — что тот ещё подвиг, на таких-то каблучках.

— Тебе ещё не надоело от меня бегать? — не удержался я от шпильки.

И тут же, выругавшись, едва увернулся от шустро снятой туфли, полетевшей мне прямо в голову. А следом и второй снаряд больно ударился о мою грудь.

— Катись к Хаосу, Маграт! И дядюшку своего прихвати — вам давно пора снять номер!

На ходу пытаюсь ободрать с себя это своё маленькое чёрное трахни-меня платье, Реджина скрылась в густых зарослях по другую сторону шоссе. Сейчас наверняка обернётся тигрицей, и фиг мы за ней угонимся...

Я, впрочем, и не собирался. Хотел, врать не буду, но... нет уж. Хватит, достаточно дерьма мы сегодня наговорили друг другу. Надеюсь, следующий раз будет более удачным.

— Говорите, папина дочка? — мрачно протянул Дар спустя минуту гнетущего молчания. — По мне, так просто копия мамочки.

И слава всем богам, которые имеют к этому отношение. Потому что женщины-альфы великолепны, все без исключения. А вот о Даре я такого сказать не могу. Не сейчас уж точно, настолько неприятно мне находиться с ним рядом. Разве мог бы я вообще влюбиться в Джинни, будь она его копией?

Уж точно нет. Мы с Даром — соперники, почти враги, делящие между собой территорию и самку. Джинни же должна быть рядом со мной. На моей стороне. И она будет, или я не Хота гро Маграт.

— Реджине несказанно повезло, что от тебя у неё только фамилия. Не придётся менять, когда она станет моей женой.

— Не рановато ли свадебку планируешь, сынок? — изумился Дар вроде бы весело, однако его бешенство я почти кожей ощущаю. — Или такие мелочи, как согласие невесты, тебя не интересуют?

— Она будет согласна, — отрезал я. — Вот чье согласие нам не нужно, так это твоё. Больше нет,

Шандар.

И прежде чем он успел сказать хоть что-то, прежде чем набросился на меня — настолько сильно я его разозлил, — я развернулся и пошёл к своему кару. Надеюсь, там всё ещё пахнет большой хищной кошкой, сердитой на меня. Любящей меня.

А Дар пусть бесится сколько хочет. Джинни — моя, и больше я никому не позволю встать между нами.

23

— Правильно? Я правильно делаю? — спросила Тэмми, забавно картавя, и обеими ручками уцепилась за нижнюю перекладину станка. — Ж-жини!

Я торжественно кивнула, стараясь не захихикать. Потешно она произносит моё имя, а уж балетная разминка в исполнении четырёхлетней девочки — то ещё зрелище. Но не насмехаться же над ребёнком? Фу. Тем более что для четырёхлетки у неё и впрямь отлично выходит. Да и мне бы помалкивать: я сама Хаос знает сколько не разминалась у станка и уже почти забыла, как правильно делается всё это безобразие.

А, нет, вру. До сих пор помню все пробежки и позиции, даром что балетом не занимаюсь уж лет десять как. Не скажу, что это было моим призванием, но оно и к лучшему: в двенадцать я уже была выше всех девочек в балетном классе, и мне открытым текстом сообщили, что таких огромных балерин не бывает.

Ой, да не очень-то и хотелось!

Ну ладно, вообще-то было обидно. Однако кошки, хоть и злопамятные, долго фокусировать внимание не могут, и я почти безболезненно сменила вычурные па на современные танцы. А затем мне глянулся пилон, и это хобби пока продержалось дольше всех — седьмой год минул весной.

Мама по сей день ворчит, что треклятые медведи испортили её распрекрасную тигриную породу. Нормальная альфа-тигрица, мол, пошла бы на карате или кикбоксинг — чтобы быть сильной и лихо бить мудакам морды, а не вот это вот всё с песенками и плясками. Ну что могу сказать? Я неправильная, и мне это в себе очень даже нравится. А морды бить не люблю, но вполне могу при надобности. Балет и прочая художественная гимнастика только снаружи красиво выглядят, на деле же это каторга не хуже любого единоборства. Зато дисциплинирует. И мышцы даёт отменные. Без шуток, моими ногами легко можно придушить взрослого мужика.

Ну, не то чтобы я проверяла, но почти уверена.

О, уже половина одиннадцатого? Пора заканчивать кривляться у брусьев и идти на завтрак, пока на столе не осталась одна овсянка. В этом кошачьем домике вкусная еда долго не живёт.

Рисуясь перед своим маленьким подмастерьем, изобразила некое подобие танца. На полупальцы, кошачий шаг, арабеск... теперь пируэт, ещё один, пробежка по шестой, револьтад... Сложный прыжок вышел так себе, а ещё я чуть не снесла кровать. Ну да ладно — публика у меня не сильно привередливая. С восторженным визгом Тэмми попыталась повторить за мной, но, не удержав равновесие, плюхнулась на задницу.

И, по-видимому, испугалась внезапного падения: секунду спустя на месте хорошенькой темноволосой девочки уже задорно попискивал крупный пятнистый котёнок.

— Тэмсин, ну сколько можно? Нельзя оборачиваться в одежде, — пожурила я, помогая Тэмми выпутаться из жёлтой пижамы с криповатым узорчиком в виде злобно ухмыляющихся кактусов. — Теперь вместо вкусняшек от мамы Бри получим уйму ворчания от всех наших мамочек.

— Ур-р!

— Не уркай мне тут! Перекидывайся!

— Ур-р-р!

— Нет так нет, приятного путешествия на первый этаж!

Ну а что поделаешь? Ребёнка нужно учить сдерживаться. Даже если её зверь такой миленький, что только и хочется затискать.

Каюсь, воспитатель из меня отменно отвратительный. Я выдержала ровно три ступеньки, а затем подхватила котёнка на руки, любовно прижала к груди и, спустившись на кухню, вручила свою драгоценную ношу одной из двух её матушек.

Да, у бедного ребёнка аж три родителя. Как это работает? На самом деле, несложно. Брайан, Оливия и Сабрина счастливо жили вместе ещё до моего рождения; все трое не чают души и друг в друге, и в дочке. Ничего ужасного здесь не вижу — для кошачьих прайдов полигамные семьи вариант нормы, — но тигры для таких отношений не созданы. Слишком уж мы агрессивны в том, что касается нашей территории, и лично я нипочём бы не смогла делить пару с другой женщиной. Даже с такой замечательной, как Ливви или Бри.

— Пижама уцелела? — только и спросила последняя, мимоходом глянув на нас поверх чашки кофе. Тэмми тут же боязливо прижала ушки: её родная мама бывала не в пример строже остальных, даром что омежка и добрейшая женщина. — Вот и славненько. Но не таскай её на ручках слишком часто, разбалуеться.

— Бри, она же ещё маленькая! — Ливви, само собой, тут же кинулась на защиту. — Упадёт, расшибётся!

— Ничего-ничего! Зато научится держать хвост при себе.

— Крутая ты, Бри, — фыркнула я, сев за стол, и тут же уткнула себе на тарелку хороший такой ломтик мясного рулета. А ещё пяток яиц пашот, парочку сырных сэндвичей и немного бекона. Ладно, много бекона. У хищных оборотней своеобразное понятие о лёгком завтраке. — А я думала, у меня мамка злой монстр.

— Я всё слышала, Реджина Маграт! — ехидно протянули откуда-то с террасы. — Похоже, мне следует тебя отшлёпать.

— Поздновато спохватилась, — не осталась я в долгу.

— Никогда не поздно надрать кому-то зад.

Я радостно ухмыльнулась. Ха, так и знала, что она это скажет! Моя мама совершенно неисправима, как бы ни носился с ней любящий муж и сколько бы детей у неё не было. И это здорово, пожалуй.

Папа тоже неисправим. И вот это уже вообще не круто.

Ну конечно же, мы опять поцапались. Не после их безобразной ссоры с Хотой — тогда я ещё пыталась сохранить мир в семье, а папа был со мной в два раза более деликатен, чем обычно. Только затем он всё так же деликатно поведал, что Брендан гро Ярлак попросил у него дозволения за мной ухаживать. И он всецело одобрил. Потому что Брендан мне, видите ли, очень подходит.

О, Хаос, да это я буду решать, кто мне подходит!

«А как же Хота?» — только и смогла тогда спросить я, вдруг обидевшись за своего косолапого полудурка.

«А Хоту мне вообще стрёмно к женщинам подпускать, — хмуро ответили мне. — Уж больно он похож на своего папашу».

Папаша у Хоты был... примечательный. Подонок, мразь и конченный психопат, если верить рассказам родни. Нет, по молодости был силён, жутко красив, обаятелен и мил, но потом уверовал в свою непобедимость и безнаказанность — с альфами это часто бывает, а уж если зерно угодило в благодатную почву... От чувства собственного величия до неконтролируемой жестокости — пара шагов. За которые Ньордан гро Маграт преодолел путь от вожака клана до насильника, садиста и тирана.

Стоит ли говорить, что я вмиг озверела от такого сравнения? Никто кроме меня не смеет говорить гадости про моего Хоту! Никто. Даже мой отец. Наш отец! Как он может вообще нести такую чушь про мальчика, которого вырастил как родного сына? Про того, кто ни разу не давал повода!

Словом, разругались мы в пух и прах, и минувшую неделю я провела по другую сторону озера, в доме прайда. Подальше от медведей и их дерьма. Котики правят миром! Время тратила с большой пользой: ела, спала, возилась с Тэмми и близнецами, иногда вяло подыскивала себе жильё и тайком плакала. Из-за папы, из-за Хоты, но больше всего — из-за Олли. Да как же он так вляпался-то? Говорила я ему, что угрозы Лэнсу могут выйти боком! Было бы кому угрожать! И как самого Лэнса угораздило убиться чуть ли не через полчаса после этого? Хаос, до чего же паршивая вышла история... Дядюшка Виттар горячо уверяет, что всё будет в порядке, однако я вся как на иголках.

Не защитила, обманула, бросила одного. Самая жалкая, самая никчёмная, самая отвратительная альфа на всём Севере!

Так, нет, лить слёзы при всём прайде — плохая идея. Ни к чему портить настроение себе и окружающим.

Мама и Брайан присоединились к нам минут через пять, оба на удивление бодрые после ночной смены. Я сама-то не такой уж жаворонок, но распорядок дня охотников приводит меня в тихий ужас. Как вообще мама это выносит? Ладно Брайан, для барсов ночной образ жизни предпочтителен...

Ну да, у нас смешанный прайд: мы тигры, а Брайан и его семья — барсы. Мама когда-то давно взяла их к себе — и, по её словам, за все эти годы ни разу не пожалела. Брайан и Ливви стали отличными помощниками ей и тёте Лил; Бри же прекрасно спелась с Джилли, и эта парочка омег ловко строит всю нашу пятнисто-полосатую ораву.

Что ещё страннее: мы, коты, часть клана гро Маграт, которые вообще-то медведи. Однако же их прежний вожак женат на тигрице, и два из трёх его детёнышей тоже тигры, а нынешний вожак... ну да, тоже когда-то собирался жениться на тигрице. И в бетах у него ещё один тигр — Арти. Мама говорит, прежде клан был не очень-то приветлив к ней и её кошачьей родне, но лично я такого не замечала. Сколько себя помню, Маграты и прочие здешние мишки относились к нам ласково, покровительственно и как-то очень по-собственнически. Мол, это наши любимые котики, тронешь — убьём.

— Как дела, Джинни? — Брайан нагло утащил с моей тарелки кусок бекона и подмигнул мне. — Брендан передаёт привет...

— Брендан едва не набился к нам в гости, — ворчливо поправила мама, щедро плеснув сливок в свой кофе. — Еле отшила. По правде говоря, в последнее время мне очень хочется поточить об него когти.

— По-моему, для альфы он довольно милый, — заметила я осторожно. И тут же заработала два насмешливых взгляда.

— Милый он только потому, что хочет залезть тебе в трусики.

— Мам!

— Что мам? Я не твой папочка, предпочитаю называть вещи своими именами.

И слава богам. Если бы оба родителя порывались запихнуть меня обратно в памперсы, я бы вернулась в Греймор разве что под угрозой смерти.

— Брен какой угодно, только не милый, — согласился Брайан, чуть нахмурившись. — Он хладнокровный, изворотливый и жестокий.

— Жестокий? — изумилась я. — Брендан? Обаяшка и любитель щеночков?

— Одно другому не мешает. Брен хороший парень, но он... как бы это правильно... не умеет вовремя остановиться.

— Упрямый он, как стадо ослов, — раздражённо бросила мама. — И границ не видит. Если стену нельзя обойти, значит, можно прошибить чугунной башкой.

— Словом, типичный альфа, — подвела итог я.

— О да, всё как ты любишь, дорогая.

Тут не могу поспорить: ушлые засранцы с непомерным эго — моя слабость. Паршивый у меня вкус на мужчин.

И вот лишнее тому подтверждение: самого большого засранца на всём Севере я уж который день не могу выкинуть из головы...

Который день? Тогда уж который год, Джинни. Просто было чуть легче сопротивляться этой тяге, когда Хота был далеко. А теперь он близко — порой даже слишком близко, — и весь самоконтроль, все тщательно выстраиваемые стены норовят рухнуть к его ногам.

И разве ты не могла догадаться, что так и будет? Разве не вспоминала о нём всякий раз, как тебя касался другой мужчина; не чувствовала жгучую ярость и ещё более жгучий стыд? Разве не рыдала восемь дней кряду и не рвалась к нему, узнав, как он чуть не помер в том затхлом южном городишке? Разве не мечтала, глупо и малодушно, как он придёт к тебе, как он простит тебя?..

Вот ещё не хватало. Не я здесь та, кто должен просить прощения.

Не я. Но сожаление из-за того, что я натворила пять лет назад... оно всё ещё никуда не делось.

Хотя получил по заслугам, это правда. Но плохо я сделала прежде всего себе, а затем уже ему. И мне давно следовало взять себя за задницу да простить нас обоих.

Да почему же, сожри меня Хаос без соли и перца, это так сложно?!

— Спасибо за завтрак, Бри, — пробормотала я, избегая глядеть на свою разношёрстную семью. — Пойду прогуляюсь.

Я успела добрести до причала и пару раз утереть слёзы, прежде чем чужие руки, тонкие, но крепкие, по-хозяйски сгребли меня в охапку.

— Бедный мой котёночек, — пробормотала мама непривычно мягким тоном, прижавшись щекой к моему плечу — иначе никак, я же выше на десяток сантиметров. — Ну-ну, не расстраивайся, мы не позволим засадить Олли без суда и следствия. А что касается нашей сладкой парочки косолапых кретинов... хочешь, я их пристрелю?

— Враньё, — фыркнула я, жалко шмыгнув носом. — Ты слишком любишь их обоих.

— Ну, свою особенную снежинку я всегда буду любить больше, чем её долбанутого папашу, её несносного кузена и даже её неугомонных братьев. Девочки должны держаться вместе, верно?

Я невольно улыбнулась и крепко обняла маму в ответ.

— Обещаю не говорить близнецам.

— Да они всё равно не поверят, благо все в папу, — вздохнула она с досадой. — До того похожи на Дара, что я чувствую себя ксероксом. Ты пока что мой самый удачный ребёнок.

— «Пока что»? Значит, через годик-другой у нас всё-таки появится сестричка?

— Проболтайся своему отцу, и я буду всё отрицать.

Тут уж я вполне искренне рассмеялась — мама всегда знала, как поднять мне настроение. Правда, на сей раз веселья надолго не хватило.

— Может быть, мне вовсе не следовало возвращаться? — уныло пробормотала я, шагнув к краю причала. Полуденное солнце красиво позолотило озёрную гладь, а свежий ветерок украсил её мелкой рябью. Идиллия прямо. Ну, если сделать вид, что на северной стороне из воды вовсе не высовываются пёстрые щупальца шогготов, способные нагнать немало жути на непривычных людей. — Им обоим было гораздо лучше без меня. И мне без них тоже.

Мама поравнялась со мной и посмотрела со всей строгостью, на которую способна.

— Не говори так. И не думай. Отец очень скучал по тебе. Хаос великий, да он мне вынес все мозги, как же там его доченька одна, без семьи да без него прекрасного! А Хота... — она замаялась, поджала губы, прежде чем продолжить: — ему было плохо. Очень плохо, Реджина. Потому что когда хорошо, не живут на работе. Он спать-то больше трех часов в сутки стал только в последний год. И то не каждый день.

Больше всего хотелось перестать чувствовать себя такой виноватой. Это ведь он всё испортил! Он, а не я! Да вот только от одной мысли, что кто-то сделал Хоте плохо — что я это сделала, — мне донельзя паршиво.

— Ах, бедный медвежоночек, — всё же пробормотала я, злобно хмурясь. — Так страдал, так страдал... и утешался с каждой первой смазливой девицей.

— Ага, с каждой первой из тех, кто берет за это деньги. Нет, девицы что надо, хоть в постель, хоть на приём — так сразу шлюху и не заподозришь! Правда, на утешение не слишком похоже. Скорее на показуху: гляньте, мол, какой я молодой, стильный и успешный...

— Да хватит его оправдывать! — возмутилась я. — Мама! Разве ты не должна быть на моей стороне?

— Я всегда на твоей стороне, дурища, — ласково возразила мама, убрав мне за ухо прядь волос — таких же чернильно-чёрных, густых и непослушных, как у неё самой. — Но уж я-то на своей полосатой шкуре испытала: полотно Прядильщика никому не под силу переткать. Очевидно, Хота без тебя так же несчастен, как и ты без него. Не пора ли вам обоим забыть прежние обиды?

Даже если и пора, то что с того? Все говорят мне простить, но никто не объясняет как.

— А если я не могу?

— В таком случае забудь этого кучерявого поганца и позволь Брендану наложить на тебя лапы... благо лапы там очень даже ничего такие. — Я невольно скривилась, вызвав у мамы приступ издевательского смеха. — Ну а что? Почему нет?

Потому что... потому что у меня уже есть альфа, и другого я не хочу. Да, Хотя изрядно помотал мне нервы, но... Хаос, кого я обманываю? Он всё ещё мой, а я его. И ничего с этим не поделаешь.

— Ты знаешь почему.

— Я знаю, — согласилась она, нежно погладив меня по щеке. — Я знаю, Джинни. И обещаю, что скоро всё наладится.

— Мам, ты не можешь обещать такое.

Ответом мне было надменное кошачье фырканье.

— Ха, да ну? Кто в этой северной дыре и может что угодно, так это я. А теперь подбери сопли, Реджина Маграт, и иди за мной. У нас с тобой есть незаконченное дельце.

Я озадаченно нахмурилась, но тут же пожала плечами и зашагала следом. Когда альфа прайда Крэстани говорит тебе что-то делать, ты не задаёшь лишних вопросов и молча делаешь.

Эх, хочу быть такой же клёвой, когда вырасту.

25

Мама деловито усадила меня в машину (причём в мою же), без лишних разговоров отняла ключи и споро вырулила на северную трассу. Я было подумала, что мы едем в Таненгрев, однако через какой-то десяток километров мы свернули на неприметную гравийную дорожку... Хм, не помню, чтобы она была здесь раньше. Прямо даже любопытно, куда в итоге попадём.

А попали мы на подъездную площадку близ незнакомого двухэтажного дома. Я невольно засмотрелась — до того прелестными мне показались и мощёные дорожки, пролегающие через ухоженный садик, и песочно-карамельная отделка каменных стен, и крутая двускатная крыша с высокими фронтонами, покрытая тёмно-бурой черепицей. А ещё полукруглая каменная арка у парадного входа. И совершенно чудесный эркер в виде высокой башенки с крышей-конусом. Да что там — даже каминная труба, сложенная из пёстрых округлых камешков, притягивает взгляд.

— Как красиво, — искренне восхитилась я. — Чей он?

— Вот этот пряничный домик? — уточнила мама, в картинном отвращении наморщив нос. — Ну, вообще-то твой. Как и земли, на которых он стоит.

Какое-то время я ошалело тарасилась то на неё, то на пряничный домик.

— М-мой?

— Это подарок на твой минувший день рождения. У каждого взрослого альфы должна быть своя территория, верно?

Я машинально кивнула и прошлась по извилистой дорожке вглубь сада. Здесь чувствуется рука Джила, и растения все его любимые — лилейники и ирисы, лаванда и котовник, пёстрые кустики вереска и ещё не распустившиеся зимние розы. И каменную горку тоже наверняка он сам укладывал; ему бы хватило занудства, в отличие от меня.

Вдоволь налюбовавшись цветочками, я снова в неверии уставилась на маму.

— Вы что, и правда подарили мне целый, блин, дом?!

Она на это лишь закатила глаза.

— Детка, если вдруг не помнишь, мы обеспеченные нелюди и можем подарить тебе хоть дюжину домов. К тому же твой папенька был счастлив как младенец, превращая эту старую халупу в мини-замок для своей принцессы... Поэтому, знаешь, просто заткнись и иди внутрь!

Всё ещё немного шокированная внезапным поворотом, я послушно побрела на каменное крылечко, к тяжёлой деревянной двери.

Изнутри домик оказался так же чудесен, как и снаружи. Пока ещё не обжит, обставлен по минимуму, однако мебель мне понравилась, да и отделка тоже. Всё так изящно, в меру затейливо и

совсем не вычурно, везде оттенки моих любимых цветов — лимонно-жёлтый и мятно-зелёный, бирюзовый и лавандовый, малиново-алый и тёмно-фиолетовый... Ну да, я не любительница всяких там бёдер испуганной нимфы и прочих линиях пастелей. Благо Джилли и родители хорошо знают мои вкусы.

Задний двор меня просто добил. Потому что оранжерея. А ещё каменный бассейн, больше похожий на пруд — такой просторный, что кроме тигра ещё парочка медведей поместится. Внутри этой громадины огорожена эдакая каменная чашечка, от которой даже нынешним жарким днём идёт едва заметный пар. Дальний край бассейна переходил в нечто вроде миниатюрного водопада, который небольшим ручейком стекал вниз по склону и впадал в шумно журчащий горный ручей с мудрёным названием, какое я сейчас и под страхом смерти не припомню.

— Да, твой отец по-прежнему не умеет вовремя остановиться, — несмотря на свой сварливый тон, мама радостно улыбнулась. — Ну ладно, воды много не бывает.

— Он... он сделал мне оранжерею. И бассейн. И круглую башенку! — к собственному ужасу, я вновь всхлипнула. — А я обозвала его своим сутенёром и спросила, где его леопардовая шуба!

— И поделом придурку. Боги, Джинни, да что у тебя всё время глаза на мокром месте? Течка, что ли, скоро?

Я тут же передумала лить слёзы и почти в ужасе глянула на неё.

— Что? Нет! Ещё слишком рано! Просто Олли и... вот это всё...

Мама смерила меня подозрительным взглядом, но кивнула.

— Просто будь осторожнее, — всё же прибавила она спустя какое-то время. — В двадцать два года цикл скачет от любого чиха, а рожать немного рановато.

— Мам, я сама не так давно из пелёнок выбралась! У меня с моей новой должностью не будет времени даже на щенка, какие тут дети?

Какие? Ну... вообще-то очень милые. Очаровательные и трогательные, как маленькая Тэмми, но... свои. Лучше бы тигрята, но медвежонок тоже ничего. Возможно, с моими золотистыми глазами. И с золотистыми же кудряшками, точь-в-точь как у их папаши. Но не-ет, учитывая моё везение, всё наше с Хотой потомство наверняка унаследует мои непослушные чёрные лохмы и его льдисто-голубые глазищи в пол-лица...

Погодите-ка, что? Я правда только что в своих мечтах заделала котятка с этим мерзавцем? Вот как-то не радуется. Может, у меня и впрямь течка на носу...

— А ты когда-нибудь думала, ну... не рожать меня? — спросила я, просто чтобы отвлечься от собственных пугающих мыслей.

— Не скрою, это было как снег на голову. Что уж там, я была в шоке и ужасе... но даже думать не могла об аборте, — мама уверенно помотала головой и улыбнулась. — Я ведь страшно втюрилась в твоего отца, а ты была чудом, которое мы создали вместе — пусть даже по глупости и нелепой случайности.

— А близнецы что, тоже случайность?

Мама демонстративно сморщила нос.

— Ну как сказать... не совсем. Да я клялась и божилась, что не подпишусь на это снова! Но ты как-то слишком быстро выросла, а гормоны творят с мозгами нечто отвратительное.

Невольно поёжилась. Дети офигенно милые, я обожаю с ними возиться! Но вот всё, что происходит с женщиной перед их появлением, подозрительно смахивает на какой-то фильм ужасов.

— Не уверена, что соглашусь пройти через такое аж два раза. Да даже один...

— Я сейчас, видимо, должна тебе вдохновенно наврать, что беременность и роды — это донельзя восхитительное событие? — усмехнулась мама. — Не буду. Это был кошмар. Но без этого не было бы тебя и мальчиков — а уж вы, поганцы, и впрямь самое прекрасное, что со мной только случилось.

— Ну хоть кому-то я принесла радость, — буркнула я, на сей раз порыв зареветь давя в зачатке. — Мам, но почему они ссорятся из-за меня? Это так глупо, нелепо, эгоистично! Я не собираюсь бегать за ними по всему Северу и без конца доказывать, что люблю обоих!

— Потому что мужики в сто раз хуже детей, а тридцать им или семьдесят — разница невелика, — отмахнулась мама. — Не вини себя и дай мальчикам спокойно померяться причиндалами.

— Да и на здоровье!

Она со вздохом протянула руку и погладила меня по щеке, вынуждая потереться о её ладонь. Боги, моя мама лучше всех. Люблю её.

А особенно люблю то, как точно она понимает мои чувства. Отец, если бы мы не поссорились, наверняка целый день донимал бы меня в попытках поднять настроение; мать же просто оставила меня в покое. Показала, что где лежит, напутствовала «обживать новую коробочку да не вешать нос из-за всяких косолапых дуралеев», обернулась тигрицей и скрылась за холмами.

Нос вешать было уже неохота, да и просто некогда: я разложила вещи, переставила кое-где мебель, скаталась за продуктами в ближайший молл; позвонила Сэре и уговорила ту не приезжать в Мозэргрин (с трудом, честно говоря — моя подруга была вне себя и жаждала крови инквизиторов, посмевавшихся покуситься на святое в лице её брата-близнеца), пробежалась по своим новым владениям, оставляя свой запах... В общем, сама не заметила, как прошёл день. А вечер повстречала в приятно тепловатой воде похожего на озерцо бассейна, радостно загребая лапами и то и дело отфыркиваясь. Ни один вид кошачьих не любит воду так, как тигры. Да и мне-человеку очень даже по душе — особенно горячая вода в каменной чашечке. Как же такой штуки не хватало в столице, когда я отработывала две смены в клубе или десантировала взвод боевых магов на другой конец республики.

Выйдя из воды, невольно поёжилась. День выдался жаркий, но вместе с сумерками приходит прохлада. Надо было, что ли, полотенце прихватить. Да и непривычно как-то голой... никак не могу отделаться от чувства, что кто-то радостно глазееет на мои сиськи.

Мне же кажется, правда? Или нет...

Стараясь выглядеть невозмутимо, пробежала по ещё тёплой дорожке к крыльцу. Наспех отряхнула ноги, втиснула их в растоптанные зелёные кеды и прошла к скрытому в углу прихожей чуланчику, доверху забитому разномастной одеждой. Такая заначка есть в доме у каждого оборотня нашего клана — чтобы нежданным меховым гостям было во что переодеться.

Ладно, если я напялю вот эту безразмерную футболку с единорожкой, от потенциальных гостей наверняка не убудет.

Вот так-то лучше. А теперь можно и пойти проверить, кому там жить надоело. Ну, или же убедиться, что мне просто показалось...

26

Не показалось. Стоило только отойти от дома на пару десятков метров, кошачий нюх предательски доложил — я здесь не одна. И этот запах я бы узнала где угодно.

— Хота гро Маграт! — возмущённо завопила, уперев руки в бока. — Не смей шпионить за мной из-за кустов, как какой-то ебучий маньяк! А ну, тащи сюда свою косолапую задницу, пока я не выволокла тебя за ухо!

Ответом мне стал негромкий рык, больше похожий на ворчание вредного старика. И отчётливое чавканье. Он что, чернику мою там жрёт?!

Ну да, именно что жрёт и ничуть не стесняется — я всего-то пару шагов сделала, и в носу зашекотало от сладкого аромата спелых ягод. Моих любимых, между прочим!

— Маграт, а ну вылезай, это моё!

И вот даже загадочного медвежьего языка знать не надо, чтобы понять — меня то ли послали, то ли объяснили, что и чьё тут на самом деле. Но из своего укрытия Хота всё же выбрался — кажется, ещё более огромный, чем прежде, светло-бурый и откровенно недовольный. Подошёл вплотную, смешно фыркнул, плюхнулся на необъятный медвежий зад, ткнулся носом мне в ногу и коротко лизнул бедро шершавым языком.

— Да чтоб тебя, не могу же я собачиться с мишуткой, — посетовала, не без удовольствия запустив обе руки в густой мех. — Ты слишком миленький!

Ответом было негодующее ворчание — мол, вовсе я не миленький, а очень даже злой и страшный, так что нечего тут попирать мою мужественность. Я лишь фыркнула и почесала его за ушами, точно большую собаку. Знаю же, ему так нравится. Медведь довольно зажмурился, потыкался мне в ладонь, затем и вовсе принялся тереться о мой живот своей громадной башкой.

Территорию метит, засранец.

— Боги, Хота, ты слишком много времени провёл среди кошек. Я уверена, медведи так не делают.

«Ой, ну и что?» — легко можно было прочесть в ответном взгляде.

И почти так же легко оказалось сделать вид, что не было этих ужасных пяти лет порознь; что Хота по-прежнему мой самый лучший друг, с которым можно болтать обо всём на свете. Ну как болтать... медведи не особо говорливый народ. Зато очень тёплый и пушистый: стоило только плюхнуться под мохнатый бок, о вечернем холоде вмиг позабылось. Хота же, не будь дурак, шустро подставил голову, требуя поглаживаний.

— О, Хаос, ты точно должен был родиться котом, — усмехнулась я. Само собой, у двух чистокровных медведей никак не мог получиться котик, но характером уж больно похож. — Или это мне стоило родиться медведицей? Не то чтобы твой огромный неуклюжий зад может быть предметом чьей-то зависти. Да и тигриная шкура меня вполне устраивает.

Хоту вроде бы тоже: сколько себя помню, он всегда громогласно радовался, что у моих родителей получилась кошечка, а не медвежонок. Да и Арти обожал, хоть и никогда не носился с ним так, как со мной.

А со мной он носился, да. Вот только что хорошего с того вышло?

— Может, брехня все эти сказочки про невесту Хаоса? Поэтому у нас ничего и не получается, — уныло пробормотала я, сползая чуть правее и прижимаясь щекой к тяжёлой лобастой голове медведя. Тот беспокойно зашевелился, но я только шикнула на него. — Не надо, не перекидывайся. Не хочу опять ругаться... просто озвучиваю очевидное. Этот Прядильщик вечно творит какую-то ерунду. И строго через жопу. Если у наших детей будут мои дурацкие волосы, я сменю на фиг религию.

Я и впрямь только что ляпнула «у наших»? М-да. Но Хоте вроде понравилось: он уgomонился и любовно ткнулся влажным носом мне в щёку, потёрся им, то ли лаская, то ли стараясь утешить.

Если последнее, то крайне вовремя: глазам снова мокро, а на душе гнусно. Не хочу, чтобы он видел, не хочу... и, конечно же, лучший способ этого не допустить — совершенно -по-дурацки всхлипнуть и уткнуться лицом в его шерсть. Густую, теплую, пахнущую лесом и ворованной черникой.

— Я ужасно по тебе скучала, — мой голос такой ломкий и жалкий, что самой противно. — Ты был мне нужен, Хота... ты был мне так нужен, но тебя не было рядом! И плевать мне, что я сама виновата! Я знаю это, ладно? Я знаю, но только суть не меняется — ты был нужен, и тебя не было. Не было. Никого не было, кроме Олли. Он столько сделал для меня тогда, а я... я даже не могу встретиться с ним, мне не разрешают! Это нечестно, слышишь? Нечестно! — последние слова я почти прорыдала, уже не стыдясь того, что Хота может подумать. Плевать. — Нечестно, что такой замечательный человек сидит за решёткой. Нечестно, что я не могу возненавидеть тебя так же сильно, как люблю. И совсем уж нечестно, что тебе без меня даже вполтину не так хреново, как мне без тебя.

Последние мои слова явно задели Хоту за живое. И разозлили — он вдруг поднялся, зарычал громко и грозно, заставив невольно отшатнуться. Но подниматься я не стала, только нервно утёрла глаза ладонью, чтобы он не видел моей слабости. Достаточно, что он знает, слышит, но видеть — нет, ни за что.

— Что, не нравится, когда говорят правду? — бросила я зло.

Хота зарычал снова. И вдруг толкнул меня лапой, отчего я не удержалась и упала на траву.

Страшно? Да, пожалуй. Глупо не бояться зверя, который сильнее тебя во много раз. Правда, только пока я сама — человек.

Не знаю почему, но перекинуться в тигра я даже не подумала. Просто смотрела на разъярённого зверя снизу вверх, пялилась в янтарные глаза, чувствовала тяжёлое дыхание на своём лице. Не могу ему навредить. Даже думать об этом не могу, это неправильно, неправильно!..

Да и не пришлось. Я и отмахнуться от этого вороха мыслей не успела, выдохнуть толком, даже улечься удобнее — помирать, так в комфорте! — как Хота вдруг улёгся рядом, согревая меня горячим боком. И лапы вытянул, все четыре, отчего стал похож на огромный меховой ковер. Подался ко мне, лизнул в щёку и отвернулся.

Я невольно хихикнула, а потом и вовсе рассмеялась, глядя на это презабавное зрелище — сильнейший альфа Севера лежит в моем саду, изображает из себя коврик и откровенно дуетса, словно ребенок. До того забавно, что самой обижаться уже совсем не хочется.

Я подвинулась ближе, толкнула его, чтобы повернулся — помнится, в детстве он частенько

устраивал на мне свои тяжеленные лапы, чтобы согреть. Не так уж я и замёрзла сейчас, но того тепла — простого, невинного, родного — хочется невозможно. Забыть обо всём, ненадолго вернуться в то время, когда мы ещё не изранили друг друга и были счастливы...

27

И ведь всего-то на минуту прикрыла глаза, согретая его мехом, а когда открыла — обнаружила себя в постели, под одеялом. Согрело меня, впрочем, отнюдь не оно. Даже поворачиваться не нужно — перекинутая через талию рука и тёплое дыхание, опаляющее висок, не оставили простора воображению.

— Хота? — спросила, сама не зная зачем. Ну правда, кто ещё осмелится влезть в мой кошачий домик, забраться в мою постель и думать, будто проживёт дольше трёх секунд?

— Разбудил? — ответил он вопросом на вопрос. И руку тут же убрал, попытался подняться, но я успела его остановить. — Извини. Хотел уйти, но ты так мило спала...

— Пялился на меня, пока я сплю? Ты же в курсе, что так только маньяки делают? — протянула я насмешливо, полностью разворачиваясь к нему. — Надо же, ты даже оделся.

А зря, между прочим. Нет, ему жутко идут все эти нелепые фланелевые рубашки... и небрежно растрёпанные кудри, хоть он их терпеть не может. Но глупо отрицать, что я бы предпочла его совсем в другом виде.

— Много ты в маньяках понимаешь, кисонька, — фыркнул Хота. Тоже повернулся, оперся на локоть, отчего наши лица оказались слишком близко друг к другу.

Очень близко. Я едва удержалась, чтобы не потянуться к его губам, просто потому что... слишком хорошо помню, каково это — целоваться с ним. Чувствовать его ласку, его страсть и нежность. Хаос великий, я то наше приключеньице на дороге неделю забыть не могла! Безобразную ссору, впрочем, тоже, но поцелуй определенно был куда лучше.

Поцелуи всегда лучше, когда не знаешь, о чём завести разговор. Как вообще разговаривать, не вспоминая всех обид, что есть между нами?..

— Зато ты знаешь, — всё же сумела проговорить я. Без сарказма и ехидства, скорее с сожалением: очевидно, Хота свою работу обожает, но приятной она от этого вряд ли становится. — Никогда не понимала, как вы с мамой занимаетесь всей этой гнусью из года в год.

Он насмешливо прищурился.

— Ты впрямь хочешь говорить сейчас о моих маньяках? Я точно не за этим остался.

«А зачем?» — тут же захотелось глупо спросить, но Хота не дал. Протянул руку, коснулся моих волос, погладил щеку кончиками пальцев. С трудом удержалась, чтобы не прильнуть к ним, точно безмозглый котёнок.

— Я скучал по тебе, Джинни. Хаос, я так по тебе скучал. По чернике тоже... ладно-ладно! — Я возмущённо фыркнула и ударила его кулаком в плечо. — По тебе больше. Ни по кому так не скучал. Никогда.

Как будто я по тебе, дурню, не скучала хоть один день. Даже в те моменты, когда хотела откусить тебе что-нибудь.

— Скучал он, надо же, — буркнула я. Вышло, впрочем, беззлобно и почти шутливо — ругаться всё ещё не хотелось (а вот спать — очень даже). — В свободное от попыток самоубиться время. Ха, думал, мне никто не доложит, как ты славно веселился в своём долбаном Сармаде?

— Надеялся на это.

Вот и зря. Ну да я сама бы, наверное, предпочла не знать: слишком больно и жутко делается от одной лишь мысли о том, что мой альфа очутился по уши в дерьме и едва не отбыл на тот свет. И никого не было рядом, чтобы вправить придурку мозги, чтобы как-то помочь... да просто утешить, в конце концов! Паршиво это донельзя, когда приходится такое разгребать в одиночку, и он не должен был...

— Знал бы ты, как я жалею, что не прознала вовремя. Даже разговаривать бы не пришлось: дала б тебе разок по башке и утащила бы в коробочку...

— Каким это образом? — не оценил Хота моих влажных фантазий о коробочном доминировании.

— Зубами за шкурку, как котёнка.

— Ну, между нами говоря, у тебя бы вряд ли вышло.

— Эй, у меня бы прекрасно вышло, — лениво возразила я, всё же принимаясь тереться щекой о чужую ладонь. Дурацкие кошачьи рефлексy. С утра точно будет стыдно. — Подумаешь, гроза Греймора выискалась... Ты всего лишь Хота!

Он со смешком покачал головой.

— Ну а ты в сто тысяч раз несноснее любого медведя, если тебя невовремя разбудить.

— Ой, всё, отвали, я сплю.

Выдав это, я с наслаждением запустила пальцы в мягкие светлые кудри и прижалась-таки ртом к его губам, стирая с них эту противную ухмылку. Какой уж тут сон, когда Хота так близко? Нет никаких сил удержаться. И лучше бы не думать о том, что преград между нами — пара джинсов да чисто символическое одеяло. А иначе итог немного предсказуем.

Хота ласково обнял, ответил на поцелуй, мягко прикусил нижнюю губу... и тут же отстранил меня, нахмурился, укоризненно уставился этими своими вредными глазами. Золото и лёд, холодность и страсть — в этом весь мой Хота, невыносимый поганец, без которого моя жизнь была сплошь никчёмной и унылой.

Ему, впрочем, об этом знать необязательно.

— Ты когда-нибудь прекратишь меня динамить? — недовольно осведомилась я, заставив его поморщиться.

— Просто не хочу наделать глупостей. Снова.

— А чего я хочу, ты, конечно же, спросить не желаешь?

Хота помотал головой, снова протянул руку, чтобы коснуться моих волос, но я вовремя отстранилась. А вот будет знать.

— Не сейчас, Джинни. Не так. Не когда мы впервые очутились в одной постели, я выгляжу как огородное пугало, а ты всё равно что голая.

Ну надо же, какие мы правильные. Сердито заворочалась в своём одеяльном коконе, но тут же бросила эти бессмысленные трепыхания — хватка у Хоты дай Прядильщик каждому. Да и отталкивать его совсем расхотелось, едва он прижался губами к моему виску, зарылся носом в волосы и негромко продолжил:

— Ничего я не хотел сильнее, чем повернуть время вспять, сделать всё по-другому. Никуда не рвался больше, чем к тебе, всякий раз останавливаясь в последний момент. Я люблю тебя, Джинни, ничто не способно это изменить. И...

Хота вдруг запнулся, выпрямился, тряхнул головой и заявил:

— У нашего сына будут твои волосы и мои глаза. И он обязательно будет медведем.

Нет, ну каков наглец!

— Медведем? Вообще не круто пошутил, — сухо откликнулась я, отвернувшись с почти нелепой поспешностью. Может, хоть так получится скрыть радость и надежду пополам со смущением, что вспыхнули внутри. — Для ясности: твои шансы стать отцом моих котят стремительно мчатся к нулю.

Он лишь рассмеялся, не удостоив мой выпад ответом. Оно и верно: кому я вру вообще?

Хота снова наклонился ко мне, ткнулся губами в волосы, на короткое мгновение сжал плечо. Не слишком затейливо и даже не эротично, а всё равно внутри словно перевернулось что-то. То ли сердце, то ли душа, так и не разберёшь. Вмиг накрыло горестное осознание — вот так мы могли проводить каждый вечер из прошедших пяти лет.

— Люблю тебя, — повторил Хота.

Любит, ну конечно же любит. Всегда любил. Как и я его.

Но донести эту мысль до него я не успела — только и открыла рот, а Хота уже проворно смылся на другой конец моей новой спальни. Да что за?..

— Сначала подумай, потом отвечай, — выдал он поучительно. Отворил окно и, подмигнув мне на

прощание, выпрыгнул наружу.

Эй, что за дела? Убегать в окошко — прерогатива котиков! Как он посмел вот так сбежать от меня?!

Посмел. Потому что сам тот ещё кот, пусть и расхаживает в медвежьей шкуре.

Засранец! Нахальный, несносный, невыносимо дурной!

И невозможно любимый, что уж скрывать.

28

Почему, спрашивается, мы до сих пор не проложили нормальную дорогу до Таненгрева? Ну да не мне жаловаться — «Корингтон» и не по таким ухабам проехать может. Не зря мы с Друадахом валялись под этой машинкой несколько месяцев, переделывая рессоры, мост, привод. Но всё же заднице про надёжность и проходимость не обскажешь: а она-то в отличие от кара, чувствует каждый камень. Так и охота обратиться да добежать до деревни медведем. Не по статусу, увы. И кар бросать посреди леса нельзя: добраться-то доберусь, но место хорошей машины — в гараже, под крышей, чтобы хорошенько просохла и не пошла ржавчиной.

— Ты, надеюсь, приехал не пить самогонку с бабулей и Друадахом? — вместо приветствия выдал Арти, стоило только припарковаться у нашего дома и выйти из кара.

— Ты вообще знаешь слово «здравствуй»? — поинтересовался я, направляясь к багажнику. Зря, что ли, пёр столько всякой ерунды для деревни? Шаль для бабушки, гремюще-звоняще-магическую хрень для Оры; разные продукты, коих в наших ебнях сроду не достать, и прочее по мелочи, в основном для местной детворы.

— В щёчку тебя не поцеловать? — ехидно осведомился Арти, забирая у меня первую из многочисленных коробок.

— Прости, я по девочкам. Уж молчу про то, что ты вообще-то мой брат.

— Сводный, и родство с Джинни тебя вроде бы никогда не останавливало. Кстати об этом — так когда у вас свадьба?

Ненавижу, когда он так делает. Нет, я, конечно, очень благодарен Арти за то, что он всегда на моей стороне. И его искренняя поддержка всегда была ценнее любого нытья Шандара про его драгоценную дочку. Ну, почти всегда...

— Прости, я пока не купил кольцо.

Меня одарили снисходительно-надменным взглядом, коим неизменно славились все хвостато-полосатые представители клана гро Маграт. Да, даже мелкий Инсар.

— Купил. Лежит у тебя в столе уже хуеву тучу лет — на мой возмущенный взгляд этот несносный кошак пояснил: — Что, ты думаешь Эмма только тебя любит? Я её обожаемый котенок! Так что да, когда свадьба, Хота?

— С чего ты вдруг завёл эту свою песенку? — произнёс я недовольно. Пока ещё не рыча, но даже Арти не стоит сюда лезть. Потому что...

Потому что эта тема чересчур острая, чтобы обсуждать её во время разгрузки машины.

Я ведь так и не понял, что происходит между мной и Реджиной. Люблю ли я её? Определённо. Все эти годы любил, не прекратил и сейчас, несмотря на пятилетнюю разлуку и ой какое хреновое расставание. И она меня любит, это ясно как день, даже никаким избранником Хаоса быть не нужно. Но готовы ли мы возобновить наши отношения? А уж тем более жить вместе и надеть кольца? В теории — да, на практике же и я, и Джинни имеем друг к другу столько претензий, что есть риск поубивать друг друга. Какие уж тут свадьбы, когда всё, что между нами было — премилое валяние в её постели и пара жарких поцелуев.

— Ой, а то ты не знаешь... — тем временем принялся ворчать братец. — Обженить тебя, дурака, хочу, чтоб мою кузину не увёл сучий волчара. Смотри, ещё немного — и наша киса с полного одобрения родни отдаст руку, сердце и прочие органы грёбаному Брендану гро Ярлаку.

Слухи о новоиспечённом женишке для моей Джинни дошли до меня пару дней назад. Ну как слухи — констатация факта от Изары, которая безо всяких церемоний заявила, что если не перестану строить из себя недотрогу, Реджину себе заграбастает альфа волков. Вообще-то хороший парень: сильный, толковый и не замеченный ни в какой херне. Да что там — пожелай гро Ярлак в жёны любую женщину моего клана, я бы мигом согласился. Сильные союзники на Севере — необходимость, без которой недолго и лапы откинуть.

Любую. Но не ту, которая принадлежит мне. Мне, а не какому-то вшивому волчаре, будь он хоть триста раз хорош!

Судя по вмиг побледневшему лицу Арти, зарычал я слишком громко и грозно.

— Ладно, ладно, — он примирительно поднял руки, — понял я! Реджина принадлежит тебе, а кишки маршала псины ты наматаешь на провода, если посмеет тянуть лапки. Вопрос только, знает ли об этом сама дражайшая кузиночка?

— Уж точно подозревает, — проворчал я.

Что уж там — знает наверняка, ведь я сказал ей о своих намерениях прямым текстом. Другое дело, что знать об этом всем и каждому вовсе не обязательно. Не рассказывать же, как я воровал чернику у Джинни? Или как изображал из себя мехово й ковёр, потому что она была такой милой и нежной, словно мы оба ещё совсем дети, у которых не накопилось множество обид. И уж точно я не буду рассказывать дражайшему братцу, как остался с ней, спящей, чтобы просто побыть рядом.

Не нужно ему об этом знать. Никому не нужно. Уж слишком личное. Тёплое и важное. Не для чужих ушей, не для насмешек и подколов, даже если они будут от моего брата.

— Эй, в доме, а дверь открыть? — заорал я, поднимаясь по ступеням нашего деревенского обиталища.

Открыли. Да не кто-нибудь, а Уна гро Гален в типичной, казалось бы, садово-огородной футболке, но с таким вырезом, что любой здоровый гетеросексуальный мужик, неотягчённый на всю голову всякими там вздорными тигрицами, непременно подумал бы о койке. Ну или о сеновале — как-никак, мы в Таненгреве, тут всякое возможно. Уна умеет быть эффектной, не отнять. Но как по мне, от девиц вроде неё стоит держаться подальше. Вроде не альфа, однако никаких сомнений, что быстренько запихнет под каблук и будет пилить долгими вечерами. Короче, то ещё сокровище, которое, по счастью, мне не достанется.

— А ты что здесь делаешь? — спросил без особого интереса, когда она забрала одну из коробок, что я держал в руках.

— Помогает по дому, — заявила вышедшая навстречу бабушка. — Должна же быть клану от неё хоть какая-то польза.

— Эй, я помощник судьи! — возмутилась её тоном Уна. — От меня уж явно больше пользы, чем от этой вашей...

— Бумагомарательство — не польза. Осень не за горами, а у нас что? В погребах пусто, запасы не сделаны, бормотуха киснуть не поставлена! Нахрен мне тут судьи с прокурорами?! — бабушка бросила на меня такой грозный взгляд, что я невольно покосился на её верную клюку. — Мне руки нужны, а не вот это блядство с маникюром!

Ладно, к Уне я, может, и не питаю теплых чувств, но тут стало её жаль. Спину свою прикрывать я ей ни за что не доверю, а потому и своей бетой не назову, но должен признать — она сильная, работающая, неглупая. Красивая, опять же; родит в клан симпатичных медвежат.

— Бабушка, какая осень? — решил я вступить за Уну. — Июль ещё не кончился!

— Но уже давно начался! А значит, со дня на день погода превратится в говно, и будем мы не сиськами сверкать в модных майчонках, а всем кланом в грязнице ковыряться, в галошах и шерстяных носках. Что я, второй день в Грейморе живу, что ли?

— Вторую сотню лет, если точнее, — тихо вернула Уна. Это она зря.

— Поговори мне ещё! — бабушка замахнулась было на неё клюкой, но «воспитывать физически» не стала. — Не клан, а херня какая-то. Распустил Шандар всех, ходят, языками чешут, а работать некому! За дело, живо! В сарае крыша течёт, на мельнице фундамент опять перекошило!..

— И давно она так? — тихо поинтересовался я у Арти, когда бабушка, грозно потрясая своим орудием пыток, умчалась в дом.

— Со вчерашнего дня. Даже близнецам досталось — с утра ушли с Мэтто на охоту, а то дорогая бабуля уж больно разошлась. Мол, жрать дома нечего, с голоду помрёте, так вам и надо.

— Весело, — протянул я, устраивая коробки рядом с остальными. Потом разберём. — Погоди, если близнецы тут, то и Шандар с... Изарой?

Арти покачал головой, но усмешку на его губах я заметил. Знал, поганец, чьё имя я хотел произнести на самом деле.

— Бернар и Инсар отлучили нашего дядюшку от своего воспитания. Вторую неделю уж тут, с тех пор, как Джинни вусмерть посралась с Даром. Странно, что ты не знаешь.

Как будто у меня есть время на то, чтобы узнавать, чем живёт дражайший дядюшка. За минувшую неделю много чего произошло. Начиная от свалившейся на мою медвежью голову прорву работы, которую нужно было срочно разгрести, и заканчивая Джинни. С ней-то проблем никаких — благо все обвинения по делу Маккензи с неё сняли, а в новые истории она пока не влипла. Наводит красоту в своём пряничном домике и готовится занять весьма солидную для её лет должность в гильдии магов... Словом, по-прежнему умница, красавица и примерная девочка, не зря считается гордостью семьи. Но присмотреть за ней, особенно после переезда, было жизненно необходимо. На всякий случай.

Не до семейных дразг, в общем. Даже таких странных — чтобы моя Джинни целую неделю не разговаривала со своим любимым папочкой? Не иначе причиной тому был я — вечное бельмо на глазу у Шандара. Приятно, не отнять. Но странно.

29

— Я не слишком интересуюсь своими малолетними кузенами, — хмыкнул я наконец. Нет, ну интересуюсь конечно. Но уж точно не загонами в вихрастых головах. — Им всего по десять, с ними даже разговаривать не о чем.

— Ну, со мной же было о чём...

— Мы жили вместе, а ты был на редкость умным малым, хоть и занудой. И мне тогда было восемнадцать, а не тридцать!

— Реджина поссорилась с отцом? — громогласно изумилась Уна, не проникшись нашими детскими воспоминаниями. — Эта несносная папенькина дочка? Мисс Вы-знаете-кто-мой-отец? Вот так новости!

Я такому желчному тону ничуть не удивился: они с Реджиной никогда не были подругами. Уна даже не пыталась скрыть, что хотела меня в мужья и в койку, и, пусть я ни разу не дал повода думать, что испытываю к ней что-то, ревновала дико. И до сих пор ревнует — не заметить это может только слепой.

— Реджина давно выросла, — отозвался Арти недовольно, — и не обязана во всём мириться с отцом.

— Ну и зря, — Уна пожала плечами, сложила руки на пышной груди. — Шандар не мой кумир, но кое в чём он прав — вздорной маленькой сучке нужна крепкая рука. Маршал гро Ярлак подойдет как нельзя лучше. Красивый, сильный, уложил уже двоих наших собратьев... Чем не идеальный муж для нашей полосатой принцесски?

Яд из голоса Уны можно черпать ложками. Она была бы рада избавиться от... соперницы. И плевать ей с высокой горки, что для меня существует только моя Джинни.

— Что ты сказала?

Уна от моего холодного тона предсказуемо вздрогнула, подалась назад. Впрочем, приступ паники длился недолго — куда осторожнее, но всё же она заявила:

— Что слышал, Хота. Ты альфа. И должен понимать, когда и с кем лучше договариваться. Отдашь Реджину волку — получим друзей навек, а сами избавимся от порченой крови.

Арти оскалился прежде, чем я успел поставить на место зарвавшуюся медведицу.

— Я по-твоему, тоже порченая кровь?

Его Уна не испугалась — если дойдёт до драки, вряд ли она сильно уступила бы моему брату. И она об этом прекрасно знает.

— Ты — бета, а Реджина — альфа, которая рано или поздно начнет рожать. Кого она родит клану медведей? Тигров, как и её мать? А потом что? Кланом медведей будет руководить полосатый котик? Очень радужные перспективы для семьи гро Маграт, сильнейших оборотней Севера.

И ведь не сказать, что совсем не права... Да нет, не права Уна целиком и полностью, потому как за идиотскими представлениями о чистоте клана забыла о главном. Обо мне. А я, как известно, тот ещё любитель полосатых котиков.

Зарычал я низко, уже не удерживаясь от частичного обращения. Обнажил клыки, подцепил

фривольную футболочку когтистой лапой. Слышал, мой дядюшка научился проворчивать такие фокусы только к своим сорока.

— Ты не учла одного, — проговорил я, не без усилия вернув себе нормальный облик, — кланом будет руководить мой сын, Уна. Мой. Впрочем, я не твоего мнения спрашивал. Что с Ярлаком? Какого хера это облезлое недоразумение трогает моих медведей?

— Слушай, брат, я уже работаю над этим... — замямлил было Арти, но заткнулся, едва я зыркнул на него искоса.

Уна же низко рассмеялась и покачала головой эдак укоризненно — как если бы я задал вопрос по типу «сколько будет дважды два».

— Это они его трогают, Хота. Мечтают заполучить себе в пары Реджину, как и он. Всех прибило завести себе котят, ну надо же! Нынче в моде толерантность! — за напускным весельем послышались уже привычные злоба и зависть. Надо же, а она и впрямь ненавидит Джинни. — О чём вы все только думаете? У наших мужчин есть шанс получить медвежонка, но уж гро Ярлак от твоей девки точно не дожждётся щенят.

Не дожждётся, это верно. Я кастрирую его прежде, чем он притронется к моей женщине.

Но нет у меня что-то терпения, чтобы по крупцам выжимать из Уны всю эту охуительную историю. Неохотно разжал пальцы, даже заботливо поправил ворот развратной не к месту кофteeчки.

— Назовешь Реджину иначе, чем по имени, ещё хоть раз — и я нарушу своё правило не трогать женщин. Всё поняла? — обманчиво ласковым тоном проговорил я, стряхивая с её плеча несуществующие пылинки. Уна поспешно закивала в ответ. — Пошла с глаз моих.

Возражений не последовало — подхватив с крыльца последнюю коробку, позабытую на время наших разборок, она исчезла в доме. Я выжидательно посмотрел на Арти.

— Твои беты и прочие приبلудные кузены вторую неделю грызутся за право повязать ничейную альфу, — хмуро заявил тот. — Или что, ты думаешь, Лэнса в Хварн понесло ради живописных видов? Ну хотя можно и так сказать. Эх, не будь мне те «виды» как родная сестричка...

— А с каких это хуёв она ничейная? Она моя!

— Вот и я так думал, Хота! — рявкнул Арти, становясь совсем непохожим на обычного себя — милого зануду-трепача в нелепой одежке. — Думал, ты вытащишь голову из задницы! Вы оба! А вы вместо того, чтобы помириться и потрахаться, усадили весь клан на пороховую бочку! Реджина твоя? В самом деле, брат? Так почему об этом не знают ни она, ни твой клан? Да что там — весь грёбаный Север судачит, как маршал пёсик рвёт твоих родичей за твою же альфа-пару. Сюрприз, блядь!

— Весь Север? — уточнил я.

О Лэнсе и Вендине, допустим, хер забудешь, ну да и померли они крайне удачно, придраться не к чему. Гро Ярлак тоже не жилец, просто до этого не нарывался. Но чтобы весь Север? Многовато смертников на один округ.

— Ты слишком много работаешь, — мрачно поделился со мной Арти. А то я без него не в курсе, мать его тигрицу. — Вождь клана должен быть в курсе таких вещей.

— Все вопросы к моим бетам, — язвительно прошипел я. Братец возмущённо вскинулся, но я не дал ему заговорить. Работаю я, может, и много, да только соображаю быстро и всегда по делу. — Пошли, обозначим, кому и что я должен.

— Куда? К Ярлаку, что ли? Нет, я не против, но, может, сначала решим проблему с Джинни? Хота, вряд ли ей понравится, если ты заявишь на неё права без её ведома. Вы это уже проходили...

Я красноречиво закатил глаза.

— Не всё в этом мире вертится вокруг только вокруг симпатичной кошачьей задницы. В кабак пошли, послушаю, кто и что судачит. — И не только послушаю. Кулаки, например, почесать уж очень охота. — А Джинни я для начала преподнесу подарочек.

— Думаешь, цветы и конфеты сработают? — ехидно ухмыльнулся Арти. — Или сразу за колечком поедешь, как я настаивал?

— Джинни не хочет цветов, конфет и колечек. Она хочет своего столичного оленя — и она его получит. Джентльмен я или где?

— Или где, — тут же фыркнули в ответ. — Но мне нравится ход твоих мыслей. Олли не заслужил всех этих обвинений, ну а Джинни всё время плачет из-за него, когда думает, будто мы не видим... В общем, да, сначала задобри, а потом заводи эту свою ты-принадлежишь-мне пластинку. Не то чтобы я не обрадуюсь, если тебя разок спустят с лестницы!

— А не ты ли, говнюк мелкий, пару минут назад требовал, чтобы мы мирились и трахались?

— Ой, а с каких пор последовательность — кошачье достоинство?

Да ни с каких. Меня, впрочем, Прядильщик этим качеством тоже обделил. Вру ведь напропалую, и даже перед собой ни разу не стыдно.

Не всё вертится вокруг кошачьей задницы? Ага, как же, держи карман шире. Как раз вокруг неё и вертится. Как бы я ни воображал себя суровым альфой, попросту разозлённым беспорядками в клане, а суть одна — хрен бы я полез в разборки между своими недоумками и гро Ярлаком. Он, конечно, охамевшая скотина, но в своём праве — это ему бросают вызов, а он отвечает как может. Я бы даже восхитился обмудком, уложившим моих ребят на лопатки (и знатно взгрел бы их за слабость и феерическую тупость). Если бы он не претендовал на Реджину. Почему вообще бросают вызов не мне, а ему? Джинни не проявляет к нему интереса. Не больше, чем к старому знакомцу, изредка заглядывающему к нам в гости.

По крайней мере, мне хочется думать именно так. Брендан гро Ярлак — просто знакомый. А если нет... ну, тогда я ему не завидую.

30

Кабак встретил знакомым шумом и разухабистой музыкой из мудрёного гномьего проигрывателя, что уместился на барной стойке. А ещё запахом медовухи, специй, пирогов с малиной и вишней. Я аж забыл, зачем тащился сюда — вмиг захотелось сначала поест, а уж потом бить морды кому ни попадя.

— Сядем? — правильно понял мою заминку Арти.

Официанткой сегодня оказалась дочка Мэтто, беты моего дяди. Миловидная, совсем юная — кажется, ей недавно исполнилось шестнадцать, — но уже очень высокая и даже с виду отнюдь не скромная неженка. И не скажешь, что омега, которой положено любить детишек, рюшечки и всякие домашние хлопоты.

— Эй, Тэя! — поприветствовал Арти, когда она принесла меню. — Как дела?

— Премерзко. Как и всегда, когда тебе шестнадцать: твои родители всегда всё знают лучше, а каждый первый мужик норовит залезть тебе под юбку, потому что тебе уже можно.

— Ну, вообще-то нет, — заметил я. — По закону...

— О, я в курсе: статья двести тридцатая уголовного кодекса Антеарской республики. Каждый день её кому-нибудь да пересказываю. Но знаешь, — она заправила за ухо бледно-розовую прядь волос, покрутила в пальцах карандаш, — всем насрать. Мне, впрочем, тоже: ходить в девственницах после шестнадцати я никогда не собиралась. Но я не фанатка секса в кладовке и прочей трёхминутной фигни... Ладно, заказывать что будете или так, на потрепаться зашли?

— И то и другое, — отозвался Арти, бросил на меня вопросительный взгляд. Я кивнул — он и без всяких комментариев знает, что я люблю. — Два стейка слабой прожарки, пирог с малиной, два бренди и немного свежих сплетен, пожалуйста.

Тэя улыбнулась. Красивая девочка, повезёт кому-то с женой, когда вырастет.

— В каком порядке?

— А вот в таком и давай, — велел я. — Хотя нет, сначала бренди.

Она кивнула, черкнула наш заказа в блокнот, попросила подождать десять минут и исчезла, чтобы вернуться с двумя бокалами. Выпивать перед тем, как сесть за руль — плохая идея. Если только ты не оборотень с диким метаболизмом, в котором все эти градусы исчезнут без следа уже через час.

Как и всегда, бренди был отменный, а еда и того лучше. Вот сплетни... те подкачали, прямо скажем.

Настолько, что впору перевернуть стол и злобно завывать не хуже любого волчары.

Серьёзно, мне и впрямь надо меньше работать. Иначе какого хрена я ещё не знаю, что гро Ярлак

вовсю подбивает клинья к моей тигрице? И уж тем более мне следует знать, что один из моих бет в больнице, с серьёзными травмами, а другой еле ползает... и воняет антибиотиками на полкабака.

Ну да, все уж в сборе. Арти со мной, Элди в больнице, а оставшиеся четверо сидят в дальнем уголке, яростно шепчутся о чём-то и кидают на меня затравленные взгляды, думая, что я не замечаю. Видок у обычно развеселого Дитмара впрямь бледный и жалкий, а шея туго перебинтована. Даже жрать придурка почти перехотелось. Почти. Вилберн и Лейф косятся друг на друга с явным неодобрением — что тоже странное зрелище, ведь они приятели не разлей вода. И только Пэйта сидит с обычной уныло-язвительной физиономией да что-то насмешливо выговаривает остальным. Небось теперь будет делать вид, что он не с ними и вообще сразу сказал, что подкатывать шары к Реджине — плохая идея.

Очень плохая идея. Абсолютно самоубийственная.

Я пересёк уже не такой шумный зал, с громким скрипом подтянул к себе стул. Уселся напротив этих клоунов, по ошибке зовущихся оборотнями. Даже кулаком по столу не ударил (пусть очень хотелось), но все четверо осеклись и втянули головы в плечи, будто нашкодившие медвежата.

— Давненько не виделись, парни, — я улыбнулся, хотя вместо улыбки наверняка вышел голодный оскал. — Ничего не хотите мне рассказать?.. Опустим прелюдию — какого хера мои беты творят у меня же за спиной?

Секунд пять они неловко молчали и переглядывались. А затем Лейф поднялся и с видом человека, морозной ночью прыгающего в прорубь, заявил:

— Вожак, я прошу отдать мне в жёны твою кузину Регинхильд.

От такой наглости я чуть дар речи не потерял. Впервые в жизни, между прочим! И на лице наверняка застыло подобающее случаю выражение — охреневшее сверх всякой меры.

— А я тоже прошу, — задиристо протянул Вилберн. — Не дело это — волчаре отдавать девицу, которая родит сыновей-альф!

— Котят, — ехидно заметил Пэйта, взявшись за кружку. — Но да, он прав. Её мать родила троих, и все альфы. Разве можно отпустить в чужой клан дочь такой женщины? Вообще она не в моём вкусе, но на благо клана я готов...

— Полегче, братан! — возмутился Лейф. — Готов он... Я женюсь на Регинхильд! Я третий по силе среди мужчин клана! Я...

— ...автомеханик.

— И какие у тебя с этим проблемы?!

— Да у меня-то никаких, но ты видел ту вертихвостку манерную? Слушок ходит, она в своей столице отшила не то ректора Магистерии, не то боевого мага в солидном звании. Ты-то куда лезешь, дубина?

— Ой, да у неё просто мужика нормального не было!..

Был. И есть. Я. Про ректоров никаких не слыхал, но пометку в уме сделал — узнать поподробнее. Лучше у самой Реджины, а то местные — мастера рассказывать сказочки что обо мне, что о ней. Впрочем, интуиция буквально орёт, что никакими сказочками тут не пахнет. Мою женщину посмел трогать какой-то мужик.

Это разозлило. Абсурдно, глупо — мы не были вместе, она могла встречаться с кем хотела. Однако радоваться сему факту я не обязан.

А уж тем более я не обязан мириться с наглостью моих бет.

31

Зарычал я низко, громко — так, что невольно вжала головы в плечи не только четвёрка самоубийц, но и прочие посетители. Кто-то даже за стул спрятался, не иначе решив, что я сейчас начну бросаться на всех подряд и грызть глотки. Не то чтобы я не мог, но...

— Слушайте сюда, — я поднялся, упёрся кулакам в столешницу. — Уж не знаю, кто из вас, полудурков, первым сочинил охуительную сказку о Регинхильд в волчьем клане... Да и знать не хочу — не готов разочаровываться в умственных способностях своих же бет. Регинхильд родилась Маграт — Маграт она и умрёт. Всем понятен посыл? — Мои идиоты, едва сообразив, о чём речь, тут же послушно закивали. Не слишком довольны, однако я не Ярлак, в живых могу и не оставить. И ничего мне за это не будет. — А если ещё хоть кто-то из вас приблизится к волкам — спущу шкуру.

Мне как раз нужен новый ковёр.

— Но он же наших...

— И он не жилец, — пообещал я, почти ощущая на губах кровь поверженного соперника. Гро Ярлак будет умолять о пощаде. И в больницу отправится прямо по соседству к Элди. — Как и вы, если вздумаете воображать, что Реджина достанется кому-то из вас. То, что сейчас вы всей дружной компашкой не истекаете кровью — благодарите Ярлака, уж больно жалко на вас смотреть. Да и Тэе потом полы отмывать, а она вообще тут не при чём. Вопросы, возражения, мятежи?

— Знаешь, Хота, ты сам виноват, что мы все оказались в таком дурацком положении, — буркнул Лейф, неуклюже помявшись на месте. — Не дело это, братан, так с девушками поступать. Пять лет, значит, не нужна была, а теперь спохватился! И то только когда твой дядька ушлый решил волков к рукам прибрать.

Чего? Что он несёт вообще, какие волки?

— Сказочки, ваше альфачество, — едко протянул Пэйта, как ни в чём не бывало приложившись к кружке, — основаны на реальных событиях. Шандар разрешил волку ухаживать за дочерью. А волк официально, при всём своём клане заявил, что претендует на неё как на свою пару. Регинхильд якобы не в восторге, но тем вечером, когда грохнули Вендина, они с Ярлаком вполне мило ворковали.

— По крайней мере, она выглядела весёлой, — негромко пробормотал непривычно молчаливый Дитмар. — И это ой как паршиво, мужик. Любая женщина выберет того, кто заставляет её смеяться, а не плакать.

Арти положил руку на плечо прежде, чем я успел снова вызвериться.

— Хота, спокойно, — тихо проговорил он. — Пошли отсюда, ладно? Поальфачили и будет, ребята всё поняли.

Спокойно? Нет уж, спокойно никак не получится. Когда «спокойно», не горит всё внутри, будто вместо крови грёбаная лава из гномьих гор.

Да я же убью этого престарелого сводника! И нет, ни о каких родственных чувствах уже не вспомню. Вспорю горло, выпущу всю кровь. Когти сами собой распахали столешницу — я и не понял, когда успел их выпустить...

Стоп.

— Реджина веселилась с Ярлаком, а убили Вендина? — повернулся к Арти невесть зачем — особых подробностей дела Маккензи он не знает, только в общих чертах.

— Да Вендину там сразу ничего не светило, — пояснил Дитмар. — Он вроде бы только подвалить надумал, но так и сдулся на подлёте. А с волчарой да, минут пятнадцать они миловались, прежде чем разойтись по углам.

Но мёртв при этом именно Вендин — а гро Ярлак живет всех живых, скалит зубы на мою женщину и точит когти о моих медведей. А сидит за это тщедушный пацан, голубой, как летнее небо, который уж точно в курсе, что Реджина только с виду милая кошечка и в обиду себя не даст.

В комм я вцепился, мигом позабыв о своём клане, о Шандаре с его тупыми выходками и даже о Джинни. Бросил на барную стойку несколько купюр, куда больше, чем стоил наш с Арти обед и даже испорченный мной стол; стремительным шагом вышел из пропахшего едой и медовухой кабака.

Не люблю этого Олли, как и всех магов, за исключением Реджины. Но и ситуаций, когда за решетку попадают невинные люди не люблю еще сильнее. Одно дело — просто догадываться, что Маккензи не убивал Лэнса с Вендином. И совсем другое — получить тому едва ли не прямое подтверждение.

— Чтобы через час был у меня, — потребовал я, не дав Лоренцу и слова сказать.

— Маграт, ты в курсе, что на улице день? — просипел тот недовольно. Разбудил я его, что ли? Ну да, вампиры ведь ночные твари, и понятия о режиме сна у них соответствующие. — Напоминаю: я не слишком большой любитель солнца. И вообще...

— И вообще, — оборвал я, — заткнись и собирайся, тебя целый некромант ждет не дождётся.

В трубке повисло недолгое молчание, тут же сменившееся восхищённым вздохом. Надо было начинать именно с этого — о любви вампиров ко всякой тёмной пакости в пору легенды слагать.

— Что ж ты сразу не сказал?! — подтверждая мои мысли, вознегодовал Лоренц. И, скотина клыкастая, первым бросил трубку.

— Меня окружают идиоты, — вздохнул я, поворачиваясь к Арти.

Тот моих печалей разделить не захотел — улыбнулся во весь зубастый рот, эдак насмешливо и снисходительно. И заметил своим самым вредным тоном:

— А как же шкура Ярлака вместо нового ковра? Что там про «не жильца» было?..

— Ой, отстань, — отмахнулся я. — Не до него пока. Какие там ковры, когда у меня киса чахнет без любимого клубочка? И дядюшке пора напомнить, кто в нашем клане вожак, а кто... Словом, дел невпроворот.

— И то верно. Мне с тобой?

Я покачал головой. Арти не нужен мне ни у инквизиторов, ни в доме Дара. Даже подле Джинни не нужен, хотя на язык так и просится приказ проследить за ней. Но нет, к преследованию и тотальному контролю девушки благосклонны только в плохих фильмах.

— Найди мне всё на этого её ректора или кто он там. Нет, не сколько они встречались и в какие рестораны ходили, — добавил, прежде чем Арти принялся язвить. А он точно собирался, по лицу вижу. — Кто такой, чем занят, за какую футбольную команду болеет... В общем, не мне тебе рассказывать.

— Просто для справки: ты же понимаешь, что это слегка неадекватно — следить за бывшими своей подружки?

— Он мне не нравится.

— Ну, мне тоже, но ты-то его даже не знаешь!

— О, твоя правда, братец, — я старательно изобразил задумчивость. — Тогда так: он мне уже не нравится.

И моему божественному покровителю тоже. По крайней мере, в том, что Прядильщик приложил свои многочисленные руки к довольно поспешному возвращению Реджины — да ко всему, мать его так, происходящему! — я ни капли не сомневаюсь.

В Грейморе, как известно, ничего не происходит просто так.

32

Грейморская гильдия магов — своеобразное место. По меркам столичных зануд вообще та ещё дыра. Мегар, помнится, именно так её и назвал. Не так чтобы был совсем не прав: окраина города, вместо новенькой чистой башенки на много этажей — старая часовня, а вокруг на много километров только лес, холмы и вересковые поля.

Зато если хоть на минуту перестать быть снобом (что в случае Мегара просто невозможно) да скататься на запад Моэргрина, получше протереть глаза и просто вдохнуть местный воздух — проникнешься атмосферой тут же.

На Севере строят основательно, спасибо дурному климату, лютым морозам и лютым же ветрам. Я, хоть и родилась здесь, до сих пор удивляюсь здешней монструозной архитектуре: даже в моём домике с принцессей башенкой, симпатичном и насквозь девчачьем, легко можно скоротать самую лютую зиму. Часовня же и вовсе потянет на небольшой замок, в котором при надобности запросто поместится треть Моэргрина. И склад из местных подвалов выйдет такой, что провизии хватит на пару лет. Немудрено, что во время Великой зимы, о которой рассказывал отец, маги были единственными, кто не попросил помощи.

И людей сюда не пустили тоже они. За что потом поплатились — кто должностью, а кто и чем посерьёзнее.

Это местечко выглядело бы жутковато, если бы не тяга магов к красотам. Не тем, которые финтифлюшки, колонны и прочая резьба по камню. Другим — вроде роскошного сада, в котором по соседству с розами устроился кровавый корень, а чуть дальше высится, загораживая узкие оконца бывшей колокольни, огромный... о Хаос, ботаника явно не моё. Пусть будет вязом, тем более похоже как раз него. Если у вяза могут быть ярко-голубые листья.

Ладно, хватит глазеть на веточки и цветочки. Чем быстрее начну, тем быстрее закончу.

Да, ненормированный рабочий день — это на любителя. Иногда уходишь домой через два часа,

иногда через двадцать. Хотя гибкий график — очевидный плюс, и зарплата у мастера-мага такая, что смиришься с любыми неудобствами. Однако и работы хватает: пусть услуги магов стоят недёшево, недостатка в клиентуре мы не испытываем. Самая быстрая транспортировка людей и ценных грузов, самые надёжные защитные системы, самые искусные и причудливые артефакты — всё это про заклинателей. Кроме того, у нас госконтракт на совместную работу с Инквизицией: без нас им ни один мощный разлом не запечатать так, чтобы тот не открылся снова. Да и гномы давно уж поглядывают в нашу сторону. Соображают, пройдохи, что их технический гений и наши струны волшебства могут в сумме дать нечто потрясающее. И очень прибыльное, что важно.

— О, ты здесь? — в кабинет заглянула Софи, моя секретарша. Она всего на пять лет старше меня и до жути напоминает Сэру: энергичная хохотушка с волосами вызывающей расцветки. Быть может, из-за этого сходства мы так быстро подружились. — Мой тебе совет — беги, пока не поздно!

— Это ещё почему?

— У нашей цветочной феи очередной приступ предменструальной дисфории, — пожаловалась Софи, рухнув на ближайший стул и пригладив свои пунцово-красные локоны. — Метко ты его припечатала: за какую-то неделю новое погоняло к Джонни прилипло намертво... Ладно, на самом деле он просто увидел свой маршрут, помянул тебя добрым матерным словом и побежал к архимагу на ковёрчик.

Я на это только фыркнула. Джонатан Илвин будет недоволен, что бы я ни сделала — просто потому что! Во-первых, он теперь не самая особенная снежинка в этой богадельне. Во-вторых, я пришла сюда, едва окончив колледж, и сразу же заняла место, на которое он метил в недалёком будущем. И в-третьих... м-да, не такая уж я и везучая, раз мне всю жизнь предстоит работать бок о бок с загадочным дружкой Дерека Кроули. Спасибо, хоть сам Дерек где-то на другом конце республики... Ну, я на это очень надеюсь.

— Если Джонатану что-то не нравится, пусть придёт и скажет мне в лицо.

Вряд ли это ему поможет. Вне зависимости от того, как мы друг к другу относимся, я не позволю фейке-истеричке отнимать у других заклинателей всю сложную работу. Не одному Джонатану охота премию побольше и послушной список побогаче.

— Этот-то? Непременно придёт и скажет, — обнадёжили меня. — Джонни, при всём его сучарстве, не из тех, кто прячет камень за пазухой. Так что беги, я отвлеку его!

— Спасибо, мне и тут неплохо, — пожала плечами я, стараясь не показывать раздражения.

И расстройства, что тут скрывать. Я дочь своего отца и избегаю конфликтов всякий раз, когда это возможно. С остальными магами крыла заклинателей мы вполне поладили, однако уже сейчас могу сказать: склочный и самолюбивый Джонатан по-хорошему не уймётся. Слишком я ему не нравлюсь; слишком он обижен за себя и за своего школьного дружка.

Ладно, цветочная фея, не хочешь со мной дружить — тебе же хуже.

— Отнесёшь это Скордо на подпись? — попросила я, указав на две худенькие папки с надписями «Логистика» и «Стабилизация». — И уточни, во сколько он освободится.

— Конечно, — Софи тут же кивнула, поспешно поднялась и с некоторым изумлением глянула на листок у себя в руке. — А, да! Срочняк подъехал: нужно будет перебросить до Гринволла двух маршалов.

— Когда они приедут?

— Минут через сорок.

Машинально глянула на часы — начало четвертого. До четырёх мне уже точно будет нечем заняться, а приёмка из Нью-Алькасара только в пять.

— Отлично, я их переброшу. Кто там, кстати?

— Джерард и Брендан.

Подмигнув мне эдак заговорщицки, Софи подхватила папки и шустро скрылась за дверью. Я же со страдальческим вздохом откинулась на спинку кресла и задумчиво оглядела испещрённый трещинами потолок.

Хаос, не мог послать мне маму и Брайана? Так ну нет же — на тебе, Джинни, дядюшку Джонатана и твоего самопровозглашенного женишка.

Ну да ладно, намёк понят. Джерард, быть может, вразумит своего паскудного племянника, а я тем

временем вразумлю Брендана. Женихи мне сейчас без надобности. Тем более такие наглые и самонадеянные!

33

Если бы у Брендана гро Ярлака в самом деле были какие-то шансы, то своим поведением он бы непременно похерил их все. Хороша выходка — набиваться мне в пары, даже не спросив моего позволения! Неужели у волков так принято? Ну тогда я предпочитаю медведей. Да, в том числе и тех, которых он изувечил.

Не то чтобы мне не льстит, что самые сильные альфы Севера конкурируют за моё внимание. Льстит. И Брендан наверняка именно на это рассчитывал. И угадал. А ещё ясно дал понять, что сама по себе я его нисколько не интересую. Только мои альфа-гены, моя магия и моё смазливое лицо. Иначе он потрудился бы хоть немного узнать меня, прежде чем навязаться через третьи руки со своими нелепыми претензиями.

Сам Брендан, конечно, заявит, что просто пытался впечатлить и понравиться. Мужчины вроде него убеждены, что женщина обязана обслуживать их раздутое эго и радоваться любому вниманию.

Нет, не обязана. И маршалу Ярлаку придётся это уяснить, а иначе его эго сильно пострадает.

Он явился без двадцати четыре, для проформы пару раз стукнув в дверь. И тут же, не дав мне рта раскрыть, выдал:

— Ну надо же, какая прекрасная принцесса прячется от меня в этой башенке.

Принцесса? Ох, приятель, для тебя я злобный огнедышащий дракон в стрёмной сырой пещере. И прятаться точно не стану — скорее, откушу башку и не поморщусь.

— На работу как на праздник, да, маршал? — невозмутимо осведомилась я, поднявшись ему навстречу и окинув взглядом пышный букет из роз и амариллисов. — Или это часть арсенала? Оригинально.

Брендан улыбнулся чуть виновато и протянул мне своё подношение.

— Ладно тебе, Реджина. Смотри-ка, я угадал с расцветкой!

Я невольно фыркнула. Тут не поспоришь, угадал: цветы малиново-алые, почти в тон к моему костюму и помаде. Да и вообще букет красивый, без резкого запаха и всяких дурацких украшательств. Так уж и быть, цветочки не виноваты, что их даритель — засранец.

— Прости, никак не мог выкроить время для встречи, — посетовал Брендан, с явным интересом наблюдая, как я заставляю воздух обернуться водой и мастерю из высокой чашки довольно-таки уродливую вазочку. Увы, трансмутация никогда не была моим коньком. — Да и у тебя здесь наверняка хватало дел... мне не хотелось навязываться.

— Ах, не хотелось навязываться? — переспросила я, скрестив руки на груди. — А что, по-твоему, ты делаешь, когда заявляешь, что я буду твоей парой?

Физиономия у волчьего альфы тут же сделалась такая, точно я обидела его в лучших чувствах. Он нахмурился, болезненно поморщился, будто ему по яйцам врезали. И тут же заявил:

— Я претендую на тебя.

И ведь ни тени сомнения в своей правоте. Просто поразительная наглость.

— Да ни хрена подобного! — огрызнулась я, от ярости едва не выпустив когти. — Ты что думаешь, это круто — пошущукаться с моим папочкой и пойти бить наших медведей? Тронь ещё хоть одного, и я сама из тебя дурь выбью, вот тебе слово альфы гро Маграт!

Брендан на это лишь изумлённо выгнул бровь, а потом и вовсе рассмеялся. Должно быть, ему даже в голову не пришло, что девчонка может угрожать не из вредности, не из глупого кокетства, а вполне себе серьёзно.

— Я бы испугался твоего гнева, Регинхильд, не будь ты так непристойно красива. Ну хватит, милая, поругались и будет...

О, какая прелесть! Полагаю, это всегда срабатывало с его мамулей и тремя старшими сёстрами. Ещё бы, ведь они не тигрицы. И не магини.

Моя сила — чистый Хаос, необузданный, свирепый и яростный — бурной волной расплескалась по кабинету. Маршал Ярлак тут же подрастерял веселье; он вздрогнул и обернулся, когда за его

спиной шумно распахнулась дверь.

— Спасибо за цветы, Брендан, — отчеканила я металлическим тоном. — Сам уйдёшь или тебя вышвырнуть, как щенка?

Разумеется, распахнутая дверь оказалась для обнаглевшего альфаха не самым явным намёком. Он поднял руки вверх, улыбнулся эдак доброжелательно — или снисходительно, поди разберись.

— Прости, Реджина, я не хотел тебя обидеть. Похоже, в тигрицах я разбираюсь не так хорошо, как думал. Может, начнем сначала? С кофе?.. — предложил он невинным тоном. Будто и впрямь только на кофе и рассчитывал. — Слышал, от медвежьих родичей тебе досталась любовь к сладкому?

— И где это ты такое услышал? Уж точно не от мамы: она от тебя не в восторге, знаешь ли.

— Эй, она меня обожает! — заявил этот нахал, принимаясь скалиться во все свои волчьи зубы. — Чуть меньше, чем Брайана, но я не могу конкурировать с милыми котиками. Даже если они барсы.

— Непременно поведаю матушке о её новом любимце, — едко отозвалась я. — И ты не ответил — кто меня сдал?

— Виттар. Кстати, он же советовал тащить тебе не цветы, а пирожные. Надо было его послушать, да?

— Было бы неплохо.

Заставила дверь закрыться — не хотелось бы, чтобы вся Гильдия знала о моих вкусовых предпочтениях (а то еще заполучу от Джонатана ядовитую пироженку) и моих же амурных делах. Последнее вообще никого не касается; как-то надоели мне эти назойливые попытки всех подряд поучаствовать в моей личной жизни.

Никуда я с Бренданом не хочу. На свидание так точно — все эти приглашения на кофе я прошла ещё во времена затянувшегося романчика с Мегаром. И прекрасно знаю, чем заканчиваются посиделки в кофейнях на ночь глядя. Нет, никаких проблем — гро Ярлак красив, умеет вовремя прикусить язык и поиграть в милого пёсика. Почти идеал, среди альфахей поди найди кого-то столь же... внимательного.

Другое дело, что идеал у меня есть. Ничуть не менее наглый... и ревнивый до ужаса. Даже представлять не хочу, что выкинет Хота, если узнает о притязаниях Брендана на меня. Или он уже знает?..

Я нахмурилась. Ну разумеется, он знает. Даже если учесть, что главной страстью моего Хоты всегда была работа, он хороший вожак. И в бетах у него не кто-нибудь, а кузен Арти. Наверняка донёс своему медвежьему братцу и про пострадавших медведей, и про то, что я того гляди стану парой наглого волка. (На самом деле нет, но кого волнуют детали?)

Но если все всё знают, то почему Брендан до сих пор жив-здоров, таскает мне букетики и зовёт на кофе? В то время как сам Хота, кажется, напрочь забыл о моём существовании.

Неужели ему совсем наплевать, где я и с кем?

Да и пожалуйста. Я вернулась в Греймор вовсе не за мужским вниманием. Дошла бы ещё эта нехитрая мысль до местных мужланов!

— Я здесь до половины восьмого, — выдала, толком не успев подумать. — Не успеешь — твои проблемы. А теперь будь хорошей собачкой и тащи свой зад к портальной площадке, пока я не передумала.

Брендан ухмыльнулся, явно изумлённый моим внезапным согласием, но довольный собой; снова открыл дверь, жестом предложил мне пройти вперёд. Я смерила его недовольным взглядом, однако же послушалась.

Ха, он и впрямь решил, что сегодня ему обломится? Зря. Этим вечером я собираюсь донести до маршала пёсика одну простую истину: если ему дорога его волчья шкура, больше он на меня не претендует.

34

Половина восьмого? Как же. Ещё и семи нет, а все дела уже кончились. Осталась лишь трусливая мыслишка сбежать из города, пока мой кавалер не нагрянул... И почему я вообще согласилась куда-то с ним идти?

Ну да, потому что альфа волков мне нравится. Пусть и не в том смысле, в каком бы ему хотелось.

Будь он мне неприятен, вряд ли я бы стала церемониться: в конце концов, чувства и желания Брендана меня ни к чему не обязывают. А так... не хочу его обижать. И очень надеюсь, что он отступится по-хорошему.

Зря, наверное, надеюсь. Но законом это не запрещено.

Просто чтобы чем-то себя занять, прошла в уборную и оглядела себя в массивном прямоугольном зеркале, висящем над жуткообразной каменной раковиной. (Да, да, у нас даже туалеты смахивают на музей времён Второй Инквизиции, хорошо хоть только с виду...) Подкрасила губы яркой малиновой помадой, прошла влажной расчёской по непослушным волосам. Ну почему, почему чудесные золотистые кудри от покойной бабушки унаследовал именно Хота? Есть вообще в мире справедливость, а?

Застегнула блейзер на все пуговицы, машинально разгладила юбку на бёдрах. Может, стоило съездить домой и переодеться? Ой, да ладно, это даже не свидание, а тот самый случай, когда под «выпить кофе» не подразумевается ничего неприличного. Сойдёт и так.

— Ну просто пир для глаз, — слышался сбоку желчный голос. — Миленькая юбочка, Джинни.

Джонатан стоял в дверях, сверля меня недружелюбным взглядом и нервно крутя в руке свою дурацкую трость с рукоятью в виде птицы. Якобы феникса, но всё крыло заклинателей железно уверено, что это павлин — тотемное животное нашей цветочной феи.

— Славный костюмчик, Джонни, — откликнулась я в тон ему. — У меня в гардеробной висит точно такой же.

Ладно, вру — мой поскромнее будет! Уж на что я люблю принарядиться, но склочная фейка на работу расфуфыривается почище любой эскортницы. То ли это кровь дивного народца требует вечного праздничка, то ли он просто так компенсирует свою внешность. Не то чтобы она у него ужасная, просто... на удивление заурядная, если не считать глаз, переливающихся множеством оттенков — от нежно-лилового до ядовито-зелёного.

— Ха. Ха. Ха, — протянул Джонатан, состроив кислую мину. — Может, отлепишься наконец от зеркала? Там твой пёсик прибежал к ноге, возле лабораторий торчит. Иди играйся.

— Боги, а он-то тебе что сделал?

Его нелюдские глазищи налились было яркой зеленью, но тут же выцвели до тёмно-лавандового цвета.

— Ничего. Даже жаль беднягу, наверняка подохнет со дня на день. Тебя ведь прикалывает, когда твой цирковой мишка рвёт других мужиков на куски?

— Что, прости? — я даже поперхнулась от таких заявлений. — Чего ты там у алхимиков в подвале нанюхался?

— Ой, да брось, Реджина! Уж я-то всегда знал, кто ты есть, — Джонатан презрительно скривил свой тонкий рот. — Самовлюблённая шкура. Играешь с чувствами других, просто чтобы потешить своё тщеславие.

К сожалению, тут он прав: именно тщеславие раз за разом толкало меня в объятья мужчин, которые мне безразличны. Тщеславие, раненая гордость, несусветная глупость. Но мне в самом деле жаль, что из-за этого пострадал человек. Я ведь никогда не хотела никому зла! Ни Дереку Кроули, ни его другу-павлину.

Однако оправдываться я не собираюсь. Хотелось возразить, объяснить, облегчить совесть, но... нет. Нельзя. Дам слабину один раз, и ряженный говнюк не слезет с меня живой.

— О, цветочек, ты меня раскусил просто влёт, — произнесла с напускной скукой, пряча в недрах сумочки расчёску и тюбик помады. — Что дальше, Джонни? Попытаешься утопить меня в унитазе и помнёшь свои красивые крылышки? Кто вообще устраивает душещипательные драмы в сортире, скажи на милость?..

— Да кому ты нужна, стерва? — огрызнулся Джонатан, в отвращении наморщив свой длинный нос, и толкнул дверь концом своей павлиньей трости. — Приятно поразвлечься. Надеюсь, на сей раз твой тронутый кузен сдохнет или угодит в тюрьму.

— И тебе прекрасных выходных, Джонни.

— Я тебе не Джонни, сучка.

Я лишь демонстративно рассмеялась ему вслед. И, поправив сумочку на плече, пошла разыскивать

гро Ярлака.

Брендан и впрямь расхаживал возле подвальной лестницы, что ведёт к алхимикам. Надо же, шустрый какой: явился за пятнадцать минут, при этом успел переодеться, побриться и избавиться от неряшливого пучка на макушке. Длинные серебристо-светлые волосы, мягкие и шелковистые даже с виду, невольно вызвали желание потрогать. И зависть, да. Почему у каждого первого грейморского парня волосы красивее моих? Вообще нечестно.

— Так ты не сбежала по пожарной лестнице? — изумился он, уже привычно кося под безобидного пёсика. — Я рад. Честно.

— Не уверена, что тут есть пожарная лестница.

— К счастью для меня, — заметил Брендан, ухмыльнувшись краем рта. — Поедем на твоей машине? Я решил, тебе так будет удобнее.

Хорошая попытка, мистер Альфа. Очень хорошая. Но ещё лучше было бы просто позвонить и спросить.

— Разумеется, — настал мой черёд ухмыляться. Я кивнула на свою восхитительно зелёную «Эскаду», припаркованную у края стоянки. — Уверен, что поездка в девчачьем кабриолете не уронит твою мужественность?

— Детка, моя мужественность давно обросла танковой бронёй. У меня три сестры, помнишь? В худшем случае я не влезу в твою игрушечку, и мы потащимся на такси.

На сей раз я рассмеялась вполне искренне. Славный он всё-таки, повезёт кому-то с парнем. Даже почти жаль, что не мне — ибо все мои мысли совсем не о Брендане.

Эй, так не пойдёт. Прочь из моей головы, Хота гро Маграт! Оставь меня в покое хотя бы на жалких полчаса. Дай иллюзию того, что у меня есть выбор.

35

Выбора как не было, так и нет, но всё же из Брендана вышла очень даже приятная компания. А уж для альфа-самца и главы клана он вообще очаровашка. И вкус у него хороший — пришли мы не куда-нибудь, а в «Ворона и Розу», одно из самых популярных заведений Моэргрина. И дело не в убранстве, больше подходящем какому-нибудь мрачному замку из сказок про королей Зимы. И даже не в персонале — вышколенном, улыбчивом и готовом чуть не ковриком у ног расстелиться. А в том, что кухня здесь просто божественна: ходят слухи, в поварях или владельцах здесь какой-то маг, чьи чары заставляют посетителей ходить сюда снова и снова, оставляя неплохие суммы. Враньё, как по мне. Просто некоторые люди и нелюди потрясающе готовят, мой дядя Джилли не даст соврать...

Другое дело, что столик тут нужно заказывать чуть ли не за месяц. Сильно сомневаюсь, что всё это время Брендан только и мечтал затащить меня в ресторан подороже. Вот в постель — да, наверняка. Или это он так озаботился прелюдией?.. Молодец, ничего не скажешь. Нет, правда. Обычно от альф такой услужливости не дождёшься.

— Неплохо, — проговорила я чуть неохотно. — Так понимаю, на отказ ты не рассчитывал?

— Честно? — всё с той же неизменной улыбкой спросил он. Я кивнула. — Нет, Реджина. Мы бы поужинали, даже если бы пришлось похищать тебя из этой вашей волшебной башенки.

— Часовни, — поправила я со смешком. — И знаешь, звучит жутковато. Я про похищение.

Брендан пожал плечами и ловко подхватил меня под локоть, будто мы самая что ни на есть влюблённая парочка. Так и быть, не буду шипеть на наглеца. Только потому, что на нас смотрит швейцар, а публичных скандалов я не люблю.

— Сомневаюсь, что ты из пугливых. Ты ведь гро Маграт.

Его правда. Я опасливая и осторожная, как положено всякой кошке, но испугать меня трудновато.

— Да, я гро Маграт, — послушно села, когда Брендан заботливо выдвинул мне стул. — И иногда мне кажется, моя фамилия — единственное, что заботит парней вроде тебя.

— Парней вроде меня?

— Обратней.

Кажется, Брендана моё пояснение не удовлетворило. Усевшись напротив, он нахмурился, глянул на меня так, словно впервые увидел. И наконец недоверчиво уточнил:

— Ты же это не серьёзно?

От необходимости отвечать избавило появление официанта — улыбчивого темноволосого парня, чем-то смахивающего на Джонатана. Он пожелал нам доброго вечера, предложил аперитивы и, приняв заказ, тут же исчез едва ли не по волшебству. Точно и не было.

— Часто здесь бываешь? — выпалила, просто чтобы заполнить неожиданно гнетущую паузу.

— Не особо, — помедлив, ответил Брендан. Судя по насмешливому выражению лица, мой неуклюжий манёвр он раскусил вмиг. — Предпочитаю места попроще, но не приглашать же прекрасную принцессу в поход за бургером?

Разумеется, бургер мне сразу, чтоб его, захотелось пуще квартальной премии. А лучше чизбургер. Тройной. С огромной порцией картошки. И газировку, апельсиновую, в большом-пребольшом стаканчике... Но поди ж ты, местечковым принцессам положено кушать радугу и гадить бабочками. Или это про единорогов было? А, не важно.

— Брендан, я вовсе не такая особенная, как ты себе воображаешь. Я...

— Ты очень красивая, — почти до боли стиснув мои пальцы в своей ручище, заявил он решительно и даже зло. — Красивая, сильная, талантливая. И я всё гадаю: каким самовлюблённым подонком надо быть, чтобы заставить такую девушку думать, будто имя клана — единственное, чем она может привлечь мужчину?

А, ещё один отважный спаситель на мою голову. Да какого ж хрена? Нет, Хотя у нас, конечно, не подарок, но и выставить себя безропотной жертвой я не позволю.

— Не перевирай мои слова, — сердито произнесла я, пытаюсь высвободить руку. Безуспешно — хватка у Брендана сильная. Слишком сильная как для простого волка. — Всё совсем не так! Кто вообще дал тебе право судить людей, которых ты едва знаешь?

— Зато я прекрасно знаю этот тон, — заметил Брендан чуть снисходительно. — «Он не виноват, он не такой, ты его не знаешь!» Милая моя Регинхильд, я не смогу помочь, пока ты сама не захочешь избавиться от этих нездоровых отношений, в которые тебя затянул твой двоюродный брат.

Как я его не огрела сумочкой по белобрысой башке — ума не приложу. О, Хаос, неужели я и впрямь выгляжу такой беззащитной клушей? Искренне верю, что это не так. Я альфа, чтоб его! Охотница, а не дичь!

— По-твоему, я не умею говорить «нет»? — яростно прошипела, наконец вернув себе свою же конечность. — Прекрасно умею, Брендан. Нет, мне не нужен душеспаситель, прекрасный рыцарь или очередной папочка. Нет, твой целительный член мне тоже без надобности. И нет, на ужин я не останусь. Приятного!

С этими словами я поднялась из-за стола и пошла прочь из помпезного каменного мешка, по пути едва не сбив с ног официанта. Так и знала, что не нужно было сюда приходить. Боги милостивые и не очень, как же бесят мужики! Ещё немного этой их самонадеянно-тестостероновой фигни — и точно подамся в лесбиянки!

Или зря я так злюсь?.. Да нет, не зря. Самоуверенный тип, который видел меня от силы пять раз, не смеет поливать грязью человека, которого я знаю всю свою жизнь. Нет у него такого права. И любви никакой тоже нет — только охотничий азарт, уязвлённое самолюбие и нелепый, надуманный образ капризной папиной принцесски, мало что общего имеющий с реальностью.

Много чего нелестного можно сказать про Хоту, но одно я точно знаю: он всегда был готов любить меня такой, какая я есть. Со всеми закидонами, странностями и капризами. Просто потому, что это я.

Брендан вполне предсказуемо нагнал меня у выхода к подземной парковке. Схватил за плечи, вжал спиной в холодную каменную стену, чуть обнажил клыки — не пытаюсь напугать, но в обычной для альф манере требуя успокоиться, подчиниться, показать горло. С волчицами это наверняка срабатывало, но я лишь оскалилась и зарычала, предупреждая — ещё немного, и на ужин я всё-таки останусь. А в роли главного блюда окажутся волчьи потроха.

— Достаточно, Регинхильд, — велел Брендан угрожающе тихим и низким голосом. Но хватку всё же ослабил. Понимает, что тигрица ему не по зубам. — Да, я мудака, сказал лишнего и испортил вечер! Но ты ведь потому и злишься, что я прав... Ладно-ладно, всё, я заткнулся. Хаос, девчонки перед течкой такие капризные!

Я даже рот приоткрыла от таких заявлений. Охренительная логика! А злиться на него потому, что он чушь несёт, я не могу? И с чего он вообще решил, будто у меня близится течка?..

О, блин. Возможно, с того, что у него три сестры. Волей-неволей станешь авторитетом в меховых девицах и их эстральном цикле. Надо срочно навестить врача, а ещё лучше — тётю Лил...

Должно быть, приняв моё изумление за согласие на всё и сразу, Брендан довольно выдохнул. Потёрся носом о мою щёку, с нажимом огладил бедро и по-хозяйски устроил свою лапу у меня на заднице. Прижался было губами к моему рту, но, не ощутив энтузиазма, почти сразу отстранился.

— Ну же, детка, — выдохнул он, — я ведь тебе нравлюсь, правда? Этот засранец Хотя тебя недостойн. Поверь, Реджина, я не такой, как он, и я никогда тебя не обижу...

Ну да, конечно. Только оскорбишь моего альфу и выставишь меня беспомощной дурочкой, которая совсем себя не уважает и не ценит.

— О, Хаос, Брендан, да не будь ты смешным! — в последний раз я попробовала воззвать к его здравому смыслу, тщетно попыталась высвободиться из волчьей хватки. — Любая женщина будет счастлива стать твоей парой, на кой я-то тебе сдалась? Мы не подходим друг другу, я тебя не люблю, и ты меня тоже...

— Любовь придёт со временем, — со знанием дела заявил Брендан, не переставая поглаживать меня по спине, точно норовистую зверушку. Неприятными его прикосновения не были, однако ничего кроме раздражения не вызвали. — Разве ты не хочешь, чтобы тебя повязал альфа? Настоящий альфа, а не как этот твой...

— Что, прости?!

— Разумеется, я порядочный оборотень и женюсь на тебе хоть в тот же день.

— Да твою ж волчицу-м-мать,пусти меня!..

— И на детях я не настаиваю, не волнуйся! Можем для начала завести сенбернара. Или двух...

Довести счёт до трёх он не успел: я нащупала-таки в сумочке меташокер и от души шарахнула обнаглевшему волчаре в солнечное сплетение.

— Приятель, ты сегодня был очень, очень плохой собачкой, — проворчала я, упрятав свою любимую игрушку обратно в сумку. Брендану возразить нечего — он мешком валяется у моих ног, поражённый сгустком концентрированной магии, и вряд ли сейчас может продолжать дебаты на тему «а тому ли я дала». — И молись, чтобы «этот мой» не узнал про твои выкрутасы. Иначе я за твою шкуру не дам и цента.

Брендан в ответ только и смог, что слабо застонать. Напоследок окинув горе-женишка негодующим взглядом, я демонстративно перешагнула через него и поспешила к своему кару.

Весёленькое вышло свидание, ничего не скажешь. До того весёленькое, что охота не то всплакнуть, не то разодрать кого-нибудь надвое.

Определиться с выбором не успела: в сумочке зазвонил комм. И я мигом позабыла обо всём, едва взглянула на экран.

36

Дверь в кабинет главного Инквизитора, он же мой так называемый дядюшка (не по крови, но по степени приближенности к семье), я открыл чуть ли не с пинка. Ну а что? Я на взводе, и денёк у меня выдался богатый на приключения. А ещё я забыл, что отдал запасной костюм в химчистку; приходится рассекать в старых джинсах и выдавшей виды толстовке в лучших традициях моего полосатого брата. Ну хоть не в жёлтой, это радует.

— Обойдёмся без прелюдий — мне нужен Оливер Маккензи. Прямо сейчас. Без наручников и с конфискованными у него вещами.

Виттар дёрнул бровью, эдак лениво убрал ноги со стола, отложил кипу бумажонок и только тогда соизволил ласковым отеческим тоном осведомиться:

— Ты охренел, мишутка?

— Это старая новость уж лет тридцать как, — отмахнулся я. — Нет, Вит, не надо этих твоих прибауток! Просто выпиши уже пропуск, мы все тут моложе не становимся. И ты особенно.

— А вот моя жена так не думает, — соорудил чопорную физиономию Виттар. — Так, шкет, давай-ка по порядку — зачем тебе парнишка Маккензи? Прикопать втихую не дам, он мне нравится живым. А если не прикопать, то я слегка не въезжаю. Разве не ты мечтал сожрать бедолажку на обед?

— Может быть, — не стал я спорить, — но Реджине он вроде как нравится. Надо вытаскивать этого оленя, а то с такой мордой недолго ему сохранять платоническую дружбу с сокамерниками.

— У него одиночка, — скучающе уведомили меня, — и вообще все условия для комфортной жизни. Что я, враг себе? Дар, знаешь ли, наизнанку вывернулся, чтобы пресветлый папаша не притащился в гости с проверкой, но...

Опять Дар! Как же заколебали упоминания моего дядюшки на каждом шагу!

— О боги, Виттар, хорош трепаться! Лоренц с тебя живым не слезет, если окажется, что я зря притащил его сюда по солнцепёку и не дам поиграть с некромантом.

Виттар задумчиво хмыкнул и с картинной неохотой потянулся за коммом.

— Приволок своего вампира к некросу? Считаю, вампира у тебя уже нет. Они забудут о твоём присутствии минуты через две, и ты побежишь плакаться мне в жилетку.

— О, постараюсь не рыдать сильно громко, — я бросил на стол пачку документов. — Трудновато, знаешь ли, одновременно мотать сопли на кулак и спасать из тюряги эту некромантскую жопу.

Виттар вытаращился на меня удивлённо, будто я тут перед ним сплясал и стишок рассказал.

— Ты хочешь внести залог за Маккензи? Не буду спрашивать, чего у вас в медвежатнике наливают и что за моча ударила тебе в голову... Но нет. Ты думаешь, мы с Даром не перерыли все кодексы, чтобы вытащить мальчишку? Обвиняемого в серии не выпускают под залог. Это закон, тебе ли не знать?

Осталось только вздохнуть. Уже даже не рассерженно, а снисходительно — ну почему, почему всякий раз приходится доказывать, что именно я самый умный в комнате? Да это аксиома, пора её принять как данность.

— Я не Дар. И не ты, к счастью, — фыркнул я чуть сердито. — Обвиняемых в серии не выпускают — при условии, что нет сомнений в состоятельности более половины улик; и если ни одна из них не указывает, прямо или косвенно, на другого возможного убийцу. Тогда Маккензи уже не обвиняемый, а один из подозреваемых, что даёт тебе возможность взять залог и выдать мне на поруки этого клятого оленёнка. Так и быть, клянусь не жарить его под соусом барбекю.

Виттар наморщил лоб, с сомнением посмотрел на меня.

— И ты хочешь сказать, вот к этой вот притянутой за уши херне никто не придерётся?

— Придерутся, — согласился я. — Если захотят. Но я буду выступать в обвинении и уж точно не стану вспоминать про основания для залога. А столичники вряд ли будут против сыночка Маккензи на свободе.

— Хорошо, — кивнул Виттар. Морщины на его лбу разгладились, будто он вмиг успокоился. — Но что ты хочешь найти в уликах?

— Я? Ничего. У меня есть Лоренц, а с ним даже самый распоследний тёмный маг вспомнит каждую минуту того премоного вечерочка...

— И ничего из этого мы не сможем использовать в качестве доказательств.

— Почему же? — за спиной послышались почти беззвучные шаги Лоренца, вообще-то обещавшего сидеть тихо в коридоре, пока я улаживаю формальности. — Полиция не учитывает показания, полученные под давлением, в том числе и под моим. Но мы не обвиняем мистера Маккензи, а хотим оправдать. Он укажет на что-то, чего вы не заметили; я выдам заключение, что обвиняемый говорит правду. А раз он не лжёт в этом, то, возможно, и в остальном тоже... Документы будут приобщены к делу, а я пойду в суд как независимый эксперт, нанятый почтенной Инквизицией.

— Инквизиция наняла вампира? Вы хоть понимаете, как это звучит?

— Ой, а не насрать? — совсем не куртуазно поинтересовался Лоренц. — Здесь все в выигрыше. Вам перепадут новые детали в очень стрёмное дело, мне — настоящий живой некромант, ну а Маграту...

— ...довольная женщина, к порогу которой я принесу подарочек, — закончил я за него. Виттар на это закатил глаза, буркнул что-то в духе «ну кто бы сомневался».

Впрочем, я от новых деталей тоже не откажусь. От рук таинственного мудака пострадали мои медведи, да и вообще... что-то здесь нечисто.

— Ладно, — вздохнул Виттар. Поднялся со своего места, притянул к себе папку с документами по

делу Маккензи. — Допросные в вашем распоряжении. Но я иду с вами. На всякий случай!

— Да на кой хрен ты мне там нужен?! — возмутился Лоренц. — Я не планировал соотносить на четверых! Тут от Маграта-то не знаешь, как избавиться!

Я рассмеялся. Что я там говорил про вампиров и их тягу к темномагической херне? Так вот, одно дело — просто тёмные маги. Таковых по Греймору шастает вдоволь, не ново и не экзотично. Совсем другое — самый настоящий похититель жизни. Не так уж неправ Виттар, когда говорит о скором порноспектакле. Лоренц вон ради свиданки с похитителем жизни мигом позабыл о своей нелюбви и к солнцу, и к инквизиторам. Не то чтобы у местных вампиров есть проблемы с доблестным слугами Светом Разящего, однако же неприязнь друг к другу у них в крови.

В итоге нас всё же отпустили одних — под честное слово, что Маккензи переживёт нашу встречу. Само собой, Виттар не дурак, понял, что у меня здесь шкурный интерес. Да и у Лоренца тоже: он чуть ли не вприпрыжку побежал в допросные, а там прилепился к стеклянной перегородке, точно ребёнок к витрине кондитерской. И через пару секунд устремил на меня гневный взгляд.

— Ты говорил мне про некроманта, но и словом не обмолвился, что он такой хорошенький.

Серьёзно, блин? «Хорошенький»? Я поморщился и с сомнением покосился на восседающего за казённым столом пацана. По мне, так он выглядит ещё паршивее, чем в прошлую нашу встречу. Бледный и измождённый, тронь — сломается. Тут впору не слюни по стеклу размазывать, а обнять и плакать.

Ну да, вампиры обожают именно таких вот хрупких, обманчиво беззащитных лапочек с малахольными глазками и нетронутыми артериями; а уж если от лапочек тьмой фонит, как от проклятого кладбища... М-да, кажется, задница Маккензи очутилась под угрозой и без всяких сокамерников. Но это уже не мои проблемы.

37

— О, ну надо же, какой сюрприз, — холодно обронил Оливер, едва я показался на пороге допросной камеры. — Я всё ждал, когда ты заявишься сюда с видом повелителя вселенной и начнёшь выбивать из меня признания невесты в каких грехах.

— Это Лоренц Тамрит, — вместо ответа представил я своего спутника. — Он вампир, менталист и, к твоему счастью, поклонник тщедушных некромантов. Советую быть с ним поговорчивее и дать ему влезть в твою голову, чтобы мы могли закончить этот цирк поскорее. У меня, знаешь ли, на сегодня ещё куча планов.

Оливер безо всякого выражения оглядел моего спутника — тот скалился с таким видом, точно оленьего мажонка ему вручили как подарок на минувший день перерождения, — и передёрнул плечами.

— Полагаю, у меня нет выбора. Хотя если ты думал, что будет просто и быстро, то у меня для тебя плохие новости...

— Вряд ли ты в том положении, чтобы выделываться, принцесска.

— Речь о том, что он сильнее меня, — перебил Лоренц, не отрывая алчного взгляда от тощей шейки столичного придурка. — Гораздо сильнее. Как тебя вообще выпустили из Аркади, прекрасное создание?

— Тамрит, вам ведь не больше сорока, оставьте эту сомнительную лексику своему одиозному дедуле, — поморщился Оливер. И тут же, глянув на меня, серьёзно прибавил: — Я не убийца, никогда им не был. Даже в личном деле есть пометка о моей... непригодности. Вредить в моей природе, но не в моём характере — и Совет Девяти ничего не мог с этим поделать. Держу пари, они долго и громко смеялись, когда узнали, что мне пытаются пришить серию.

— Или когда планировали, как законопатить тебя в Грейморе на веки вечные, — заявил я. Оливер непонимающе вытаращился на меня, отчего его глаза стали ещё больше. — Так, теория одна... Перейдём к делу. Маккензи: я задаю вопросы, ты на них отвечаешь. Честно, прямо, в подробностях. Никаких поблажек, я не твой адвокат. Всё ясно?

— Яснее некуда, господин прокурор, — флегматично отозвался Маккензи, подперев щеку кулаком. На жилистом запястье блеснула широкая металлическая полоса — антимагические наручи, притом нехилые такие, судя по количеству рун. — Я внимательно слушаю.

Начало нашей трогательной беседы вышло скучным — зачем и как они с Джинни оказались в Хварне, я уже знал и спрашивал исключительно для протокола. А вот история знакомства с Лэнсом оказалась куда интереснее. Особенно с того момента, как он начал клеиться к моей женщине.

— Ты знал, что Лэнс — оборотень-альфа, когда решил вступить за Регинхильд гро Маграт?

Оливер дёрнул уголком рта, нервно скребанул пальцами по краю стола, не то размышляя, не то борясь с собой... а вернее, с тёмной силой Лоренца. Впервые на моей памяти такое открытое сопротивление. Видать, сопляк и впрямь неслабый маг.

— А это важно?.. Но да, я почти сразу догадался по его поведению. Вам, альфа-мудакам, только таблички на лбу не хватает.

— Ты ему угрожал? — Оливер нехотя кивнул. — Что именно заставило тебя это сделать?

— Альфач домогался Реджины, вёл себя довольно агрессивно: со стороны казалось, он собрался разложить её прямо на столе. Я не мог не дать этому меховому шару хорошего пинка под зад, — он пожал плечами, зыркнул исподлобья на Лоренца, затем на меня. — Или ты бы на моём месте молча постоял в сторонке? А, ну да, в этом ты хорош...

Изнутри снова поднялось бешенство. Сегодня что, все будут на разный лад рассказывать, какой я хреновый ухажёр? И этот чахоточный туда же? Но отчего-то я свой годовой оклад поставить готов: он нарочно меня бесит. Только не знаю зачем.

Ладно, я тоже умею быть засранцем. Я этим вообще ещё с момента зачатия промышляю! Ну, если верить моей маменьке.

— Ты применял к Лэнсу тёмную магию?

...и у меня это до сих пор отлично выходит: вон как недовольно Маккензи скривил свою смазливую физиономию.

— Я только напугать его хотел, ясно? Ни один инквизитор не примет это как покушение на жизнь: от моей магии пострадала лишь гордость того уroda.

— Что было дальше?

— Лэнс чуть не наложил в штанишки, выдал какую-то шаблонную я-ещё-вернусь фигню и убежал, поджав хвост. А потом уже довольно скучно: я отправил Реджину спать, а сам пошёл прогуляться.

Прогуляться, значит? Видит Хаос, будь я адвокатом, посоветовал бы придурку писать чистосердечное. Всё равно сейчас на пожизненное наговорит. Я глянул на Лоренца, сосредоточенного и напряжённого; он же продолжал пялиться на Маккензи, не то пытаюсь подловить его на вранье, не то прикидывая, пойдут ли вредному пацану именной гробик, выдвижные клыки и интересная бледность.

— Прогуляться? — уточнил я. — Хварн не славится достопримечательностями и развлечениями.

Внутри поднялось знакомое чувство. Будто бы... будто Оливер говорит мне не все. Не то чтобы врёт, но молчит о чём-то очень важном.

Тщедушный мажонек бродил один по незнакомым местам, ночью? Просто так? Дышал воздухом неподалёку от свежевыпитого Лэнса и ничего не увидел, не заметил? Да остаться мне на всю зиму без лососины, если в этом есть хоть доля истины.

Я прошёлся по допросной, после чего уселся в излюбленной позе на краю стола.

— А может, ты пошёл за Лэнсом, чтобы убить его? Ты хотел его убить?

Оливер глянул на меня снисходительно: мол, это могло сработать, но вообще-то нет, ни капельки.

— Для ясности: в Хварне я был уже три раза, бояться мне особо некого. Ни там, ни где-то ещё. А ночью я гуляю почти каждый день, потому что долбаная сова. Развлечения себе тоже организовал.

— Боюсь уточнять, какие именно.

— Фотографии делал, — выразительно закатил он глаза. — Хобби у меня, Маграт, слышал когда-нибудь о такой штуке?

— У меня оно тоже есть, — вернул я шпильку, — сажаю за решетку всяких мудил. В ближайшее время собираюсь сделать это с тобой, нравится?

Лоренц возмущенно шикнул на меня — он-то небось уже и свадебку распланировал, и даже сделал для своего некромантского сокровища ремонт в отдельном крыле крепости. Я закатил глаза и открыл папку со стенограммами допросов Оливера. Про то, чем он занимался, его действительно спрашивали. А вот в описи улик ни фотоаппарата, ни фотографий не значится.

— Инквизиторы, — фыркнул я, — дохрена понимают в магии, но вот как следаки — сущее позорище. Что ты снимал, Маккензи? Как долго? Фотографии получились? Где сейчас фотоаппарат?

— Да много чего, — пожал плечами Оливер, пригладив свои лохмы непонятного цвета — не то рыжие, не то белобрысые. — По фотографиям, в общем-то, можно отследить, где я был и что делал. Они датируются автоматически. Фотоаппарат, наверное, там же, где и остальное моё барахло — дома у родителей Джинни.

То есть у Дара на хранении. Отлично, я как раз мечтал с ним повидаться.

— Снимал... долго. Несколько часов. Вернулся где-то в три. Джинни меня видела, она просыпалась, когда я пришёл в комнату и когда лёг в кровать.

— Несколько часов? — подозрительно прищурился я. — За несколько часов можно обойти весь Хварн, пошляться по лесу, добрести до шахт и наебениться в дрова с гномами. Знаю что говорю, сам проверял.

Снова, снова это чувство. Снимал, гулял — нет, в этом Оливер не соврал. Не ошибусь, если предположу, что фотографий на заветной камере обнаружится немало. Но в мозг всё равно будто игла ввинчивается. Мол, смотри, Хота, прокурор грёбанный — тебе вешают на уши такую лапшу, что если сматывать, то только вилкой в большую кастрюлю.

— Что ты снимал, Маккензи? Горы? Там были горы? Какая была луна? А озеро? Там вообще была вода? — Оливер посмотрел подозрительно и мрачно. Помотал головой чуть погодя, с заметным сомнением. — Странно, если идти от Хварна к горам, Серое озеро не пропустишь. А если свернуть к лесу, что в пяти минутах ходьбы от последней улицы, начинаются болота. То ещё местечко, лягушки орут, жуть дикая. Лягушки были, олень ты мой деликатесный?

— Эй, полегче! — прикрикнул на меня Лоренц, не выдержав первым. Ничего странного — мой личный вампир явно решил заделаться покровителем клятого мажонка.

— Без полегче, — отрезал я, грохнул о стол папкой со стенограммами. Оливер вздрогнул, вытаращился на меня будто бы испуганно. — Он врёт, Лоренц.

— С чего ты?.. — выдавил Оливер, снова выпрямившись и глядя ещё более враждебно, чем прежде.

И вовсе я не хочу сообщать предполагаемому преступнику о своей... особенности. Ну ладно, хочу. Просто чтобы посмотреть на его рожу. Удивится? Или сочтёт, что я зазря красуюсь перед ним, исключительным?

— С того, Маккензи, что не одна Реджина тут любимица Хаоса. Я слышу ложь. Всегда. Не веришь, спроси у него, — я кивнул на Лоренца. — Мы с Тамритом, знаешь ли, прекрасная парочка, когда дело доходит до чьих-то признаний.

Лоренц в ответ на вопросительный взгляд неохотно кивнул. Сморщился весь, будто перед ним серебряный слиток выложили, подсел к мажонку поближе.

— Что ты помнишь? — мягко поинтересовался он.

— Да что там помнить-то? — простонал Оливер почти жалобно. — Ночь, луна, всё такое. Свет был хороший, вот я и задержался. Глухомань, как с почтовой открытки; народу нет.

«Совсем нет?» — тут же захотелось спросить мне. Желание это возникло внезапно, прежде чем я успел даже приглядеться к Маккензи; даже прежде, чем смог сформулировать...

Не спросил — наводящий вопрос, мать его так. Ни один суд, даже со мной в качестве прокурора, не примет такую стенограмму. Хватит и Лоренца, чьё влияние на Оливера хоть и недоказуемо, но с точки зрения закона весьма сомнительно.

— Тамрит! — прикрикнул я на вампира, вновь уставившегося на Маккензи, как медведь на бочку с мёдом. — Ближе к делу. Оба. Сейчас.

— Я не хочу на него давить!

— А пора бы уже! — и, чтоб неповадно было, добавил едко: — Могу отвернуться, представите, что вы наедине... Только постарайтесь потише, умоляю.

— Да лучше б ты совсем вышел! — вздорно фыркнул Лоренц.

— Обойдёшься. Работай, Тамрит, у меня ещё куча планов на вечер!

То, что буркнул в ответ Лоренц, я предпочёл пропустить мимо ушей — строящий из себя великосветского сноба вампир порой вспоминал, из каких трущоб он родом, и выдавал такие загибы, что даже слушать было стыдно. Но мажонка за руки схватил, да так крепко, что тот смог только дёрнуться, а вот вырваться — уже нет.

— Потерпи, мой хороший, — ласково проговорил он, заставив меня поморщиться. Неужели я такой же стрёмный, когда Реджина рядом? Да не может быть. — Я постараюсь аккуратнее, не сопротивляйся, пожалуйста.

Сопротивляться Лоренцу сложно — тёмная магия повисла в воздухе, точно густой осенний туман после дождя. Даже мне мигом захотелось выдать все свои секреты — от того, сколько конфет я своровал с кухни в детстве, до того, как хочу назвать наших с Джинни будущих детей. С трудом смолчал, уставился на стекло, за которым наверняка торчит Виттар. Сильно сомневаюсь, что он оставил бы нас тут одних. Хорошо ещё, в допросных нет инквизиторских сигналок: орать бы им дурью, пока не развеется вся остаточная магия.

На то, как Лоренц устроил бледные ладони на щеках Оливера, я предпочел бы не смотреть. Хаос, я бы предпочёл вообще тут не присутствовать, даже пожалел немного, что затеял вот это всё. Ну почему, почему я не пошёл в адвокаты?.. Сидел бы в красивом офисе, получал положенные тысячи талеров за защиту каких-нибудь проворовавшихся богатеёв...

— Там был кто-то, — не своим голосом прохрипел Оливер, когда я уже всерьёз подумывал присоединиться к Виттару. За стеклом оно всяко поспокойнее. Или нет?.. — Вампир. Там был вампир!

Последние слова он едва ли не выкрикнул. И тут же поспешно стряхнул с себя руки Лоренца. Тот не настаивал — я видел, как нелегко далось ему воздействие на Маккензи. На наших обычных подозреваемых — в основном из всякой местной шушеры — некромант, пусть даже и в антимагических наручниках, совсем не похож.

— Вампир? Что за вампир?

— Не знаю, — Оливер замотал головой, а потом сам вцепился в руку Лоренца и уставился ему в глаза с такой надеждой, что, глядя на это, захотелось похабно присвистнуть. Сладкая, блядь, парочка, чтоб вам в гробу обоим спать. — Всё как в тумане. Он воздействовал на меня, да? Ну конечно, воздействовал, иначе я бы не забыл...

— Внятнее, Маккензи, — оборвал я, на что тут же получил шипение Лоренца, мол, не мешай. Так и быть, на этот раз послушаюсь.

— Значит, вампир? — Лоренц коснулся чужой руки, точно хотел отцепить её от себя. Но не убрал, лишь уложил свою ладонь поверх, успокаивая взвинченного мажонка. — Чего он от тебя хотел?

— Отсосать моей четвёртой отрицательной, — чуть едко сообщил Оливер, сердитый и смущённый одновременно. — Я бы сразу послал его куда подальше, но мне стало... интересно.

— Что именно? — Лоренц недобро сузил глаза, и мне жутко захотелось его подколоть. Еле сдержался.

— Понимаешь, он... он был сыт. Под завязку. Это чувствуется на метафизическом уровне, но и по внешнему виду можно сказать наверняка. Голодный вампир похож на свежего покойника, а этот был румяный и даже чуть тёплый.

— Он и пощупать себя дал? — изумился я эдак восторженно. Не столько из интереса, сколько из желания позлить Тамрита. — Ну же, я жажду подробностей.

— Мне стало интересно, — повторил Оливер, удручённо помотав головой. — Почему настолько обожравшийся вампир хочет выпить из меня? И я согласился, просто чтобы посмотреть, как он поступит дальше. Я думал, что контролирую ситуацию... он заставил меня так думать.

— А затем заставил позабыть о вашей судьбоносной встрече. Силён, однако.

— Не то чтобы очень, — хмуро возразил Лоренц. — Чары держались на соплях, я их с полпинка вынес. Этот... вампир весьма хорош, но не в магии разума.

— Магия материи, — кивнул Маккензи со знанием дела. — У таких даров совсем иная природа воздействия. Немного схоже с тем, что умею я сам, но...

— Остыньте, зануды, у нас тут не долбаный симпозиум, — проворчал я, вскинув ладонь перед собой. — Где ты повстречал этого типа?

— В сквере близ Ивудских топей, я туда болотных сов фоткать хожу. Сначала и не обратил внимания — мало ли вампиров по ночам бродит? В Аркади их целые тучи, привык уже давно и к ним, и к покушениям на мои артерии...

— То, что ты особо деликатесный олень, мы уже поняли. Давай ближе к делу: как выглядел этот вампир?

Оливер нахмурился, усиленно вспоминая.

— Как вампир, — выдал он наконец, пожав плечами. — Не то с похорон сбежал, не то из рекламы шампуня. Жутковатый, бледный как смерть, длинноволосый. Брюнет. Здоровенный, ростом где-то как ты. Одет был вычурно, но по моде нашей эры, а не позапрошлой.

— Да уж, их таких каждый первый, — признал я чуть недовольно. — Ещё что-нибудь? Какие-то приметы, отличия?..

— Нет. Разве только... у него западный акцент.

Стало быть, мы ищем типичного кровососа из плохих анекдотов. Клыки, патлы, нарядец в духе «я у мамы гробовщик». Вряд ли они все с алькасарским акцентом и под два метра ростом, но всё равно задача не из лёгких.

Я вздохнул и повернулся к Лоренцу.

— Идеи есть? Встречал кого-нибудь похожего?

— Я что, по-твоему, со всеми вампирами в клыки знакомлюсь? — вскинулся он.

— Откуда мне знать? Может, у вас этот, как его... коллективный разум? Общаетесь на какой-нибудь вампирьей волне, как те летучие мыши?

— Может, и общаемся, — передразнил меня Лоренц. — Но уж точно не с западниками, у них там Асторны заправляют. Кошмарные снобы! Ах, чистая кровь, ах, наше гнездо самое гнездовое, не то что эта ваша промёрзлая дыра! Сандро их терпеть не может, да и не он один...

— В Греймор за последние годы кто только не перебрался. — резонно заметил я. — Наверняка найдётся пара одиночек хоть с Алькасара, хоть с самой столицы.

А что, вполне возможно. Хоть и сомнительно. Никаких там коллективных волн, разумеется, не существует, да только для поддержания порядка среди грейморских кровососов они и не нужны — достаточно Александра Тамрита в местных вампирьих лордах. На редкость жуткий тип. Не найдётся среди клыкастой братии такого дурака, который захочет перейти ему дорогу.

— Они везде есть, — откликнулся Лоренц чуть сварливо. — Однако я не помню, чтобы кто-то из здешних... питался таким образом.

А вот это, пожалуй, даже плюс: гораздо труднее было бы найти виновника всех наших бед, будь такие способности у каждого первого вампира.

39

— Значит, гастролёр? Шуршал мимо на крыльях ночи и решил закусить парой-тройкой медведей?

— Вполне возможно...

— За что вам, ребята, вообще платят? — фыркнул Оливер, откинувшись на спинку стула и устало прикрыв глаза. — Он хотел, чтобы те трупы нашли. Не знаю зачем, но иначе просто надо быть полным идиотом, чтобы оставить такой жирный паранормальный след под самым носом у ликвидатора Крэстани. Ты спрашиваешь, убил ли я Лэнса? Нет, Маграт. Не убивал и даже не планировал. Если бы я его убил, никто и никогда бы не заподозрил. Мой дар работает совсем иначе.

— А мне-то откуда знать, как работает твой клятый дар? — огрызнулся я. Надменный тон рыжего умника уж очень задел — тем более что здесь он, похоже, прав. Но пусть сильно не задаётся, я и без него уже давненько думаю в ту сторону. — Ты сейчас что угодно скажешь, лишь бы не отправиться под шконку и не стать там никому любимой женой.

— О, ты хочешь знать, как?..

Оливер подался вперёд, по-птичьи склонив голову к плечу, и зло зашептал:

— Ты ведь задумался, почему мы с Джинни вообще спали в одной комнате? Да ещё в одной постели? Привычка у нас такая. Первый год был самый тяжёлый, Хота. Она почти не могла спать.

Всё плакала во сне, металась, звала тебя, просила остановиться, не делать ей больно...

А засранец прекрасно знает, как можно сделать больно мне. Даже удивительно, до чего быстро он заставил меня позабыть и о работе, и о самоконтроле. Обо всём, кроме ярости, заполнившей меня по самую макушку.

— Захлопни пасть, Маккензи. Сейчас же.

— Нет, сукин сын, послушай-ка дальше! Она больше о тебе не говорила, совсем нет, и я было обрадовался. А потом узнал, что она себя калечит. Режет. Когтями, ножом; запястья, плечи, бёдра... «От этого хоть немного легче», сказала она. Знал бы ты, каких трудов мне стоило остановить этот кошмар, починить то, что ты поломал. А что ты сам делал? Ах, ну да, спрятался от всех в том южном захолустье и дулся, как обиженный ребёнок, пока она с ума сходила...

Лоренц ухватил меня за шиворот буквально за секунду до того, как я махнул через стол и вцепился сопляку в горло.

— Спокойно, Хота! Спокойно, очнись. Неужели не почувял, как он тебя вампирит?

Почуял. По внутренностям и мозгам будто наждаком прошлись, мигом снимая все намёки на хорошее настроение. С ним и так были проблемы; однако же мысль, что я пораую Джинни, вытащив из тюрьмы её погремушечку, неплохо так грела.

Едва придя в чувство, я нахмурился при виде резко похорошевшего Маккензи. Синюшная бледность физиономии сменилась свежестью и румянцем, а блёкло-прозрачные глаза снова засияли той злобно-яркой зеленью, которая запомнилась мне с первой встречи.

Цветёт что клятая клумба! Точно так же, как это бывает с Лоренцом, заглянувшим ко мне на чашечку крови. Бизнес-ланч я им всем, что ли?

— Ты понимаешь, гадёныш, что я мог тебя прибить?! — рыкнул я, снова взбесившись. — Ещё не хватало срок мотать из-за такого говнюка!

— А я мог бы с полпинка остановить тебе сердце и сказать, будто это была самозащита, — Оливер снова вальяжно растёкся по казённому стульчику, растёр покрасневшие запястья и улыбнулся чуть злорадно. — Никто потом не докажет, что я сам же тебя ментально поймел. Поэтому оставь мумий всяким клыкастым неудачникам, Маграт. И радуйся, что на мне эти дурацкие наручи.

Смерив Маккензи убийственным взглядом, я оглянулся на Лоренца.

— Оливер воздействует на энергию, — с крайне довольным видом заявил тот, — не на материю. Если бы он решил выпить тебя досуха, то повреждения затронули бы разве что сердечно-сосудистую систему.

О чём, разумеется, никто не подумал. Просто потому, что Маккензи — редкий неудачник с талантом оказываться не в то время и не в том месте. Это ж надо было так феерично попасть! Два засохших трупа и один Оливер ровнёхонько у места преступления. Жаль, не будет третьей мумии — по крайней мере, пока Маккензи развлекается за решеткой. Я бы с радостью посмотрел на лица инквизиторов и в красках расписал, какие хуёвые они следователи и как утомительно мне прекрасному работать за всех сразу.

— Ты уполномочен это зафиксировать? — выкинув из головы сладкие мечты об унижении горе-следаков, поинтересовался я.

— Конечно, я же мастер-менталист. На такой случай даже есть стандартная форма...

— Ну так займись делом, — отрезал я и поднялся с места. — Уголовным, Тамрит, а не тем, которое у тебя прямо-таки на лбу написано.

— Да как ты смеешь?.. Не слушай его, прекрасное создание, я настоящий джентльмен!

Я мог бы поспорить, но, по правде говоря, только и хотел оказаться подальше от пацана с его жуткими гляделками. Это вот так себя чувствуют жертвы изнасилования?..

Ладно, Хота, не драматизируй. Главное — результат.

А результат вполне очевидный: это не Оливер развлекается изготовлением мумий из моих медведей. Он даже и не сумел бы... да вот только тому, кто пытался повесить на него убийства, явно плевать на такие тонкости. Значит, маги исключаются? Наверное, так. И тогда остаются лишь вампиры.

Но на кой хрен вампирам подставлять мелкого южного мажонка? Один Хаос знает.

Виттар нашёлся ровно там, где его оставили — за стеклянной перегородкой допросной. Точнее, я-то надеялся, что он вернётся в свой кабинет и продолжит считать трещины на потолке и складывать самолётики — ну или что там обычно делают инквизиторы? — но было бы недалеко думать, будто он и впрямь так поступит.

— Следил?

— Вас, молодежь, и на минуту оставить нельзя! — проворчал он в ответ, позвал за собой, убедившись, что Лоренц с Маккензи заняты исключительно приличными делами. — Что это там было, Хота? С каких это пор прокуроры набрасываются на подозреваемых?

С тех самых, когда о моей Джинни рассказывают такие вещи, каких я предпочёл бы не знать. Не от страха за неё, не от шока из-за того, что она это делала с собой. От отвращения к себе, от того, что вообще допустил такое. Сломал, заставил страдать и искать утешения у придурочно некромажонка, питающегося чужими страданиями.

— Не набросился же? Вот и ладно. Документы давай, покупку оформлять будем.

40

Оливер Маккензи, чтоб ему мумии каждую ночь снились, обошёлся мне в такую сумму, что проще было по-тихому убить пацана. Двадцать тысяч талеров! Да я на эти деньги мог прикупить себе собственного некроманта! Не то чтобы он мне сдался, конечно...

А уж без Маккензи в своей машине я бы вообще прекрасно прожил. И без вампира тоже, при всех моих условно нежных чувствах к Лоренцу.

— Твои вещи, — я всучил Оливеру сумку. Тот глянул на меня удивлённо — видимо, Лоренц решил устроить своей новой зазнобе сюрприз и не сказал про моё намерение заплатить залог. — Не пялся так. Антимагические наручи с тебя сняли не из любви к острым ощущениям.

— Я свободен?

— Нет, оленёночек, ты всё ещё подозреваемый и должен мне кучу денег. Натурой не возьму, уж извини.

— Во-первых, ты не в моём вкусе, Маграт, — холодно парировал Маккензи. — Во-вторых, деньги тебе вернут после закрытия дела. В-третьих, беспокоился ты не о моём благополучии, а о том, какого цвета бельишко на твоей кухне. Нет, спасибо, конечно, что ты вытащил меня из полной светлых магов дыры, но, может, не будешь корчить из себя мецената столетия?

— Ну конечно, я буду.

— Ничуть не сомневался.

Желание съездить по этой смазливой морде увеличилось в разы. Исключительно для профилактики. Хотя и бесит он меня изрядно, что уж там.

— Куда мы едем?

— К Дару, — буркнул я, скрипнув зубами. К дядюшке у меня тоже есть незакрытый счёт. — Соберёшь своё барахло и, так и быть, поиграешь с Джинни — а то бедная киса чахнет без своего любимого клубочка.

— Не ревнуй так откровенно, бедняжка, — съехидничал Оливер, но тут же подозрительно уточнил: — Погоди-ка, куда и зачем я соберусь? Только не говори, что теперь я живу с тобой!

— Мечтай, Маккензи, — теперь уже настал мой черёд глумиться. — Не со мной, а вот с ним и его клыкастым семейством. Они всяко-разно будут рады видеть тебя и твою четвертую отрицательную.

— Моё мнение вообще учитывается?

— После того как я отвалил за тебя двадцать штук? Хм, дай-ка подумать... Нет, твоё мнение идёт на хер.

А ещё крепость Тамрит — единственное место, куда не отважится сунуться ни подозрительный вампир-одиночка, ни те, кто вознамерился подставить сына Палача. Так что хочет он или нет, а быть ему принцессой в замке в компании клыкастых бледнокожих драконов. Один из них вообще как тот шампунь — два в одном, и рыцарь, и дракон.

— Не бойся, Оливер, рядом со мной тебе ничего не грозит, — с придыханием выдал Лоренц, и мне тут же нестерпимо захотелось проблеяться.

Хаос, за какой-то часик моему вампирскому приятелю накрепко отшибло мозги. Неужто деликатесный олень Реджины настолько силен как маг? Или не только как маг: чем, спрашивается, эти двое занимались, пока мы с Виттаром оформляли документы?.. Так, нет, это я точно не хочу знать.

— Полагаю, никто из твоих не будет против? — всё же уточнил я для проформы.

— Против чёрного мага? Ну ты смешной.

И впрямь, чего это я? Как бы дедуля Сандро не усыновил пацана через пяток минут после знакомства.

Ну да мне же лучше — чем дальше этот Олли от моей Джинни (и моего же дядюшки, чтоб его), тем спокойнее я буду спать. Вот такой я ревнивый мудила, и не сказать чтобы мне это не нравилось.

До дома Шандара добрались быстро — хотелось побыстрее выкинуть эту недоделанную ячейку общества, чтобы ворковали где-нибудь подальше от меня. Ладно, вполне мирно разговаривали о магии и клятых болотных совах. Но все равно бесят оба изрядно.

— На выход, — бросил я своим спутникам и первым направился к крыльцу дома.

Запах сильного альфы щекочет нос, злит пуще прежнего. И, как бы громко ни звенел в ушах голос Арти, умоляющий не устраивать разборок на ровном месте — ровном, как же! — кровь так и бурлит в жилах. Убить, разорвать, избавиться от соперника, раз за разом посягающего на мою самку.

Медведь этого хотел. Но я, любящий племянник, ненавидел себя за эти чувства. Так не должно быть. Я таким не должен быть. Не в отношении того, кто заменил мне отца.

Дар, судя по запахам возившийся на кухне, вышел, едва почуяв меня. И вся злость тут же куда-то делась — забавно лицезреть грозного альфу Севера, пусть и бывшего, обряженным в нелепый жёлтый фартук.

— Олли? — не скрывая удивления, он вытаращился на топчущегося рядом со мной Маккензи. Даже руки развёл в приветственном жесте, будто только и мечтал, что заобнимать до смерти своего некро-сынульку. — Но... как? И что здесь делает Лоренц?

— Спасает наши жопы, — отозвался я, не дав своему вампирскому приятелю пуститься в многословные объяснения. — Как и я. Меня ты, кстати, поприветствовать не желаешь?

— Здравствуй, Хота, — покладисто протянул мой дядюшка, закатив глаза. — А ты можешь не быть засранцем хотя бы пять минут?

— Исключено, — для убедительности ещё и головой помотал. Нечего тут, я сегодня наизнанку вывернулся, чтобы увести некро-оленья из уютненького инквизиторского вольера.

Дар скорбно вздохнул и поморщился.

— Я почему-то так и думал. Ну как ты, Олли?

— Свободен, — лаконично отозвался Маккензи, тепло улыбнувшись ему в ответ. — Надеюсь, что совсем. А где Джинни?

— Сбежала от меня подальше, — невесело усмехнулся Дар, махнул рукой в сторону кухни, очевидно, приглашая присоединиться к ужину. — У Джинни теперь свой собственный кошачий домик. Уверен, она тебе с радостью покажет...

— Не покажет, — оборвал я. — Вдвоём они там тусоваться не будут. Пацан теперь под защитой Тамритов, так что на тебе он только до завтра. Кстати, выдели Лоренцу гостевой гробик, эту ночь он проведёт с вами.

От моего тона Дар явно в восторг не пришёл, однако же кивнул, принимая к сведению.

— Это типа мой почётный караул? — сварливо пробормотал Оливер, вытащив из сумки коммуникатор и попытавшись включить. Безуспешно — по-видимому, тот разрядился в ноль. — Спасибо хоть в мою постель его не укладываешь.

— Ну, тут уже вы сами разбирайтесь, — хмыкнул я. — Но вот кормишь его ты. Я и так сегодня молодец, спас твой олений круп из обители пресветлых кретинов.

Он зыркнул на меня возмущённо, но возражать не стал. Даже с тем пансионом, что ему устроили, тюрьма быть тюрьмой не перестала. Вот и славненько, я что-то не настроен сегодня служить вечерним пайком у охамевшего кровососа. Это вообще он мне теперь кругом должен, за четвертую-

то отрицательную.

— Как ты это сделал? — поинтересовался Дар, гостеприимно наливая мне виски в стакан. Ну надо же, меня всё ещё рады видеть в этом доме.

— Нашел другого подозреваемого, — не стал выделяться я. В конце концов, дело Маккензи из простого убийства уж больно легко трансформируется в заговор против Греймора. Всего-то нужно подставить пару деталей. — И заплатил двадцать штук. Кстати об этом. Ты у нас крутой ищейка, просвети, зачем пришлым вампирам подставлять пришлого же чёрного мага? А то я теряюсь в догадках.

— Легче лёгкого, сынок, — фыркнул Дар, хотя веселья в его голосе и не было. — Идея, как понимаю, в том, что грязные животные берут незадачливого мажонка и развешивают его потроха на ближайшем дереве. А мажонка вдруг возьми да окажись невиновен. Дальше у нас что? Правильно, войнушка с Советом Девяти. Ну как войнушка? К нам десантируется трижды ёбаный Мегар Хартасерра со своим Железным ковром и с приказом пленных не брать. И это я ещё молчу про Палача со всем его пресветлым семейством.

Интересная теория. Не оригинальная, но зато очень похожая на правду.

— Мы не нужны были Палачам и Ковену много лет, — проговорил я. Не из желания спорить с дядюшкой, скорее, чтобы самому поймать грызущую мозги мысль, — а тут вдруг понадобились? Зачем? Все знают, что на Севере чужакам взять нечего.

Дар пожал плечами. Но задумался крепко, судя по тому, как поскрёб небритую физиономию. Интересно, мне хоть когда-нибудь будет идти щетина так же, как ему? А то как не побреюсь пару дней, так всегда чудом себя узнаю. И вместо крутого юриста, коим являюсь без всяких сомнений, вижу в зеркале то ли немытого бомжа, то ли деревенщину из невесты каких дремучих выселков.

— По правде говоря, я отобрал у Совета Девяти кое-что, с чем они очень не хотели расставаться, — пробормотал он наконец. — Отобрал и возвращать нипочём не собираюсь. Ни им, ни уж тем более клятому майору Хартасерре.

— И что же это?

— А как сам думаешь? Регинхильд гро Маграт, заклинательница завесы.

41

— Зачем она им? — мрачно поинтересовался я. — И что за майор такой охочий до чужого добра?

— И правда, зачем кому-то сильный маг с редким даром? — невесело усмехнулся Дар. — К тому же в деле замешана политика. Ни для кого не секрет, что однажды Реджина возглавит гильдию магов Греймора, и влияние нашего клана на Севере станет почти безграничным. Магистерия предпочла бы держать её при себе, а уж Мегар... Мы с ним, кстати, здорово поцапались, когда я ездил в Аркади укрощать трижды долбаного палача Маккензи.

— По поводу?

— Да повод всё тот же: требовал прекратить балаган и вернуть ему Реджину, потому что делать ей нечего в нашем захолустье. Силком я её тут держу, что ли?.. А потом заявил, что мне, мол, не о чем беспокоиться — ведь он сделает мою дочь честной женщиной и женится на ней, как порядочный маг! Ну а я ответил, что скорее сожру его железный меч, чем назову зятем такого говнюка. Ему моя искренность, непосредственность и бесспорное обаяние почему-то не пришлись по вкусу, — он пожал плечами эдак удручённо, но по нахальной морде легко можно прочесть — мой дядюшка собой доволен донельзя. — Ну и ладно, не очень-то хотелось. А вот женилку ему укоротить я давно мечтал; жаль, свидетелей было шибко много.

Не то чтобы я не благодарен Дару за отваживание от Реджины всяких мутных типов — не хотелось бы прятаться по лесам от Ковена за убийство их предводителя. Что до кровавых разборок дошло бы, вздумай он всерьёз претендовать на Реджину, я ничуть не сомневаюсь. Другое дело, что в глазах дяди я имею ровно ту же репутацию «мутного типа». Которого он предпочёл другому альфе. И ведь даже не кому-то из своих, а наглой заносчивой псине, которая не заслуживает женщину гро Маграт!

— Ну да, у тебя свои взгляды на будущее Реджины, — едко протянул я. — Она-то в курсе, что мы скоро породнимся с Ярлаками, или это всё сугубо твоя инициатива?

Дар глянул на меня в эдаком невинном изумлении, как если бы вовсе не он тут активно пытался свести мою Джинни с поганым волчарой.

— О чём это ты?

— Ты сам знаешь. Впрочем, — я нашарил в карманах комм и ключи от кара, — у меня нет на это времени. Пойду обрадую Реджину, что из её клубочка можно снова вязать оленьи одеяльца. А потом разгребу то дерьмо, которое ты устроил. Ты же в курсе, что Ярлак подрал моих медведей?

В курсе, а как же. Сколько бы я ни напоминал Шандару, что он уже не так силен, как прежде, ищейкой он всегда был отменным. А вот почему он до сих пор не вмешался и не расстелил у камина шкуру ублюдочного волчары — разговор отдельный.

— Они и мои медведи тоже, — возразил Дар, сложив руки на груди.

— Ну, что-то ты не торопился об этом вспоминать. Неужели и впрямь так захотелось поработать сводником? Уже указал в брачном договоре, чтобы счастливый женишок не смел приближаться к папиной принцессе ближе, чем на три метра?

— Боги, Хота, что за херню ты несёшь? — изумился он, состроив свою любимую физиономию — мол, опять моему блажному племянничку спокойно не живётся. — Давай-ка полегче. Что вы все из меня сутенёра лепите?.. Брендан всего-то спросил, не против ли я видеть его парой Реджины. Я не против — он хороший парень и подходит ей во всех отношениях. Если поладят, то почему бы и не породниться с волками?

— Действительно, зачем нам в клане женщина-альфа, давай отдадим её волкам! Боги, Дар, да ты в своём уме? Хотя о чём я — не просто так людишки в твоём возрасте начинают пенсии оформлять. Старческий маразм! И проблемы с памятью, очевидно — потому что у Реджины уже есть альфа. И это не Брендан, дядюшка!

Дар шагнул ко мне, стиснув кулаки и злобно сверкнув глазами. Держу пари, сейчас ему так же сложно не затеять драку, как и мне.

— Ты не будешь распоряжаться моей дочерью, словно она твоя собственность, — низко прорычал он. — Разве этому я тебя учил, Хота? Обращаться с женщиной как с вещью, игнорировать её желания? Реджина выбирает! Она, а не ты!

— И она давным-давно выбрала меня!

— Видимо, когда запустила в тебя туфлей? — уточнил Дар чуть издевательски. — Будь ты её альфой, вряд ли она бы согласилась пойти на свидание с другим.

— Что ты сказал?

— Что слышал. Реджина сейчас на свидании с Бренданом. И я всецело одобряю её желание начать отношения с достойным человеком. Даже если он оборотень другой стаи. Да кто угодно, лишь бы!..

— ...лишь бы не я, да? — оборвал его я. Сам не понял, как отшатнулся. Словно мне вдруг отвесили знатную пощечину. — Это ты хотел сказать?

Брендан у нас, значит, хороший парень. Волк, альфа другого клана, чужак. Он, не я.

Видит Хаос, нужно было вцепиться Дару в глотку. Что есть сил, благо у меня их немало. Я бы мог. Но сейчас вдруг почувствовал себя таким слабым. Преданным и брошенным всеми сразу. Глупая боль, детская обида... Настоящие альфы себя так не ведут. Не при свидетелях уж точно. Ни к чему посторонним видеть и слышать семейную драму семьи гро Маграт.

Точнее, драма это только моя. Потому что мой дядя... мой второй отец готов навязать своей дочери кого угодно, лишь бы это был не я.

— За что ты меня так ненавидишь, Дар? — кое-как совладав с собой, выдохнул я. Тихо, едва различимо. Чтобы не слышно было, как давит на горло невесть откуда взявшийся ком. — Что я тебе сделал?

Он изменился в лице. Практически сразу, я и договорить не успел. То ли разозлился, то ли наоборот проникся. Кто знает? Уж не я точно. Я сейчас вообще не способен на здравые мысли.

— Не говори глупостей. Я не смог бы тебя ненавидеть, даже если бы захотел, — наконец выдал Дар, тщетно стараясь сохранить невозмутимый вид и ровный тон. Преуспел, правда, не больше, чем я сам. — Хота, ты мне как сын, и ничто этого не изменит. Ничто, слышишь? Но это не значит, что я сплю и вижу, как ты снова испоганишь жизнь моей дочери! Остановись, хватит мучить её и нас всех! Неужели так трудно смириться с тем, что всё кончено; снова быть ей просто братом, как тебе всегда и следовало?..

Я испоганил жизнь его дочери? Не отрицаю. Но вот в чём загвоздка: я не один тут постарался. Но

Дар ведь у нас всегда всё за всех знает и никогда ни в чём не ошибается. Идеальный, чтоб его, альфа. Не чета мне, сыну Ньордана гро Маграта.

Неважно, что я говорю и что делаю. Он всегда будет видеть во мне своего брата. Насильника и мерзавца. Отморозка, недостойного ни любви, ни сочувствия.

— Заткнись, Шандар, — огрызнулся я, быстрым жестом утирая щеку, которой вдруг стало неприятно горячо и мокро. — Заткнись и слушай сюда, бывший альфа.

Он вскинулся, оскалился, но я успел раньше — царапнул когтями по столу, оставляя длинные борозды на тёмном дереве. Повысил голос. Да, истерика, да, не так должен говорить вожак. Но наплевать. На невольных свидетелей, на собственную мерзкую слабость. На всё.

— Я знаю, что сделаю точно, Шандар. Я, Хота гро Маграт, запрещаю тебе появляться в Таненгреве. За предательство вожака и интересов клана. За унижение и договоры за моей спиной. Сунешься в деревню — и я перегрызу тебе глотку.

— Ты же это не всерьёз сейчас? — зло изумился Дар, складывая руки на груди.

— А ты проверь, — бросил я.

Ну же, давай! Сделай шаг, начни драку первым, потому что я...

— Хота, арн Шандар, — Лоренц оказался между нами так быстро, будто и не стоял всё это время на другом конце кухни, — давайте остынем, к чему этот конфликт?..

— За оленя клыками отвечаешь, ясно? И чтобы утром вас обоих тут не было.

...потому что я могу только уйти, пока не стало ещё больнее. Но станет, это я точно знаю. Как бы ни злился я на Дара, на всё, что между нами происходит, он был мне отцом. Теперь же...

Другой альфа, только и всего. Соперник, с которым я схлестнусь ещё не раз, и который мне ничем более не обязан.

Пожалуй, так и стоит думать впредь.

42

Домой к родителям я примчалась так быстро, точно придурочный альфа-волк с его марьяжными фантазиями гнался за мной. Верхом на тройке сенбернаров, угу.

Ладно, на самом деле причина спешить была несколько более радостная. Да нет — гораздо более радостная!

— М-мои рёбра... — протестующе захрипел Олли, когда я за каких-то пару прыжков перемахнула лестницу террасы и сгребла его в охапку.

— Ой, не выдумывай!

Всё же я нехотя выпустила друга из объятий и тут же критически оглядела. Кажется, он исхудал и побледнел ещё пуще прежнего. Бедняжка. Надо ж было так попасть! И ни за что ни про что!

Снова потянуло пустить слезу, но я тут же отвесила себе мысленного пинка. Боги, если ещё хоть кто-нибудь заявит, что у меня скоро течка — я начну убивать. Что всем мой эстральный цикл покоя не даёт?

— Наконец-то ты дома, — выдохнула с искренней радостью. — Им давно следовало тебя выпустить: любое жалкое подобие мага могло сказать, что ты невиновен!

— Ну, скажу тебе, они не торопились, — отозвался Олли, зябко кутаясь в ветровку. На севере даже после самого жаркого летнего дня наступает прохладный вечер, а следом за ним и холодная ночь. Я даже почти пожалела, что мой блейзер валяется на заднем сиденье кара. — Если бы не Хота с его вампирским дружком, я бы вряд ли здесь стоял.

Я невольно приоткрыла рот от изумления.

— Хота? Хота тебя вытащил?

— Ну да, он нашёл повод, и меня выдали ему под залог в двадцать штук. Я как услышал — не поверил, — тут он усмехнулся, но как-то уж очень натянуто. — Похоже, этот парень на многое готов, чтобы тебя впечатлить.

И ему удалось. Как я ни силилась, а улыбку спрятать не вышло. Равно как и надежды в голосе:

— Так он тоже здесь?

Олли от моего вопроса совсем скис. Не знала бы его так хорошо — решила бы, что взревновал.

Но нет, дело оказалось совсем в другом.

— Был здесь. А потом они с Даром сцепились и... — он поёжился. — Слушай, они ведь и вправду готовы были поубивать друг друга. И я даже не могу сказать, что я на стороне Дара, потому что он повёл себя как полный кретин. Нет, они оба вели себя как кретины, но ради всех богов, ему же семьдесят, не семнадцать!..

Папа снова сцепился с Хотой? Отлично, просто отлично. А я вместо того, чтобы раскидать их по углам, просиживала зад в пафосном каменном мешке и лицезрела, как маршал волчок изображает передо мной кроткого домашнего щеночка. Ну и заодно слушала его вдохновенные речи о моих токсичных отношениях и наших с ним будущих сенбернарах.

Вот блин, а ведь раньше мне так нравились эти собачки. Теперь вот не уверена.

— Добро пожаловать в мой альфа-мир, — пробормотала уже без прежней радости, — Я бы спросила, что эти двое не поделили, но...

— Ну а что ещё им делить кроме тебя?

Да что угодно. Потому как я всё ещё не их вещь, чтобы они меня делили!

— Ладно, и где же мой отец?

— Сбежал, — с готовностью наябедничал Олли. — Сказал, ему срочно надо кого-нибудь разодрать на части, обернулся мишкой и был таков.

Ещё веселее. Прямо даже не уверена, хочу ли спрашивать дальше.

— Что он наговорил Хоте?

— Рассказал ему, какой он мудака, и вовсю расхвалил Брендана... кстати, а кто такой Брендан? Тот криповатый чувак из бара? Вот тебя и на минуту одну нельзя оставить!..

— Уже никто, — буркнула я, с трудом подавив желание схватиться за голову. — Вот почему всякую хрень творят альфа-человеки, а отдуваться всегда приходится мне?

Я люблю своего отца, честно. Однако я любила бы его ещё больше, если бы он умел вовремя заткнуться. Хотя бы иногда. Хотя бы в том, что касается Хоты — вспыльчивого, агрессивного и ревнивого до крайности. Вот и как ему теперь объяснить, что с Бренданом у нас ничего не было, нет и уже наверняка не будет? Почему вообще я должна бегать за ним по всему Мозргрину, чтобы оправдаться?..

Не должна, но именно это и собираюсь сделать. Хотя бы для очистки совести. Вот только сообразить бы, в какую сторону бежать.

— Он на своей скучной работе, с Эммой, — послышался за спиной знакомый вкрадчивый голос. Надо же, я и шагов-то не услышала, только на мгновение пахнуло каким-то потусторонним холодом. — Он всегда с ней, когда ему плохо. Ну или со мной, но увы, сегодня на меня возложена не менее важная миссия...

— Ой, Ло, отвали ты со своими тирадами, я тебя даже не спрашивала! — огрызнулась просто из вредности. — Мне объяснят наконец, кто такая эта Эмма и стоит ли мне сожрать её вместо ужина?

Лоренц снисходительно улыбнулся, сверкнув острыми клыками.

— Разве Хота похож на того, кто станет спать с секретаршей? А если забудешь уже эту мерзкую кличку, я даже нашепчу, на сколько лет она его старше.

— Обойдусь.

Ладно, признаю, любимый дедушкин внучок дело говорит. Хота уж точно не станет, он не враг своей обожаемой работе.

Едва я виновато глянула на Олли, тот выразительно завёл глаза к потолку и развернул меня лицом к лестнице.

— Просто иди уже, а? Я никуда не денусь как минимум до завтрашнего вечера.

— Вернее, утра? — невинно поправил Лоренц.

— Я готов обсудить ваши условия послабления режима, мистер надзиратель. Вы заинтересованы?

— О, я очень заинтересован...

В иное время я непременно посоветовала бы этим двоим найти комнату с кроватью... ну, или там с гробиком. Но сейчас была уже на полпути к машине. И к Хоте. А нечего прохлаждаться со всякими там Эммами, будь они хоть десять раз секретарши.

И чего, спрашивается, из города тащилась?.. Только зря жгла бензин и лишний раз похабила каблучки на гравийной подъездной дорожке. Но зато увидела своего Олли, живого, здорового, на свободе! А главное — под надёжным присмотром. Уж не знаю, почему Хота вдруг решил приставить к моему другу клыкастый эскорт, но возражать точно не буду. Вампиры — ребята жутковатые, однако за своих горой стоят. А Лоренц уж точно свой: давным-давно, когда меня ещё и в планах не было, мама буквально вернула его с того света. И тем же ужасным вечером мой отец спас его сестру... Словом, Тамриты ради нашей семьи на многое готовы.

Но зачем им поручать охрану Оливера? Ладно, это я выясню чуть позже.

— Миз Маграт! — приветливо улыбнулся мне смутно знакомый парень-дежурный. Учились, что ли, вместе? — Вы по делу или просто так, в гости?

— В гости, — кивнула я невозмутимо. — Прокурор Маграт у себя?

— Он всегда у себя, — печально вздохнул дежурный. — Ни подремать, ни покурить лишний раз, чуть что — всё кругом ленивые бестолочи. Ну вот в кого он такой, миз? Отец-то ваш подороже будет.

Будет, ага. Ровно до тех пор, пока не узнает, что кто-то обидел его родственников. Ну или вздумал угрожать Северу; тогда уж всем недругам лучше самим ползти в сторону погребального костра.

Я протянула дежурному права, расписалась в книге посещений и сразу двинулась в сторону лифта. Так, на каком этаже у нас заместители прокурора обитают?

— Вам на третий! — крикнули мне вслед.

43

Нужный кабинет нашла по запаху крепкого алкоголя, незаметному для простого человека, но очень явному для оборотня. И другому, не менее насыщенному — зверя, сильного и опасного. Дверь открыть не успела — она распахнулась у меня перед носом, являя взору красивую женщину с огненно-рыжими волосами, такими яркими, что глаза слепит.

— Ой, ну наконец-то, я думала, ты заблудилась! Я Эмма, его секретарша; и нет, я с ним не сплю, оборотни не в моём вкусе. Хотя вот ты очень даже ничего! Ладно, вон ему, — она кивнула в сторону кабинета, — больше не наливать. Скоро наступит стадия распевания песен, а голос нашего Хоты трудно назвать ангельским. Медведи, что с них взять, верно? Ещё увидимся! Вживую ты даже красивее, чем на фото!

Не дав мне вставить и слова, с поразительной для обычной женщины силой она втолкнула меня в кабинет и захлопнула дверь. С той стороны, да. Мне только и осталось, что в изумлении приоткрыть рот и ошарашенно вопрошать:

— Что это сейчас было?

— Вот она — предательница, — проворчал Хота, принимаясь, вопреки пожеланиям Эммы, наполнять стакан. Раз так в десятый, если судить по почти опустевшей бутылке виски. — А ты — пошла вон. К Ярлаку, или к этому твоему... А, да к кому хочешь. Желание женщины превыше всего!

«К какому именно “этому моему”?» — до жути хотелось спросить. Но не стала. Должен же хоть кто-то вести себя как взрослый.

— Однако я здесь, Хота, — озвучила я очевидное, из одной лишь вредности отобрав у него стакан. — Ни о чём не говорит, нет? Так и знала, что в нашей семье идиотизм передаётся по мужской линии. Буду молить Прядильщика о дочурках.

— Отдай, — потребовал он, потянулся за моей отставленной рукой, но не преуспел. — Моли лучше папочку, это же он решает, что тебе делать и с кем ходить на свидания. Он вообще за всех всё решает. А мы, идиоты, только и делаем, что слушаем его. Ну, уж я-то теперь точно не буду. Наслушался! Так что отдай мне ёбанный стакан, Регинхильд, и катись отсюда подальше, пока я не

сделал с тобой... что-нибудь.

Виски я выпила залпом — просто чтобы ему не досталось, — тут же сморщилась в омерзении, смерила Хоту далёким от восторга взглядом.

— Мог бы уже и сделать. Что-нибудь. А то всё только треплешься.

— Что, правда? — огрызнулся Хотя, резко вскинувшись. — А с чего ты решила, что ты мне нужна? — он принялся и демонстративно скривился. — От тебя несёт этим грязным волчарой; ты вся им пропахла, почти как тем человечешкой...

Пощёчина вышла звонкой, хлёткой и такой сильной, что у меня рука заболела. Но недостаточно сильной. Надо было сломать этому мудаку что-нибудь... Впрочем, ему и так хватило: вон как вытаращился.

— И ты ещё смеешь меня попрекать? Ты? — выдохнула я, с трудом сохраняя ровный тон. Уж истерики он от меня не дожждётся. — Уйми своё больное воображение, Хотя. Приспичило кого-нибудь назвать шлюхой — начни с себя, это ты у нас любитель волчьих подстилок. А я слишком себя уважаю, чтобы бросаться на первого попавшегося альфу, поманившего пальчиком.

— Ну разумеется, тебе больше по нраву людишки! Как он, хотя бы был хорош?

Сдержанность как рукой сняло. Давно, давно пора было замахнуться как следует и расквасить эту самодовольную морду, чтоб с добрую неделю пугал свою болтливую секретаршу синяками вокруг глаз...

Не смогла. Всего лишь круто развернулась на каблуках и направилась к двери, не зная, чего хочу больше — чтобы он оставил меня уже в покое со своими грёбаными эмоциональными бурями, или чтобы пошёл за мной, догнал, удержал при себе...

Он догнал. Схватил крепко, вжал спиной в дверь, навис надо мной, обдавая запахом алкоголя и чего-то сладкого. Внутри зашевелился неведомый доселе страх перед ним.

— Я ненавижу тебя, Регинхильд, — выдохнул он, уже не скрывая бешенства. — Ненавижу за то, что ты сделала, за то, что отдала себя этому... Надо было убить его тогда, убить за то, что посмел прикоснуться к тебе. Я ведь мог. И тебя — могу. Всего-то нужно...

Широкая ладонь легла поверх горла и сжалась. Едва ощутимо, но этого хватило: мне — чтобы вздрогнуть, а Хотя — чтобы опустить руки и сокрушённо помотать головой.

— Твой папаша дело говорит, Джинни. Тебе стоит держаться от меня подальше.

Он было отстранился, но я не дала — вцепилась в его плечи так, что самой больно. И, почти касаясь его губ своими, тихо произнесла:

— Тогда вышвырни меня за порог, Хотя. Потому что сама я никуда не пойду.

Хотя замер. На долгие несколько секунд, а может, и минут — поди разбери, когда только и можешь, что слушать его дыхание да неотрывно смотреть в потемневшие от злости глаза. А потом...

Когда его ладони успели оказаться на моих бёдрах? Как вдруг вышло, что я сама подставляюсь под его руки и губы, вовсю помогая задирать на себе юбку? Невыносимо узкую, отвратительно длинную, такую лишнюю, что впору рвать её когтями...

Хотя отлично справился сам. Не разорвал, к счастью, но подтянул юбку выше, обнажив меня до самой талии. И тут же замер, не то засмотревшись на ажурное чёрное кружево, не то примериваясь его с меня содрать.

— И вот в этом ты попёрлась на свидание с другим мужиком? — выдал он с негодованием, заставляя меня насмешливо дёрнуть бровью.

— Скажи спасибо, что на мне вообще есть...

Конец фразы потонул в судорожном вскрике. Чужая ладонь по-хозяйски легла между моих ног, тяжёлая и уверенная, и всего пары движений хватило, чтобы проклясть придурка и всю его — ах, блин, нашу! — родню до седьмого колена. Почему я вообще до сих пор одета? Он ведь чувствует, как я его хочу; даже через тонкую ткань наверняка может ощутить, что я уже влажная и на всё готовая.

— Да снимай уже! — потребовала, едва ли не зарывав.

Но куда там. Не прекращая легонько поглаживать меня, Хотя лишь склонился ещё ближе и, явно издеваясь, прошептал в самое ухо:

— Здесь я командую, кисонька.

Ой, да что ты говоришь?

Я с нажимом провела языком вдоль неосторожно открытой шеи, наслаждаясь солоновато-сладким вкусом его кожи. Прижалась губами там, где предательски частил пульс. Мстительно сомкнула зубы, заставив Хоту ощутимо вздрогнуть. Метки не останется, засранец её пока не заслужил, а синяк наверняка сойдёт уже к полудню... Но и этого хватило: запах зверя стал почти невыносимым, а утробный рык прокатился по коже волной приятного озноба.

Что ж, по крайней мере, он хочет меня так же сильно, как я его.

Почти жалобный стон сорвался с моих губ, когда чужие пальцы наконец-то проникли под краешек белья. Хотя будто бы в точности знал, где и как надо коснуться, чтобы я вконец обезумела, чтобы судорожно комкала в пальцах его рубашку и бесстыдно подавалась навстречу ласкающей меня ладони. О боги, да ладно, он всего-то запустил руку мне в трусы... как это вообще может быть настолько хорошо? Так хорошо, что просто невыносимо.

Оргазм накатил быстро и внезапно, принося долгожданное облегчение и почти сшибая с ног. Буквально. Я бы точно сползла по стенке кучей дрожащего желе, если бы Хотя не подхватил меня под бёдра, не давая рухнуть.

— Я держу тебя, Джинни, — невесть зачем пробормотал он, и я почти не узнала его голос, низкий и сиплый. — И не отпускай. Больше нет.

Да я сама с тебя живым не слезу, пока ты меня не трахнешь!

Но нет сил даже съехидничать, особенно когда Хотя глядит так алчно и голодно, и глаза у него уже не голубые, а тёмно-янтарные. Звериные. Он теряет контроль над своим зверем, и мне бы испугаться хоть для приличия. Но вместо этого я с жаром отвечаю на очередной поцелуй, мокрый и жадный, и расстёгиваю на нём брюки — неловко, с почти нелепой поспешностью...

А, плевать. Пусть думает что угодно, но он нужен мне. Я хочу его. Сейчас же.

44

Хотя снова притиснул меня к двери, наконец-то вошёл одним резким движением. Довольно выдохнув, я скрестила ноги у него за спиной — чтобы быть ещё ближе, ощутить его ещё глубже в себе. С непривычки было больно, но это странным образом подстегнуло возбуждение, вышибло из головы последние жалкие крохи мозгов, оставив там лишь желание принадлежать... своему альфе. Здравый смысл? Не слышала. Тормоза? Ой, их вообще придумал трус. Стыд? Да какой там... с Хотой мне ничего не стыдно. Ни стонать, как в дешёвой порнухе, ни заполошно шептать его имя снова и снова, ни даже умолять, чтобы он не останавливался, чтобы трахал ещё сильнее и жёстче.

И он охотно выполнял все мои пожелания. Нещадно вколачивал меня в многострадальную дверь, с чуть слышным рычанием прихватывал зубами горло и так сжимал пальцы, что на бёдрах наверняка останутся жуткие синяки. Но я не против. Даже не так — мне нужно это.

Кажется, и десяти минут не прошло, а я снова кончила, содрогаюсь всем телом и едва не плача — до того острым было удовольствие, прошившее каждую клеточку тела. Одно мне интересно: если вот это был секс, то что вообще за ерундой я занималась целых пять лет до сегодняшнего дня?

Ладно, вру. Не интересно ни капельки.

— Тихо, тихо, киса, — зашептал Хотя, опалая ухо горячим дыханием. Язык коснулся мочки, заставляя жалобно всхлипнуть — слишком уж чувствительна сейчас моя кожа.

И ладони, под которыми горят его сильные, крепкие плечи. И ноги, между которыми чувствуется влага, моя и его. И губы, которые он прикусывает снова и снова, едва вернувшись к ним.

Он хочет меня, любит меня, чувствует меня, наслаждается мной — и это лучшее, что может дать мужчина, занимаясь сексом с женщиной. Со своей женщиной, как непременно сказал бы Хотя, будь у него хоть одна свободная секунда между нашими поцелуями.

Я хочу быть его. Снова.

А потому недовольно застонала, стоило ему выйти из меня. Выйти, но не отпустить — почему-то я уверена, что расставаться со мной он не собирается ещё очень долго.

— Тихо, — повторил Хотя чуть строже. Крепче подхватил меня под бёдра, оторвал от двери, сделал два шага назад.

И да, всё же отпустил. Но тут же прижался ко мне, обнял за талию, снова увлёк в головокружительный поцелуй. Подтолкнул к краю стола — и резким движением смёл на пол всё, что на нём было. Это мой-то Хота, трудоголик и маньяк, любящий работу больше, чем что бы то ни было!

Или нет...

— Что ты творишь? — срывающимся голосом пробормотала я, вдруг снова ощутив между ног его пальцы. А затем и горячий язык, мягко исследующий мои самые потаенные местечки.

И когда он успел-таки стащить с меня трусики? А когда мои ноги оказались на его плечах, скажите на милость?..

— А на что похоже? — ехидно поинтересовались в ответ.

И впрямь, на что могут быть похожи ласковые прикосновения к ногам, животу, внутренней стороне бедра? То невесомые, то ощутимые и даже грубые, когда Хота прихватывает кожу зубами. Нежный и жестокий... он всегда был таким, но одновременно — ещё никогда.

Меня прошила волна удовольствия, и я выгнулась в его руках, едва он вошёл в меня снова. Хотя что-то зашептал мне на ухо, но что именно — я не слышала, настолько было хорошо. Тело вмиг стало невесомым, а из головы исчезли последние мысли.

Все кроме одной: мне нужно ощутить в себе его клыки. Чтобы он пометил меня как свою сучку, свою самку, которая не хочет ничего, кроме как принадлежать ему...

Едва придя в чувство, я обнаружила себя почти повисшей на нём. Руки точно сами собой расстёгивали пуговицу за пуговицей, касались горячей кожи, оглаживали твёрдые мышцы. Зачем ему вообще одежда, с таким-то телом...

— Киса хочет ещё? — донёсся до меня голос Хоты, чуть насмешливый и до невыносимого ласковый.

Ну конечно, хочу. Что за глупые вопросы? Вместо ответа куснула его чуть выше ключицы, заставив странно дёрнуться. Подняла голову и тут же столкнулась с обжигающим взглядом его ярких звериных глаз.

— Что ты творишь? — теперь уже настал его черёд ворчать.

«А на что похоже?» — хотела передразнить я. Но острые зубы опять сомкнулись на мочке, и с губ слетел лишь очередной умоляющий стон. Хотя нетерпеливо стянул с меня рубашку, рванул лифчик; я зябко поёжилась, но тут же забыла обо всём, едва его ладони легли на мою грудь...

К чему лишние разговоры?.. Ни к чему, на хрен их вообще. Хотя стоило бы подумать, как мы будем выбираться отсюда. И когда? И будем ли? И как так вышло, что мы занимаемся сексом в кабинете заместителя окружного прокурора?

В третий раз подряд, да. Хота уложил меня на диван, тут же перевернул на живот и вздёрнул за бедра, заставляя упереться коленями в обивку и замереть кверху задницей. От такой бесцеремонности я злобно, по-кошачьи зашипела — и тут же поражённо замерла, получив увесистый шлепок.

— Плохая киса.

— Говнюк ёбанный, — огрызнулась я. Но затем расслабилась, сильнее прогнулась в спине, приглашающе развела ноги, бесстыдно раскрываясь под его жадным взглядом. И зыркнула через плечо, откровенно подначивая — мол, долго ты собираешься заставлять девушку ждать?

Совсем недолго. Каких-то пара секунд, и с низким звериным рокотом Хота прижался ко мне, навалился сверху; сгрёб в кулак мои волосы и потянул назад, заставляя откинуть голову. Обнажить горло для него.

Это должно быть унижительным. Должно же! Но всё, что я чувствую — целая прорва сумасшедшего удовольствия от... всего. От жаркого дыхания и острых клыков, легонько прихватывающих загривок; от сильных рук, ласкающих всё моё тело; от восхитительно твёрдого члена внутри меня.

И упаси боги Хоту остановиться — вот тогда я точно его прибью.

Не остановится. Слишком хочет, слишком распалён. Чувствую это по запаху, по резким, прерывистым толчкам, от которых кровь в жилах полыхает так, что того гляди вспыхну пламенем под его руками, поцелуями, под зубами в своей шее. Это не метка, но уже почти, так похоже, так...

Как сползла на диван окончательно — совсем не помню. Вот и верь, что книжные «потеряла

сознание от удовольствия» — всего лишь оборот ради красного словца. Ничего не помню, кроме собственного вскрика, когда очередной оргазм прошёл моё тело. И ответного рыка от Хоты, низкого, раскатистого, почти звериного.

— Как ты? — поинтересовался он, когда я немного пришла в себя и смогла сфокусировать на нём взгляд.

Пожала плечами — не знаю. Сложно мне. Хорошо до умопомрачения, легко и свободно, будто я наконец сделала то, что нужно было, чего так давно хотелось... И хочу сделать ещё и ещё, ведь этого так мало!

— Пошли отсюда, — решил за меня Хота и помог подняться. Осмотрел придирчиво, и я уж было подумала, что никуда мы не пойдём — настолько горячим был его взгляд, — но почти сразу сунул мне в руку измятую рубашку.

— Как всегда, сама обходительность, — буркнула я, в приступе нелепой стыдливости прижав рубашку к груди. Сама не знаю зачем, ведь он уже всё видел... и не только видел, да. — Верни мои трусики, мерзавец!

— Они тебе больше не понадобятся, — без капли смущения заверил Хота. И как ни в чём не бывало принялся поправлять на себе одежду, хотя видит Хаос, ни ему, ни мне это уже особо не поможет. — Моя добыча останется при мне.

Я аж поперхнулась от возмущения. И что я вообще нашла в этом поганце, стесняюсь спросить?

— Не то чтобы я не уважала твоё право быть грязным извращенцем, — кое-как приведя в порядок юбку, набросила рубашку на голое тело, — но моё бельишко тебе не пойдёт. Да что там, оно вообще на тебя не налезет!..

Хота притянул меня к себе, быстро поцеловал, обрывая поток полушутливого негодования.

— Хорош болтать и пошли отсюда скорее, иначе я за себя не ручаюсь. И да, ты за рулём.

Ну в самом деле, как будто у меня есть выбор...

45

Ненавижу утро. Как и всякий приличный медведь. Вынужден вставать ни свет ни заря, потому что в прокуратуре не делают скидок на меховые заморочки. Но ненавижу. Особенно когда оно начинается с внезапного звонка. Ну и кому что от меня занудилось, я же сплю! Со своей женщиной, горячей, любимой, наконец-то оказавшейся в моей постели, где ей самое место...

Премерзкое гномье изобретение нашарил вслепую, другой рукой провёл по прохладным простыням рядом с собой.

Так, стоп, почему вообще «прохладным»? У Джинни, как и у любой кошки, температура тела куда выше человеческой, после неё вообще ничего не может быть прохладным — ни простыни, ни моё плечо, на котором она, помнится, сладко засыпала... Мигом взбодрившись, открыл глаза и уставился на пустое место рядом с собой. Она что, сбегала от меня, пока я спал? Да как она посмела? Я недоволен, мой зверь недоволен. Киса теперь наша, какого, чтоб его к порядку, Хаоса?!

Комм надрывно зазвенел в руке снова. Даже смотреть не стал, поднёс его к уху и рыкнул сердито:

— Да какого хрена?

— Это так ты мать приветствуешь? — послышался в трубке знакомый голос, насмешливый и полный командных ноток. — Порой я думаю, что вы с Арти всё же родные...

— Мам, Хаоса ради, ты для этого звонишь мне в такую рань? — оборвал я, в спешке садясь. Может, Джинни не успела уйти далеко, и я смогу её догнать?

Ага, не иначе чтобы трахнуть ещё раза три. И это только в своём кабинете.

Припомнив события вчерашнего вечера, я только и смог, что накрыть лицо ладонью. Ага, от стыда, хотя я искренне полагал, что мне это слово незнакомо.

— Хота? — позвала мама обеспокоенно. — С тобой всё в порядке?

— Ага. Просто рано ещё, ты же знаешь, как я не люблю утро.

— О, разумеется, знаю, — заверила она, снова с неизменным своим ехидством. — Но не припоминаю, чтобы у тебя утро рабочего дня начиналось в одиннадцать.

Одиннадцать? Пф, да я в это время уже кофе с Эммой пью!

Я беспокойно глянул на часы. Да так и подскочил на постели, мигом позабыв о том, что я вообще-то взрослый мужчина, юрист с дипломом и без пяти минут окружной прокурор.

Одиннадцать!

— Мам, скажи, что никто не умер, не женился, ты не беременна, ну и какие ещё новости могут быть безотлагательными. Одиннадцать! Мам, я же никогда не опаздываю! Мне нужно собираться!

— Ну, если не считать того, что ты запретил любимому дядюшке являться в его же деревню... Да, сын, это безотлагательно! Ты что творишь?

— Жениться хочу, вот что! — огрызнулся я, безуспешно пытаюсь влезть в первые попавшиеся (точнее, ближе всего валявшиеся) брюки.

На той стороне красноречиво кашлянули.

— Я стесняюсь спросить, на ком? Хотя нет, не стесняюсь. А Джинни в курсе твоих матримониальных планов?

— Ага, как раз всю ночь её в это и посвящал.

Лихорадочно оглядевшись в поисках галстука и так и не приметив его в куче сваленного на пол барахла, махнул рукой и метнулся к шкафу. Хер с ними, с брюками, а вот в такой рубашке (точнее, в том, что от неё осталось) идти на работу точно нельзя. Выцепил первую попавшуюся, кажется, жутко не подходящую к костюму, и, зажав комм между плечом и ухом, принялся одеваться.

— Мам, я сам разберусь, ладно? Не надо мирить меня с Шандаром, Джинни и всем Греймором! И я всё еще опаздываю на работу!

— Часом больше, часом меньше, всё равно уже опоздал.

— Но я никогда не опаздываю!

И впрямь — никогда. За почти десять лет своей работы, сначала помощником, а потом и прокурором, я приобрёл репутацию самого исполнительного, пунктуального и вообще, самого лучшего работника. Именно такой репутации я и хотел — чтобы ни у кого не возникло сомнений, что я хорош. Не только как альфа, но и вообще.

А я хорош. Смею надеяться, в постели тоже, и моя киса сбежала (в окно, что ли?) исключительно потому, что кошки — самые вредные и непостоянные существа в мире.

— Ты правда... — мама замялась, по старой памяти пытаюсь подобрать слова. Зачем — непонятно, я взрослый мальчик и имею обширный словарный запас нецензурной лексики. — ...затащил в постель Реджину?

В постель. Ха, постель вообще была довольно проходным пунктом в нашей программе — Джинни уже устала, да и я, пусть и хотел её ничуть не меньше, чем в предшествующие четыре раза, был... утомлён, да. И слишком пьян, иначе никак не объяснить, что мы сделали это... столько раз.

Стыд мне не свойственен, однако сейчас вдруг стало донельзя неловко за свою выходку. Я что, и впрямь занялся с ней сексом в своём кабинете? На своём столе? Как за ним теперь работать вообще? И это я ещё не вернулся в тот самый кабинет, не ощутил снова её запах, пряный, острый, такой желанный, незаметный для человека, но пропитавший всё для оборотня.

— Да, мам, взрослые мальчики и девочки делают это. Не будь Шандаром, скажи, что благословляешь нас, и спрашиваемся на этом.

— Ха, размышлялся. Я жажду подробностей!

— Мам, серьёзно? Я не буду рассказывать тебе, как занимался любовью с Джинни.

— А что так? — удивилась она. — Приятель, я знаю толк в кошечках.

— Мам!

— Что? Как ты сам заметил, ты взрослый мальчик, а я — девочка ещё взрослее. Ну да ладно, не хочешь советов — твои проблемы. Ближе к делу и к причинам моего звонка.

— Я думал, ты просто соскучилась по любимому сыну, — хмыкнул я.

— Иногда я впрямь скучаю по своему сыну. Когда он не включает заправского козла, не ссорится со своим дядей и не провоцирует его на скандал. А пока, — мама замолчала, а я воочию увидел, как она хмурится и неприязненно морщится, — на днях к нам нагрянут гости. Твой обожаемый сенатор Орентис. Ты рад?

— Пляшу от счастья.

От бывшей расслабленности, пусть и с поправкой на плохо начавшееся утро, не осталось и следа. Я нахмурился, крепче вцепился в комм.

— Когда? Что ему вообще здесь надо?

— Звёздный визит назначен на пятнадцатое. Официальная версия — стандартный дружеский визит с целью перенять опыт взаимодействия с нечеловеческими расами, — без запинок выдала мама, заставив меня скривиться.

Взаимодействие сенатора Орентиса с любимыми расами можно описать куда проще — захват всего, что плохо лежит. Насильственное навязывание военных конфликтов, захват территорий, скупка ресурсообеспечивающих предприятий. На юге, помнится, незадолго до войны обнаружили громадные залежи адамантия, металла редкого и используемого в высокотехнологичной промышленности. Больше — только у гномов в их горах, но полулюди никогда не пустят людей в свои уголья. Скорее завалят все входы в свои пещеры, уйдут вглубь гор, а человечество, оставшись без их гениев быстро откатится в развитии на век-другой назад. Историю я знаю хорошо — всего триста лет назад человечество освещало свои дома масляными лампами и свечами, а до того лечилось пиявками и имело канализацию только в больших городах.

Логично, что такой порядок вещей не слишком радует само человечество и его амбициозных политиков. Таких, как Орентис — беспринципных, жестоких, жадных до власти и денег.

Не могу его судить — своей зарплате, позволяющей покупать дорогие автомобили и костюмы, я очень рад. И власти хочу (и получу, когда мой неуважаемый шеф наконец-то уйдёт на пенсию). Но не до такой степени, чтобы убивать свой же народ ради груды железа.

— Врёт как дышит, — выплюнул я, наконец втиснулся в первые попавшиеся туфли и схватил ключи от кара.

— Я бы подобрала другое слово. Так понимаю, он пронюхал, что ты под него копаешь?

Правильно ты всё понимаешь, мама.

46

. С сенатором Орентисом мы знакомы вот уже пять лет. В основном заочно — я никогда не был поклонником ушлых политиканов, даже с виду кажущихся редкими мудаками. Хотя случалось нам и встречаться. В Нью-Аркадиане, в день, когда меня представили к награде за процесс над Беном Али. Порой я жалел, что тогда решил поступать по закону, а не грохнул Орентиса втихую за все делишки. Не без уговоров Эммы, если честно. Она хотела видеть его мертвым. Не разорванным на куски мной-зверем. А сидящим в газовой камере или на электрическом стуле, со смертным приговором в руках.

Бена Али поймали за год до того дня. Массовые убийства, террор, торговля оружием и наркотиками, организация радикальной террористической группировки «Белый песок» — его было за что сажать. С того момента, как его уперли в самую защищенную камеру в Сармаде, не было ни единого шанса, что он выйдет на свободу. Вопрос был только в сроке и виде наказания. Однако до того, как я и мой куратор Джеймс Керр приехали на юг, Бен Али умудрился выторговать себе суд присяжных. Разумеется, из местных жителей. Казалось бы, не такая уж большая проблема — южане устали бояться, умирать, оставаться без членов своих семей и крыши над головой. Они должны были запросить для него высшую меру наказания — тот самый электрический стул или что похлеще. Но не запрашивали. И даже для двадцатилетнего заключения в тюрьму потребовали оснований.

Террорист, убийца и редкая мразь, по сравнению с северянами (а таковыми на юге считают всех, кто селится выше реки Ильдир) Бен Али был почти героем. Он убивал врагов. Захватчиков, чужаков, в коих видели и нас с Керром.

Основания мы нашли. Достаточно для того, чтобы выдать Бену Али билет на тот свет. А ещё нашли документы о поставках оружия, указывавшие на причастность сенатора. Не прямо, но их было достаточно, чтобы начать дело против Орентиса, и мы с Керром собирались дать ему ход.

На нас напали на полпути в Саргон, куда мы везли обнаруженные материалы. Из того дня я помню оглушительный взрыв, тонны песка и камней, осколки стекла и металла, впивающиеся в моё тело.

Керра, погибшего почти мгновенно от поразившей его шрапнели. Эмму, которую я прикрывал собой. И кожаный портфель в её руках.

Дар до сих пор думает, что я остался на юге в пику ему, из одного упрямства. Хаос, знал бы он, как я хотел уехать! Как мне было дико, по-детски страшно засыпать и просыпаться, как я боялся никогда больше не увидеть Джинни, если не уеду из Сармада тотчас же.

Но я остался. Из-за Эммы, перепачкавшейся в крови, моей и её, в песке и грязи, нервно прижимающей к себе проклятый портфель и умоляющей довести дело до конца. А потом взяться за Ореентиса. У меня погиб наставник, друг, начальник, у неё — возлюбленный, за которым она поехала в эту дыру. И вместо того, чтобы плакать, она просила меня закончить дело.

Я закончил. Посадил Бена Али и его ублюдков на электрический стул. Уехал в Нью-Аркади получать свою награду. Прихватил с собой Эмму и портфель. А вместе с ними яркую, ослепляющую ненависть ко всем правительственным ублюдкам, думающим, что им всё можно.

Наскоро распрощавшись с матерью и наконец выскочив на улицу, я с запозданием понял, что ключи от кара хватал зря. Машинка моя грелась под солнцем на парковке у прокуратуры, а я... Я что, позволил Джинни засунуть меня в то зелёное чудище? Надеюсь, никто этого не видел. Позора же не оберусь — прокурор Маграт разъезжает в девчачьей машинке!

Ну да ладно, сейчас это определённо меньшая из моих бед.

— Даже знать не хочу, почему ты явился на работу во вчерашнем костюме, — заявила Эмма, едва я вышел из такси. И протянула бумажный стаканчик с кофе — с молоком, сливками и карамельным сиропом, как я люблю. — Хотя нет, хочу. Три часа, Маграт!

— Даже знать не хочу, откуда ты узнала, когда я приеду, — проворчал я, передразнивая её.

— Я Эмма, — с апломбом заявила она, как будто это должно что-то значить, — я знаю всё.

А, ну да.

Честно сказать, побаиваюсь эту женщину. Ей бы не секретарём у окружного прокурора работать, а в какой-нибудь разведке — вот ничуть не сомневаюсь, что она уже созвонилась с моей матерью и узнала, где я, что со мной и когда буду.

Страшная женщина, страшная.

— Если что, я всё ещё жажду объяснений. Нет, почему ты опоздал, меня не интересует — допитая бутылка виски была весьма красноречива. Но, медвежонок, мне даже не нужно быть оборотнем, чтобы знать, чем ты занимался в нашем кабинете!

— В моём вообще-то! — возмутился я.

— Ой, кому интересны эти детали! Если хочешь знать, все эти три часа я потратила, чтобы разобрать твои бумаги.

Нет, ну какая наглость. Хаос, вот объясни мне, чем я думал, когда брал её в свои секретарши? Нашёл бы милую кроткую девочку, не слишком исполнительную, но без вот этой бульдожьей хватки и навыков заправского дознавателя.

— А, то есть кабинет наш, а документы только мои? Ты вообще в курсе, что я могу лишить тебя премии?

— Ты купишь мне новую сумочку, — заявила эта нахалка. — И оплатишь психотерапевта! Не смотри так, у меня нервный срыв. Я больше не знаю, куда я могу сесть! Стол точно отпадает, к своему креслу ты болезненно привязан... Диван? Ты не настолько неоригинален, чтобы тащить свою будущую жену на диван.

Красноречиво глянул на неё, мстительно улыбнулся в ответ на расширившиеся от удивления глаза. Она в картинном ужасе прижала руку ко рту, пробормотала глухо:

— Да сколько раз вы?..

Молча показал ей три пальца. Подумал, добавил еще три.

— Что-то я уже жалею, что не нашла себе парня из вашей братии. Шесть, серьезно? Боги, мне нужно на воздух!

— Мы и так на улице.

— Значит, мне нужна кислородная маска! Маграт, шесть?! — шепотом вскрикнула Эмма. — Бедная девочка, надо выслать ей письмо с соболезнованиями.

И да, шесть — это если не считать всякие глупости, когда я решил поиграть с ней, почувствовать её на вкус, горячую, влажную. Почти нереально для обычного человека, но я и не человек.оборотень. Зверь, жаждущий взять свою самку, войти как можно глубже. Поиметь по-всякому, чтобы знала, кому принадлежит.

Джинни знала. Отдавалась охотно, просила ещё. А я с радостью давал ей всё, чего она хотела, и даже больше. Почти не контролируя себя, насаживал её на свой член, ощущал в руках приятную тяжесть её тела. Кажется, я даже раздеть её не успел, настолько сильным было моё желание, настолько звериным оно было. Да и к чему эти глупости? Они нужны для всякой романтики, а именно её вчера не было и грамма. Только желание, похоть и невероятная, невыносимая нужда в женщине, которую я уже давно должен был сделать своей.

Моя женщина. Моя тигрица, которую я не пометил, только чтобы дать ей хотя бы иллюзию выбора. И она выберет меня, как я выбрал её.

— Эй, Маграт, ты ещё здесь? — Эмма пощёлкала у меня перед глазами, откровенно издеваясь. — Выберись уж как-нибудь из своих эротических фантазий, а то на тебя смотреть тошно! Я не могу работать в таких условиях!

— Можешь и будешь, — отмахнувшись от жарких воспоминаний, мрачно проговорил я. — К нам едут гости. Сенатор Ореентис прибывает в Мозргрин пятнадцатого.

Эмма мигом спала с лица. Не побледнела, не покраснела от ярости. Просто вмиг стала не той Эммой, что я знал и видел каждый день. Другой. Холодной, злой, жаждущей крови.

— Значит, нам нужно подготовиться, — металлическим голосом проговорила она, смяла стаканчик из-под кофе и резким движением бросила его в ближайшую урну.

— Да. Пора сенатору встретиться с праотцами.

— Уже очень давно пора.

47

— Здравствуй, тётушка! — прямо с порога заявил я, входя в кабинет главного ликвидатора округа Греймор. — Слышал, ты основательно взялась за местные вампирятни?

— Слышала, ты основательно взялся за мою дочь? — ехидно парировала она, заставив меня поморщиться. Уверен, это не Джинни поделилась подробностями нашей личной жизни. А вот Эмма могла запросто сдать. Хотя тут достаточно получше приняхаться, в душ-то я с утра не попал. — Да, ещё раз назовёшь меня тетушкой, и твой труп никто никогда не найдёт.

О, ничуть не сомневаюсь в этом. Изара только с виду роскошная южная красотка, на деле же — самая грозная альфа из всех, кого я знаю. Меньше чем за год она нагнула весь Север и заставила местных, не слишком терпимо относящихся к южанам, себя уважать. И, конечно же, загнала под тигриную лапу моего дядюшку.

Едва вспомнил о нём, внутри снова кольнуло — от обиды, разочарования, от стыда за безобразную ссору. Мне ведь на самом деле не хватает его...

Мотнул головой, прогоняя ненужные мысли — ни к чему сейчас думать о Даре, прочих проблемах вполне достаточно.

— Так что там с вампирами?

Изара хмыкнула, в куче папок на своём столе безошибочно отыскала одну и бросила мне.

— На вот, племянничек, проникнись.

Проникаться было чем. Пока инквизиторы искали следы тёмной магии вокруг уже наверняка подуставших от этого медвежьих мумий, Изара вспомнила, что следствие можно вести способами куда более... полицейскими. Велела провести экспертизу, исследовать каждый миллиметр тел. И — вот сюрприз! — нашла именно то, что искала. Под ногтями одной из жертв (то, что осталось от моих беспутных кузенов, звать по имени уже бессмысленно) обнаружили следы крови и частицы кожи. И снова сюрприз — принадлежит всё это добро вампиру. Само по себе оно бы ничего не дало, однако Изара — ищейка ничуть не хуже моего дядюшки. А фактически и ещё лучше. Всего-то сутки прошли с допроса Оливера Маккензи, а моя полосатая тётушка уже поставила всех на уши, пошарила по федеральным базам и выкатилась две дюжины всяков, за которыми предположительно

стоит наш вампир.

— Каждый раз жертвами были довольно значимые персоны. Не миллионеры с известными политиками, но достаточно важные, чтобы после их смерти начиналась какая-то муть, — проговорила Изара, заметив, что я дочитал отчёт. — В одном случае закрылся крупный завод по производству каров, после чего загнулся целый город. В другом ушла с молотка одна из крупнейших шахт по добыче технических алмазов... Что-то не очень похоже на совпадение.

— И никто не нашёл убийцу?

— Искали. Но, как и мы, не там, — она жестом велела мне пролистать отчёт до конца. — Пока не знаю как, но наш милый клыкастый друг неплохо умеет пудрить мозги следствию. Во всех смыслах. Прямо как случилось с Олли.

— И не будь у меня ручного Лоренца, слабого на томные глазища и четвертую отрицательную, мы тоже ничего не узнали бы о вампире.

— В точку. Впрочем, это не решает основной проблемы — мы понятия не имеем, как его найти. Вампиров в Грейморе развелось — жуть, многие еще и прикидываются приличными людьми, так что... Нет, рейды я организовать могу, повод теперь официально есть. Но, сам понимаешь, шумиха может его совсем спугнуть.

Может. И спугнёт. Очевидно, наш подозреваемый — профессиональный киллер, работающий дольше, чем я живу на свете. Он не станет рисковать понапрасну. Заляжет на дно, а потом и вовсе уедет отсюда. Если ещё не уехал, едва до него дошли слухи о новой любимой деточке Александра Тамрита. Ему-то он переходить дорогу точно не будет. Против древней тёмной твари, чей возраст подбирается к пяти сотням, не особо повоюешь умением превращать живое тело в хрустящий снэк.

— Я поговорю с Лоренцем. И вызову Адриану. Им потребуется время, но уверен — что один, что вторая ради своего нового почти-родственничка перероют весь Греймор.

— О, Адриана! Передай этой девчонке, что я всё ещё жду её у себя. Хаос, девица с её талантами обязана стать маршалом! Моим маршалом!

— Ты же знаешь Адри и её отношение к «этой вашей скучной офисной работе», — со смешком возразил я. — И я могу её понять — сколько там Алана не выпускала их с братцем из крепости?

Ретивую мамочку-вампирушу понять тоже можно: давным-давно Лоренц и Адриана, едва обращённые в вампиров, были похищены местной шайкой сектантов, сдвинутых на сияющей чистоте распрекрасной человеческой крови. Ублюдки жестоко измывались над обоими, а их брат Рилас вовсе не пережил ту ночь. Никто из них не пережил бы, не окажись поблизости моего дяди и его грозной жены.

— Если что узнаете, все трое, — тут же сообщайте мне. Никаких геройств, ясно?

Я активно замотал головой, даже руки вверх поднял — мне ли не знать, чем кончаются всякого рода геройства? Ничем хорошим, если углубляться в детали. Это только в кино и всяких глупых книжках один наугад взятый герой способен спасти целый мир; в жизни же всегда стоит доверять подобную работу профессионалам вроде Изары. Да и вообще вампиры — не моя тема.

В отличие от всяких охуевших волчар.

— Кста-ати, — протянул я. — Искал я тут одного героя из твоих. Не подскажешь, где носит гро Ярлака?..

Изара смерила меня крайне выразительным взглядом: мол, как меня достали эти медведи, надо было ехать жить на запад.

— Мальчик мой, да неужто ты наконец сообразил, что у тебя вовсе уведут пару? — изумилась она чуть желчно. — Кроме шуток, Хота, пора завязывать с этим балаганом. Ты же в курсе, что народ уже болтает, будто вы соображаете на троих? Нет? Ха, странно.

— Все претензии к моим бетам, — огрызнулся я. — А ещё к моему начальнику, за которого я делаю всю работу; к двум мумиям в морге и к Оливеру-чтоб-его-Маккензи; к грёбаному вампиру, к моему дядюшке-сутенёру... Нет, не делай такое лицо, я гособвинитель, искать виновных — моя работа! Ах да, теперь у нас есть ещё трижды траханный сенатор Орендис.

На озадаченный и мигом помрачневший взгляд я лишь отмахнулся:

— Мама расскажет, я не в настроении. Но с балаганом покончено — Джинни теперь со мной. Осталось только хорошенько почесать кулаки о гро Ярлака. Ты же не собираешься его от меня

прятать до конца его унылых дней?

— Делать мне, по-твоему, нечего? — возмутилась Изара, поморщившись. — Выходной у него. Где стая живёт, сам знаешь. Брендан наверняка найдётся там же; небось обложился сестричками, как подорожником, и лечит израненное эго... ах, простите, сердце!

— Джинни не понравился ужин? — уточнил я, не в силах сдержать злорадную улыбку.

— Джинни не понравились домогательства. Брендан позволил себе лишнего и вполне ожидаемо получил меташокером промеж глаз. От меня бы тоже огрѐб, но на него и так смотреть жалко. Прощение собрался вымаливать, уж не знаю как. Да и знать не особо хочу.

— Что, прости? — с трудом выговорил я. И почти тут же потянулся за коммом.

Почему она мне не рассказала, почему я узнаю о грязных приставаниях грязного волка от её матери? Да Хаос побери, я же его выпотрошу, а кишки пушу на колбасу! Буду прав. Никто не смеет подобным образом оскорблять женщину моего клана. Мою женщину!

— Хотя, притуши, — остановила меня Изара, когда я уже почти набрал Джинни. И почти выскочил за дверь кабинета. — Моя дочь умеет за себя постоять, это во-первых. Во-вторых, сотвори он и в самом деле что-нибудь эдакое, мы бы уже топили его труп в реке.

— Ага, понять и простить, так что ли, Из? — зло выплюнул я.

— Да щас! Никаких прошу — набей козлу морду, раз уж мне не вроде как не положено! Только совсем не убивай, будь любезен. У него отчеты не написаны, вампир не пойман, да и вообще работы полно.

— Пальчиком ему не погрозить?! Из, ты требуешь невозможного!

— А мне пофиг, — отрезала она. — Угровишь моего охотника — будешь пахать на благо родины в две смены, за него и за себя. Уяснил, проникся?

— Ничего не обещаю, — только и буркнул я, прежде чем выскочить за дверь.

Вот знал же, знал, что ничего хорошего от волков ждать не стоит! Надо было сразу к нему ехать, а не покупать Лоренцу собственного некроманта. И уж точно не разбираться со сволочным дядюшкой! Только время зря потратил, хотя мог бы уже закапывать Ярлака в лесочке. До реки волочить этот мешок с костями я точно не стал бы.

Подумал, да так и замер на месте. Потащись я к ублюдку, кто знает, оказалась бы Джинни в моей постели? А ещё на моём столе, и на диване, и на полу в моей гостиной, и...

Ну ладно, кое за что Брендана стоит поблагодарить. Или, по крайней мере, не убивать сходу и насовсем.

48

К счастью — для меня, но вряд ли для Брендана, — с благодарностями тянуть не придётся. Это медведи норовят забраться поглубже в леса, выстроить там берлоги поуютнее и обнести всё это дело забором повыше — чтобы людишки не мешали спать по ночам и вообще поменьше лезли в нашу жизнь. Волки же ребята компанейские. И жрать любят мясо, которое куда проще купить в супермаркете, чем гоняться за ним по лесам.

В общем, до стаи гро Ярлака я добрался быстро. Всего-то свернул к окраинам Моэргрина. Никаких каменных чудищ наподобие тех, что высятся в центре города, тут нет — обычный жилой район. Только заканчивается у самого леса. И люди здесь если и живут, то лишь потому, что волки ещё не всех распугали. Хотя воют по ночам наверняка жутко.

Представил, что вот всё это добро могло бы обитать рядом с Таненгревом, и передёрнулся. Нет уж, обойдѐмся без таких соседей. Медведям в принципе соседи без надобности, любой из нас преспокойненько провёл бы остаток жизни в одиночестве, обложившись разве что подходящей парой и медвежатами. Но жить кланом проще. Особенно на севере: зимы здесь порой случаются такие, что всем впору устраиваться спать в одну берлогу.

Разыскивать гро Ярлака мне не пришлось: он ждал меня чуть ли не посреди улицы, вальяжно расевшись на скамейке в сквере у дороги. Не один, в компании трех подпевал. И не скажу, что меня это удивило; волки — стайные животные. Особенно когда им что-то грозит. Кто-то грозит. Вроде меня.

Значит, узнал, что я еду сюда. Не знаю откуда, но и плевать; слухи в нашей среде расходятся быстро. Особенно те, в которых фигурируют имена вожаков сильнейших кланов Севера. Не

удивлюсь, если сама Изара предупредила своего волчонка. Исключительно ради веселья. Странно, как ещё сама не приехала, я бы вот ни капли не удивился.

— Отзови своих блохоловок, — заявил я, едва выйдя из кара. — Я один. Пояснить зачем, думаю, не нужно?

— Какие гости в нашей скромной обители, — протянул Брендан, одарив меня надменной улыбочкой и взглядом из серии «имел я тебя в виду». — Увы, мистер прокурор, блохоловки никуда не пойдут. Это мои свидетели. Но где же твои?

— Свидетели чего, твоего унижения? — едко усмехнулся я.

По негласному протоколу нашей меховой братии, всякий приличный альфа, бросивший вызов другому альфе, действительно должен притащить с собой кого-то из своих бет. С древних времён это тянется. Тогда мало было просто подраться, следовало ещё выяснить, кто кого и куда послал первым — чтобы банальная драка не вылилась в кровавые разборки кланов.

Наверное, всё же стоило позвать хотя бы Арти. Уж он-то с охотой потащился бы «удерживать твою медвежью задницу от неприятностей, братик». Наверняка ведь целый год будет ныть и шипеть на своём кошачьем, какой я безответственный мудила. Но серьёзно, заботиться о каких-то там протоколах ради вот этого самоубийцы?

— Моего унижения? — Ярлак высокомерно дёрнул бровью и наконец поднялся. — Мальчик, не много ли ты о себе вообразил?

— В самый раз, — заверил я как мог невозмутимо, хотя от снисходительного «мальчик» захотелось вцепиться в глотку сопернику прямо сейчас. Можно подумать, я его младше не на шесть лет, а на целую сотню. — Мне ни к чему группа поддержки; оставь эту старомодную херню моему дядюшке. Ну да ладно, пусть будут, раз тебе одному страшно.

Брендан хмыкнул, провёл ладонью по своим белёсым патлам, убранным в дурацкую гульку на затылке, и шагнул навстречу. Он чуть ниже меня, чуть мельче и наверняка слабее... но оболящаться было бы глупо. Моя сила и выносливость против его несомненного умения надирать задницы оборотням, вампирам и прочей сверхъестественной шушере.

— Я уж думал, ты никогда не придёшь, — негромко произнёс он, зыркнув на меня точно так же оценивающе, как и я на него. — Полагаю, ты и пришёл-то лишь потому, что над тобой скоро начнут смеяться в открытую. Хотя гро Маграт, медведь без когтей! А ещё без яиц и без крови в жилах.

Сказал волк без башки. Ну, пока ещё с башкой, но я это мигом исправлю.

— Тебе совсем поговорить не с кем, Ярлак? Сожалею, но я здесь не для этого.

Брендан усмехнулся, вызывающе обнажив волчьи клыки. Тоже мне, нашёл чем выпендриться.

— Ты сам-то понимаешь, зачем ты здесь? — выдал он, внезапно повысив голос. — Признай уже — Реджина тебе неинтересна! Просто редко какой Маграт способен не навязывать себя женщине против её воли. Яблочко от яблони и всё такое.

— Серьёзно, Брендан? — тут уж я откровенно позабавился. Разозлился тоже, это верно, но растрачивать ярость до схватки — гиблое дело. — Это не ты ли намерен получил заряд из меташокера?

Ему хватило совести смутиться, однако он тут же пожал плечами и заулыбался с таким видом, точно мы не альфы, готовые вцепиться друг другу в горло, а парочка шушукающихся подружек.

— Поначалу она не шибко-то сопротивлялась. Девчонки перед течкой такие капризные — сами не знают, чего хотят.

Ну вот и кто он после этого, если не самоубийца?

— Ну уж точно не тебя. Какая тигрица захочет облезлого волка, когда есть я?..

Он купился. На дурацкое, почти детское оскорбление. Или не на него — ну в самом деле, сложно не понять, что я имел в виду. Тем более что на мне всё ещё можно почуять запах Джинни, не так, как было бы после метки, но...

Старая как мир уловка — заставь соперника напасть первым, чтобы он совершил ошибку. Нет, иллюзий я не питал и на совсем уж безмозглую ярость не надеялся. Но от попытки сходу засадить мне под рёбра ушёл. Заставил Ярлака повернуться к себе спиной. Ненадолго, всего на пару мгновений. Но этого хватило, чтобы пнуть его под коленями, заставить потерять равновесие.

Он не упал. Жаль, но ожидаемо; я и не рассчитывал.

Как и не рассчитывал всё же получить под ребра — да с такой силой, какую медведь не может ожидать от волка.

Всё же Ярлак хорош. Силен, быстр, проворен. Куда более ловок, чем я, и тренирован лучше. Пару раз у него вышло опрокинуть меня на землю; острые волчьи зубы сверкнули в опасной близости от шеи...

Мне удалось его сбросить. Пришлось выпустить медвежьи когти, процарапать Ярлаку бок. Он взвыл, отстранился, давая мне время вскочить на ноги. Кто-то сказал бы, что это нечестно, но о чести в драке треплются только слабаки. Ты либо побеждаешь, либо умираешь. А в кровавых разборках с врагом чести нет и быть не может.

В кровавых — это буквально. Я отвлёкся на жалкое мгновение, не заметил обманного маневра, а острые когти уже полоснули меня по лицу. Сукин сын, чуть без глаза не оставил! И тут же тяжёлый кулак что было сил въехал мне прямоком в солнечное сплетение.

Дерьмо. Сверкать мне распаханной мордой ближайшую неделю, раны, нанесенные другим альфой заживают долго. Еще и вдохнуть получилось не сразу, отчего даже показалось, что я проиграю.

Я — грязному волчаре!

Этого я стерпеть не мог и больше обмануть себя не дал. Вовремя успел схватить Брендана за предплечье, развернул спиной к себе, коленом ударил в поясницу. Ещё немного, и непременно сломал бы ему позвоночник, но первой хрустнула рука. Брендан рухнул на землю, утягивая меня за собой и заставляя навалиться на него. Я удержался, сильнее вывернул уже сломанную руку. Зубы вонзился в плечо, когтями распахал ему спину, от шеи до самой поясницы. Чужая плоть невыносимо мягкая и податливая, запах крови щекочет нос, вызывая жажду насилия и смерти...

Изувечить. Убить. Вырвать горло наглому выблядку, посмевавшему претендовать на то, что моё. Я Хотя гро Маграт, и мне ничего не стоит разорвать на куски любого альфу на Севере.

Не стал. Остановился. Пусть знает и он, и вся его блохастая семейка, что я не сын своего отца.

Брендан подо мной дышал. Еле слышно, уже вырубившись не то от болевого шока, не то от потери крови. Но дышал. И пульс медленно бился под пальцами.

Вот и славненько. Неохота мне в маршалы переучиваться.

49

Я поднялся. С трудом, надо признать. Ярлак хорош в драке. Из него вышел бы отличный союзник, если уж совсем начистоту. Вышел бы, не будь он так охоч до чужого.

— Что встали? — рыкнул я на волчьих бет, бестолково замерших поодаль и в ужасе глядящих то на меня, то на ошмётки своего альфы. — В больницу его тащите. Хотя дело ваше: сдохнет, я рыдать не буду.

— Тебе бы самому не помешало.

Пока двое волков поднимали своего неудачливого альфу, третья подошла ко мне и замерла напротив. Есть в ней что-то знакомое, но что именно — вспомнить так и не смог.

— А тебе-то что за дело?

— Беспокоюсь, — хмыкнула она, сложив руки под пышной грудью. — По старой памяти.

Что за память может связывать меня с волчицей, я понял не сразу. Кое-как сообразил, глянув на весьма впечатляющие формы, и смутно вспомнил, где я уже видел светлые волнистые волосы и слышал этот голос. Тогда мы, правда, совсем не разговорами занимались.

— Тина?..

— Тереза, — всё с той же усмешкой поправила она, прежде чем приблизиться. Помогла оттереть кровь с виска и брови, дотронулась до разбитой губы. — Да ты прямо красавчик, знаешь?

— Ага, как и всегда, — я решительно отпихнул её руку — не хватало ещё, чтобы от меня пахло другой женщиной. — Отвали, всё нормально.

— Брен тебе кучу ребёр переломал. Не выделяйся, Маграт, и давай ключи, — она протянула ладонь, будто всерьёз ожидая, что я позволю ей сесть в свой кар. — Отвезу тебя в больницу. Не

хватало ещё, чтобы у нас тут прокурор помер.

Нет, она и впрямь ждала, что я соглашусь? Смеяться было больно; звук, вырвавшийся из моего горла, похож скорее на кашель. Даже отвечать ей ничего не стал, просто направился к машине. Блядь, с рёбрами и впрямь беда. И с ключицей что-то — понял, когда дёрнул на себя ручку дверцы и чуть не взвыл.

— Маграт!

— Ты не сядешь в мою машину! Нет, ни за что. Не хватало ещё, чтобы от обивки несло псиной.

Она поняла, в чём дело. Не могла не понять. Но не обиделась, усмехнулась снова, опять подошла. На этот раз — чтобы помочь мне захлопнуть дверь. Ладно, это вполне уместно, учитывая, что любое движение левой рукой отзывается чудовищной болью.

— Мне стоит извиниться? — поинтересовалась Тереза, когда я кое-как устроился и смог завести машину. — Ты знаешь за что.

Стоит ли? Вот уж не думаю, что за наши развлечения пятилетней давности должна извиняться она. Да и никто уже не должен. Мысль, что ту страницу прошлого нам всем давно бы пора перевернуть, пришла внезапно, чёткая и ничуть не менее острая, чем когти и зубы Ярлака.

Я покачал головой. И, подумав, вернул ей усмешку.

— Просто держись подальше от Реджины. Если она захочет твою голову в нарядной корзиночке — она её получит. А я вмешиваться не стану.

Волчица на это понимающе кивнула. Держу пари, в этой драке она болела за меня: не потому, что я такой красавчик (хотя и не без этого), а просто из страха, что её вожак возьмёт в пары Реджину. Есть чего испугаться; моя киса мстительна, злопамятна и страшна в гневе.

Ну да, мне бы и самому не следовало сейчас ехать к Реджине — вот уж кто явно не одобрит ни этой драки, ни того, что я едва могу шевелиться. Грёбанный Ярлак!.. Но мой зверь прямо-таки требует забраться в уютную берлогу, пожрать, зализать раны. И ни в какую не желает считать таковой мою квартиру.

Не в квартире тут, конечно, дело. Я просто должен оказаться рядом с моей Джинни. С женщиной, за которую я пролил кровь и получил раны.

Как доехал и умудрился не собрать все столбы по дороге — так и не понял. Не иначе чудом и волей Хаоса. В голове мутно, не до слабовольной потери сознания, но всё же соображать выходит с трудом. Как и следить за дорогой одним глазом, потому что второй безжалостно заплыл и болит. А вот воротам, ведущим во внутренний двор, не повезло — я всё же не смог рассчитать расстояние и задел их бампером.

Да и хер с ним, сойдёт за стук. Сейчас моя киса спустится и заберёт меня, потому что сам я вряд ли дойду в ближайшую вечность...

Киса не спустилась. И закралось нефиговое такое подозрение, что спускаться просто некому.

Кое-как выбрался из салона, доковылял до крыльца, попутно прихихиваясь. Похоже, в доме Джинни нет — след относительно свежий, начинается возле входной двери и теряется где-то в зарослях можжевельника. Гулять ушла, что ли? Ладно, буду надеяться, что недалеко и ненадолго. Если услышала, как я поприветствовал бампером ворота, значит, скоро будет здесь.

Морщась от боли, неуклюже уселся прямо на крыльце, рядом с аккуратно сложенной кучкой одежды. В дом ползти уже сил нет, да и немного стрёмно: жизнь с тигриным прайдом приучила меня не лезть без спросу в их логова. Медведи тоже не любители делиться, но тигры с их территориальной агрессией — это просто кошмар...

Очень прехорошенький кошмар, что уж там. Полосатый. Даже сейчас я не мог не улыбнуться, едва заведя тигрицу — огромную, но ничуть не грузную, поразительно изящную для таких габаритов. Самую красивую из всех. Огненная шкура лоснилась под летним солнцем, массивные лапы ступали по траве на удивление бесшумно, а круглые уши забавно шевелились. Похоже, большую кису растревожил запах крови. А уж едва она поняла, что он исходит от меня — вмиг оказалась рядом и, басовито муркнув, с явным беспокойством заглянула мне в глаза. И тут же принялась зализывать мои раны, заставляя одновременно смеяться и морщиться от дискомфорта.

— Прекрати, ну больно же... Ай! Джинни!

Мне ответили крайне выразительным кошачьим взглядом — мол, сам-дурак-виноват. Я вздохнул и

протянул руку — правую, относительно здоровую, — чтобы, как в старые времена, шутливо щёлкнуть свою тигрицу по шершавому носу и запустить пальцы в роскошный мех.

Это я вовремя проделал: совсем скоро приятная жёсткость тигриной шкуры сменилась бархатистой гладкостью девичьей кожи, а громадные лапы стали изящными женскими руками. И только глаза остались прежними — жёлтые, хищные, свирепые. Полные ярости.

— Надеюсь, ты на нём живого места не оставил, — тихо выдохнула Реджина, восхитительно обнажённая и пугающе злая. — Иначе мне придётся это исправить.

— Чуть-чуть оставил, — признался я недовольно. — Прибил бы мудака с радостью, да ведь моя будущая тёща мигом сделает из меня маршала. А я не хочу, у них костюмы носить некуда.

Реджина окинула меня возмущённым взглядом, сложила руки на груди.

— Будущая тёща, значит? Да кто в здравом уме согласится пойти замуж за такого самоуверенного засранца?

— Ты, Джинни, — обрадовал я. — согласишься. И пойдёшь... — потянулся было к ней, но тут же зашипел — потревоженная ключица мигом напомнила, что красивые девочки только для здоровых мишек. — При условии, что я доживу хотя б до завтра.

Моя тигрица уставилась на меня с явным раздражением — как, мол, меня достала эта косолапая напасть, — но потом вздохнула и укоризненно покачала головой. Уложила лёгкую ладонь мне на лоб, точно проверяя температуру; и я вдруг с изумлением ощутил, что боль притупилась. Не ушла, однако хотя бы сделалась терпимой.

— Не уверена, что тебе ничего не сломали, — произнесла Реджина, встревоженно хмурясь. — Хотя, надо в больницу...

— Нет.

— Давай хотя бы позовём Олли, чтобы он снял боль и!..

— Дважды нет! — поспешно открестился я. — Никаких оленей, если только они не в моей тарелке!

Реджина сердито фыркнула, упёрла руки в бока. Занятное зрелище, учитывая, что она сидит рядом со мной голая.

— Отлично, всегда мечтала овдоветь до свадьбы!

— Очень зря, — буркнул я. — Джинни, оденься, Хаоса ради. Я отказываюсь смотреть на вот это всё, не имея возможности облапать!

— Ой, да чего ты там не видел?

Она ехидно сощурилась, откинула волосы за спину, будто предоставляя обзор получше. Но потом сжалилась, натянула на себя безразмерную футболку с дурацкими мультяшными котами. И, подарив мне очередной обеспокоенный взгляд, снова склонилась надо мной.

— Давай, медвежонок, поднимайся. Найдём тебе кроватку и какой-нибудь целительный подорожник.

— Ты моя мамочка, что ли? — возмутился я, поднявшись не без её помощи и почти повиснув на ней. — Нахер подорожники, лучше найдём пожрать. Мяса, а то твой несостоявшийся любовничек был невкусный.

Джинни ущипнула меня за бок, заставив зашипеть — больное... всё такому обращению не обрадовалось.

— Ладно, — подумав, проворчал я, — зови своего оленя. С Лоренцем! Никаких прогулок в одиночестве!

— О, ты так мило заботишься об Олли, — язвительно протянула она. — Я почти ревную.

— Забочусь я исключительно о себе! Если не приду завтра на работу, Эмма меня убьёт. А если что-то случится с Маккензи, меня убьешь ты.

— Ты совсем спятил, какая работа? — возмутилась Джинни, чуть не сбросив меня со своего плеча. Эх, моя горячая девочка, и вот почему я сейчас не в форме?..

— Ладно, послезавтра. Но мясо — сейчас!

— Напомни, зачем я с тобой связалась? Никакого ж толку, одни убытки!

Я напустил на физиономию побольше пафоса и скучным прокурорским тоном изрёк:

— Было бы странно, если бы ты не связалась со своим наречённым, единственным и неповторимым, что предназначен тебе самой судьбой. Или какую там лапшу нам вешают на уши?..

— Я развожусь с тобой.

— Эй, погоди, дай хотя бы поженимся!

50

— Нет, нет, нет, нет, — донеслось до меня злобное бормотание. — Нет! Хаос, куда ты вечно деваешь все подходящие платья, когда они нужны!

Я фыркнул и покачал головой. Уж в чём в чём, а в отношении всяких нарядных шмоток моя Джинни прямо девочка-девочка. Гардероб у неё монструозных размеров, и, так подозреваю, раскопки могут занять прилично времени... однако же я не в претензиях. Какой здоровый гетеросексуальный мужик будет против, когда красивая девушка разгуливает перед ним почти в чём мать родила? Не считать же за одежду чулки, туфли да очередное ажурное бельё, которое так и хочется содрать поскорее.

— Походи в таком виде ещё немного, и мы точно сегодня никуда не поедем, — всё же пробормотал я, закинув руку за голову и поудобнее устроившись на постели. Плевать, если костюм с рубашкой помнутся — в кабинет вернулся запасной комплект одежды, и если что, первый заместитель окружного прокурора лицо не потеряет.

Хотя... уже потерял, в самом что ни на есть прямом смысле. Достаточно вспомнить реакцию Дакея, когда я объявился в родной прокуратуре. Эмма-то всего лишь многозначительно хмыкнула — её я предупредил заранее, что буду с волчьим автографом на всю морду, — а вот начальничек при виде такого прекрасного меня вытаращил глаза, запыхтел что тот чайник и решил прочитать мне очередную лекцию о клятых меховых заёбах, которые «портят мою репутацию, Маграт!»

Предположим, репутацию ему портят вовсе не чьи-то заёбы. И уж точно не моя расцарапанная физиономия. Скорее, гора несделанной работы и несколько затянувшихся процессов — а всё из-за того, что этот мудака уже давно позабыл, как выписывать ордера на аресты и обыски. И куча, куча попросту непросмотренных документов, к которым я официально даже притрагиваться не должен!

В общем, не вышло у меня больничного — пришлось возвращаться в стены родной прокуратуры, едва чуть поджили ребра. И да, получить за это целую гору кошачьего неодобрения.

— Хотя, нет, — отбрила меня Реджина, даже не обернувшись. Да-да, именно вот этого неодобрения. — Никакого секса, тебе пора на свою любимую работу. Да и мне тоже. Красное или зелёное?

Я окинул равнодушным взглядом две одинаковые с виду тряпки.

— Ты же знаешь, я люблю свою девочку без ничего.

— Придурок, — фыкнула Реджина, снова отворачиваясь. Однако я успел заметить, что она улыбается. — Хочешь, чтобы я пошла прямо вот так? А что, я могу. Мой милый Джонни наверняка оценит.

Само собой, «милый Джонни» получит от неё разве что знаменитым шокером по яйцам, но я всё равно аж чуть на постели не подскочил от возмущения. Ещё чего не хватало! Нет уж, ни хрена подобного, вся эта красота теперь только для моих глаз.

— А ты хочешь, чтобы я устроил геноцид мужскому населению Моэргрина? — протянул как мог невозмутимо. — Я тоже много чего могу, кисонька.

— Пф, ты всего лишь Хота.

Наконец-то наигравшись с вешалками, моя вздорная киса скрылась в ванной, а я вздохнул с облегчением. Смуглая ладная девчонка в похабном бельишке — это, конечно, пир для глаз, но надо и работать хоть иногда. Кто-то же должен, в конце концов!

Но это с точки зрения здравого смысла. А безмозглые инстинкты вопят, что надо хватать своё и прятать в берлогу — и чтобы никто дыхнуть не смел. Мнение «своего» при этом не очень-то важно... Нет, я, конечно, собственник ещё тот, но это уже почти за гранью нормальности.

Правду говорят: вынести гон рядом со своей парой гораздо сложнее, чем без неё. Крыша едет только в путь. Пару дней назад вот чуть единственного брата не сожрал. Хаос, я ведь обычно не

принимал всерьёз приставания Арти к Реджине! Он всегда видел в ней только родню, да и вообще втюрился как дурак в свою противную девицу-лисицу. Как вообще так вышло, что я на него набросился?..

Арти, к его чести, даже не стал слушать мои неловкие извинения. Оборжал нещадно и сказал, что вернётся лапать свою любимую кузину через пару недель, когда мы вдоволь натрахаемся и станем хотя бы отдалённо напоминать приличных нелюдей.

Тут, кстати, проблемка. Ибо Джинни, которая ещё недавно сама была готова завалить меня в любое время дня и ночи, теперь вредничает и постоянно отшивает.

Бойтся меня. Бойтся показать горло, бойтся поверить, бойтся передать мне контроль над ситуацией. Да, это обижает, расстраивает, злит ужасно, вот только я понимаю — то абсолютное доверие, которое когда-то было между нами, никак не восстановить неделькой убойного секса. Поэтому могу лишь молча беситься и терпеть.

Грёбанный Прядильщик с его любовью к сюрпризам, ну как же невовремя вылезла вся эта гормонально-нестабильная хрень. Но что поделать? Придётся как-то пережить это. Вместе. Потому что одну я Реджину не оставляю, о других мужиках в её кошачьем домике даже говорить нечего. И думать-то не выходит без желания что-нибудь разнести!

— Ну, как я выгляжу?

Да ладно. Как будто сама не знает, что я посчитаю её неотразимой, даже если она вырядится в мусорный мешок. Платье, впрочем, посимпатичнее будет. И поскромнее, чем я ожидал. Зелёное. Так и знал, что она выберет свой любимый цвет.

— Слишком одетой, — проворчал я, подходя ближе и машинально притягивая Реджину к себе. Огладил тонкую талию, устроил ладони на крепких ягодицах. — Чего это ты вдруг подалась в скромницы?

— В скромницы? Ну разве что в твоих мечтах, медвежонок, — засмеялась Реджина, взъерошив мне волосы. Ей мои дурацкие кудряшки по-прежнему нравятся куда больше, чем мне самому. — И потом, с каких это пор мужчин волнует одежда? Вам всем куда интереснее то, что под ней.

Я нахмурился и, чуть отстранившись, снова окинул её оценивающим взглядом. Платье едва выше колена, со скучным вырезом лодочкой, но облегает как вторая кожа, подчеркивая каждый изгиб тоненькой фигуры и прямо-таки предлагая проверить, есть ли под ним хоть что-нибудь. Будто этого недостаточно, Реджина уложила свои густые тёмные волосы мягкими волнами и собрала на затылке, открывая точёные плечи и изящную шею.

Шею, на которой должна быть моя метка. Давным-давно должна быть! Но её нет, и это выводит из себя.

— Отдам тебе должное, кисонька, ты знаешь толк в мужиках, — протянул я, за насмешкой стараясь скрыть охватившую меня ревность. Жуткую, нелепую и сейчас совершенно безосновательную. — Сколько их было? Десяток, два, три? Ещё больше?..

— Как будто ты достался мне девственником! — огрызнулась Реджина, в гневе отпихнув меня. — Не сомневаюсь, что твоими подружками можно заселить приграничный город; а вот мне для подсчёта вполне хватит пальцев одной руки. С запасом. Ну, доволен? Тогда захлопни пасть и шуруй на выход, работа сама себя не делает!

Мне бы впрямь заткнуться и пойти подумать над своим поведением. Но вместо этого я шустро метнулся следом, обеими руками обхватил свою рассерженную тигрицу и прижал спиной к себе.

— Доволен? О нет, Регинхильд, — нарочито медленно протянул я, делая акцент на имени. Знаю же, что это её бесит. — Я всё время зол и ужасно взвинчен. И ты прекрасно знаешь почему, не правда ли?

— Не правда ли.

Я со смешком покачал головой и коротко прижался губами к обнажённому плечу. Едва сдержался, чтобы не прихватить его зубами — с каждым днём терпеть всё труднее и труднее.

— У тебя течка, Джинни... совсем скоро начнётся, со дня на день. Понимаешь, что это значит? — я устроил руки на её животе, поднялся выше, сжал ладонью грудь, так удобно умеющуюся в ней. — Я повяжу тебя. Поимею во всех возможных позах, какими угодно способами. Столько раз, что пощады запросишь...

Реджина шумно выдохнула, откинула голову мне на плечо. И тут же, словно испугавшись своей

слабости, дёрнулась в моих руках. Не очень подходящее время я выбрал, чтобы помечтать: предмет моих неприличных фантазий нынче упорно отказывает мне в сексе. А теперь ещё и злится. Не без причины, должен признать.

Вот кто меня вообще за язык тянул? Она права: я сам к ней не трепетным девственником явился, не мне и кидать в кого-то камни. И плевать, кто там был до меня; главное, что никого другого не будет.

— Как мило с твоей стороны, медвежонок, — язвительно пропела Реджина, высвобождаясь из моей хватки. — Вот только это не значит, что по такому случаю я напрыгну на тебя с воплем «Свободная вагина!» А может, я вовсе не хочу связаться с нахальным козлом, который даже пометить меня не соизволил!

От такого возмутительного заявления мой внутренний медведь едва не заревел в голос. Мне — нам! — отказывают в праве взять своё? Да не бывает этому!

— Ты это сейчас серьёзно? — выпалил, уже не скрывая бешенства. — Думаешь, я оставлю тебя? Позволю кому-то другому прикоснуться к тебе?

— Зачем? Раньше я прекрасно справлялась сама, — сухо заметила Реджина. Румянец, разлившийся по её щекам, меня почти рассмешил — так это девчоночье смущение не вяжется с надменным тоном строгой училки. — А теперь, если не хочешь получить в зубы или на правах соперника сожрать мой вибратор, предлагаю тебе отвалить на фиг.

Не дожидаясь ответа, она вышла из спальни и звонко застучала каблуками по лестнице. М-да, сдаётся мне, на работу мы сегодня едем раздельно.

51

Догнать Реджину и продолжить этот нелепый разговор я не пытался. Не сейчас, и так есть над чем подумать. Выходит, моя девочка всё это время мучилась в одиночестве? Никого не подпускала к себе, никому не позволяла увидеть себя беспомощной и на всё согласной... По крайней мере, теперь понятно, почему она такая несносная.

Я буду первым альфой, которому она позволит себя повязать. Первым и единственным.

Или не буду. Судя по брошенным в запале словам, Джинни здорово злится, что я так её и не пометил. Вот и слушай после этого дядюшкину брехню про выбор женщины! То женщина, а блядские кошки так и норовят переложить на тебя и выбор, и его последствия. Вот что тут прикажете делать?

Ладно, потом разберёмся. Если опоздаю второй раз за месяц — Эмма меня со свету сживёт шуточками про мою завидную потенцию.

Когда вышел на улицу, отвратительно зелёная «Эскада» уже сворачивала на главную дорогу. Ненавижу эту машину. И Реджину порой тоже, хоть и понимаю, что в этом утреннем междусобойчике мы оба не виноваты. Только наше звериное нутро, порой сводящее на нет все благие начинания.

Ну и фиг с ним. К вечеру отойдёт, да и мне есть на ком сорвать злость.

— Скажешь хоть слово, и я начну искать новую секретаршу, — бросил я, едва добравшись до работы и отняв у Эммы вожделенный стаканчик с кофе.

— Всего-то хотела похвалить за пунктуальность! — заявила эта нахалка, ничуть не уstraшившись моего отнюдь не доброго взгляда. — Семь пятьдесят пять, мистер Маграт! Я прямо как в прошлое вернулась!

— Я опоздал всего один раз! За пять лет! А отгулы и вовсе взял впервые, имей совесть, женщина!

— Один раз, зато как эффектно! — ехидство в её голосе можно черпать ложками.

Нет, что за девицы меня окружают? Или не только меня, и это участь всех мужчин — страдать от женской язвительности?

— Ну всё, ты уволена. Верни мне ключ от кабинета и потерянные пять лет моей жизни. На нервные клетки не надеюсь.

Я всучил ей обратно стаканчик с кофе, уже пустой, и направился вверх по лестнице.

— Ха! — послышалось мне вслед. Каблуки её туфель застучали по камню, давая понять, что оставлять меня в покое Эмма не собирается. — Ты не можешь меня уволить, я слишком много знаю!

— Ничего ты не знаешь, — возразил я, возвращая ехидную усмешку, — у меня кристально чистая репутация.

— Был бы прокурор, а компромат найдётся, — отнюдь не двусмысленно заявила она, испортив настроение ещё больше. — Уж нам ли с тобой не знать.

Зря она напомнила об Ореентисе. Настроение, и без того препаршивое, покатило в бездну. До его звездного визита осталась всего ничего, а я вовсе не уверен, что готов к его приезду. Нет, красную дорожку перед его сенаторской задницей я расстилать не собираюсь. Только ту, которая может завести его за решетку. И сделать это нужно именно здесь — на территорию Греймора его сенаторская неприкосновенность не распространяется. Главное, найти подходящий повод. Любой, от сомнительных встреч, без которых он не обойдется, до штрафа за парковку.

Всего пары часов в допросной мне — а точнее, Лоренцу, — хватит, чтобы расколоть ублюдка, заставить его признаться во всех преступлениях, даже с истекшим сроком давности. Пара часов — и Ореентис наговорит на пожизненное. Смертная казнь устроила бы меня больше, но...

— Ладно, что у нас на повестке дня? — Эмма кивнула на стопку одинаковых папок на её столе. — Все срочные?

— А у нас бывают другие?

Не бывает. У прокуратуры, полиции и маршалов большая часть дел попадает под незабвенное «сделать ещё вчера». Причём совершенно не важно, что вчера стопка была точно такой же и даже больше, а ты засиделся до полуночи и, казалось бы, всё уже разгреб... Инквизиторам чуть проще — на них только дела о неправомерном применении магических способностей, а это уже в десятки раз меньше работы. Правда, и простых дел там почти не бывает. Чего только стоят высохшие мумии моих косолапых родственников.

Дверь в кабинет открылась, когда я почти ненавидел свою работу. Домой бы сейчас. Забиться в берлогу, обложиться жратвой повкуснее и послаще, заграбастать себе под бок свою женщину... А не вот это всё с Дакеем и макулатурой. Плохо дело — гон близко. Только в это время я всерьёз начинаю подумывать о карьере автомеханика, где гайки и болты перемежаются с банками из-под пива.

— Скажи, что ты принесла мне кофе, — не поднимая головы, потребовал я.

— Не кофе, — поспешила разочаровать Эмма. — И не принесла. Он сам пришёл.

Я мигом отложил папку и выпрямился. Кого ещё принесло в мою нескромную бюрократическую обитель в... половину шестого? Поздновато для визитов, как по мне.

Приглашения неведомый визитёр дожидаться не стал и протиснулся мимо Эммы, очевидно, успев убедить её в крайней важности своей персоны. Я бы поспорил — кофе все ещё кажется куда большей необходимостью, чем любые посетители.

— Я... — начал он, но я прервал его жестом.

Незванный гость при желании вполне сошёл бы за родного братца Изары. Волосы чёрные как смоль, глаза точно две головёшки, кожа приметного бронзового оттенка... Словом, южанин. (Впрочем, для нас все родившиеся ниже приграничья — южане.) Будь я женщиной или любителем мужчин, счёл бы его красавчиком. Хорошо одетым красавчиком — дорогой костюм, дорогие же туфли и портфель из хорошо выделанной кожи. Ну прямо-таки корпоративный юрист на гонораре в тысячу за час...

Не юрист, конечно же. Грёбанный боевой маг.

— Железный Ковен, платиновый резерв и бла-бла-бла, — протянул я чуть насмешливо, откинувшись на спинку кресла. — Ошиблись кабинетом или округом, майор?

Мегар Хартасерра чуть заметно скривился. Наверняка хотел скорчить рожу ещё сильнее, да негоже терять лицо.

— Вы много знаете, — не спросил, но констатировал он. — По крайней мере, для наглого юнца, вообразившего себя окружным прокурором.

— Заместителем окружного прокурора, — поправил я. — Пока ещё. Но не вообразил, меня назначило ваше многонеуважаемое правительство — к ним и претензии. Думаю, с кем-то вроде вас они охотно поделаются информацией о моих заслугах перед родиной. В столице вообще много болтливых людишек.

Мегар понял. Понял, что я знаю о нём, о его заслугах и регалиях вовсе не от Джинни. Что наводил

справки и что имею на руках папку с его личным делом. Однако он лишь недовольно дёрнул щекой, прошёл в кабинет и, едва дверь за ним захлопнулась, уронил на стол свой портфель.

— Нет у меня претензий, — буркнул он. — Мне вообще плевать на тебя и на всю вашу промерзшую насквозь дыру. Но ты прав, в столице много болтают. Например, о том, что охамевший северный сопляк копает под сенатора Орентиса, каждая собака знает.

На этот раз пришла моя очередь кривиться. Не от «сопняка» в свой адрес (тоже мне, папочка сыскался). И даже не от оскорбительного пассажа в адрес моей родины.

От того, что он тоже копал под меня, а если нет... Признаюсь, на миг я запаниковал. Если о моём расследовании известно Мегару, то знает и Орентис. Не то чтобы я питал иллюзии, но одно дело слухи, а совсем другое — уверенность, что я под него копаю. Как могу и как успеваю, не обязательно успешно. Но копаю. А учитывая привычки Орентиса стирать с лица земли неугодные ему города и округа, моя жизнь — и жизнь всех моих близких — в серьёзной опасности.

Надо сообщить матери. Заставить её закрыть границы — и пусть сенатор мёрзнет в приграничье до следующей весны, пока мы ищем, как бы поудачнее его грохнуть. После чего поднять всех, заставить взяться за оружие, когти, клыки; отправить женщин и детей в далекий Морнуот...

Я стиснул кулак, впился ногтями в ладонь. Ну же, Хота, успокойся и включи мозги. Пока никто не взрывает дома, и сам проклятый сенатор объявил о своём визите официально, а не приехал тайком договариваться с остатками местных преступных группировок. Пока — только пока! — всё выглядит пристойно и не даёт повода для паники. Почти не даёт.

52

— И вы приехали сообщить мне о моих же планах? — я вопросительно дёрнул бровью. Даже чуть усмехнулся, чтобы не вздумал искать во мне напуганного мальчишку. — Право, не стоило! В отличие от вас, я достаточно молод, чтобы не страдать от склероза.

Мегар сощурился эдак насмешливо — мол, и это всё, на что ты способен?

— Я приехал, чтобы помочь тебе посадить этого ублюдка навсегда, — четко выговорил он. И добавил чуть тише: — И чтобы защитить Реджину. Ты в деле, малыш? Или я зря пришёл в эту ясельную группу и надо было обратиться к кому-то получше?

Мне стоило бы размазать этого Мегара за одно только упоминание моей женщины. Но вспыхнувшая было ярость почти тут же сменилась азартом, любопытством... Короче, как это чувство ни назови, но я нетерпеливо протянул руку, требуя бумаги, и заявил:

— Лучше меня нет.

Судя по документам, Мегар — или тот, кто послал его сюда, — знает об Орентисе и его грязных делишках ничуть не меньше меня. Или даже больше. Все передвижения сенатора за последние лет пять, все его встречи, официальные и не очень. Всё здесь. И за каждой строчкой есть доказательства, прямые и косвенные, его вины в многочисленных военных конфликтах, развязанных за последние годы. За многое его уже не посадить — грёбаный срок исковой давности. Но и половины хватит, чтобы выдвинуть обвинения. Точнее, хватило бы, но ни Мегар, ни его столичные покровители отчего-то этого не сделали.

— Почему ты пришёл с этим ко мне? — поинтересовался я ничуть не вежливо. Мне не нравится вся эта ситуация, как не нравится сидящий напротив меня боевой маг, опасный по умолчанию. Хартасерра — не гро Ярлак, в этой драке мне нипочём не победить.

— Потому что тут последнее поле боя Орентиса. Ты и твои меховые собратья, захватившие власть. И мелкий Маккензи, за счет которого он собирается выиграть войну за Север.

Значит, я был прав. Всё это, весь спектакль с участием Оливера — не просто череда случайностей или следствие мелких интриг. Что-то большее, опасное и на хер не нужное Северу.

— Поясни.

— Лоркан Маккензи, Палач Инквизиции, — невесть зачем уточнил Мегар, хотя это было уж точно не обязательно, — решил выйти на пенсию. И податься в политику. На ближайших выборах он баллотируется в сенаторы.

Вот оно что.

Нет, удивиться не вышло. Зато картинка в голове сложилась вмиг: подставив Оливера под обвинения в серийных убийствах, Орентис ощутимо попортит рейтинг его папаше. Заставит

нервничать, действовать и совершать ошибки — вплоть до попытки вырезать всю нашу меховую братию, осмелившуюся обидеть пусть и нелюбимого, но всё же сыночка. Разумеется, кровавая войнушка сыграла бы на руку Аркади, но и шепотки о жестокости кандидата в сенаторы поползли бы непременно. Орендис же почти наверняка сыграл бы роль такого миротворца, под шумок вернув поредевший Север под каблук республики; обложил бы местных налогами, присвоил бы рудники, огромные пустующие территории...

В общем, план хорош. Если не брать в расчет самоуверенность, свойственную всем власть имущим. В мечтах о своей победе он позабыл главное: его соперник далеко не дурак. Никаких сомнений, это старший Маккензи отправил ко мне майора Хартасерру со всеми документами. Подпортил планы сопернику, а заодно и показал, что может работать с нами. С кланом гро Маграт, уже почти заполучившим Север в единоличное правление.

— Всё это, конечно, очень мило. Но вот это, — я помахал папкой перед носом Хартасерры, — не решает одной ма-аленькой проблемы. Мне всё ещё не за что посадить Орендиса здесь, в Грейморе.

— У вас есть подозреваемый, — пожал плечами Мегар. — Джайлс Асторн, после изгнания из семьи взявший имя Тристан, — наёмный убийца с гонорарами побольше наших с тобой. Клыкастый ублюдок уже лет десять как снюхался с Орендисом, едва ли не на зарплате у него сидит. Разумеется, всё это в основном через посредников и в строжайшей секретности, но...

— Но у видного политика секретов не бывают, — закончил я за него. — И если охотники наконец арестуют этого вампира, у нас будет свидетель. Который охотно выложит все, как только окажется в моих допросных.

— «Если» или «когда»? — переспросил он почти весело. — Я слышал, делом занимается моя неудавшаяся теща. У неё впечатляющий послужной список даже для мужчины, уж не то что для женщины с тремя детьми. Кстати, я хочу встретиться с её прекрасной дочерью, если позволишь.

— Не позволю, у неё неприёмный день, — отозвался я, стараясь не рычать сквозь зубы. О, Хаос, не хватало ещё тут поддаваться на провокации всяких старпёров, только и ждущих, когда ты вспыхнешь. — И как будто тебе нужно моё разрешение.

— Просто у меня хорошие манеры, Хота. Научись этой премудрости — и, быть может, доживёшь до моих страшно преклонных сорока семи лет.

Говнюк напыщенный. И что вообще Джинни в нём нашла? Нет, даже знать не хочу.

Но вот что точно знаю — видаться им не стоит. Не сейчас. Не тогда, когда она от мужиков чуть не шарахается, а я наоборот их всех порвать готов за один косой взгляд. Только как внятно донести всю эту меховую муть до несведущего человека?

Да никак не донесу. Опоздал я с любыми обучающими лекциями — только придумал, как бы половчее избавиться от кандидата в покойнички, и почувал до боли знакомый запах. Так близко, будто его обладательница прямо сейчас...

— Какого Хаоса ты здесь делаешь?

Да, именно вот это «прямо сейчас». Реджина лишь коротко глянула на меня, прежде чем упереть руки в бока и уставиться на сучьего майора.

Мне не понравилось. Ни то, что она пришла сюда, когда стоило бы посидеть дома; ни то, как вытаращился на неё сучий майор. Заинтересованно, изучающе, самую капельку снисходительно и с огромной долей вождения. Я сам не понял, как оказался рядом с Реджиной, с трудом удерживаясь, чтобы не задвинуть её себе за спину. В последний момент успел сделать вид, что просто желаю проводить гостя. А я желаю. Да не просто проводить, а выкинуть на улицу, чтобы летел кувырк до ближайшего такси и даже думать не смел о моей женщине.

— Майор уже уходит, — проговорил я с нажимом. Даже рукой в сторону двери махнул. — Документы оставьте, у вас с Маккензи наверняка есть...

— Я задала тебе вопрос, и ты на него ответишь! — рявкнула Реджина не хуже любого заправского дознавателя.

Мегар эдак изумлённо дёрнул бровью, качнул головой неодобрительно — мол, на твоём месте, киска, я бы не стал точить когти об этот диванчик, — и с усмешкой протянул:

— Прекрасно выглядишь, Реджина. Неужели вариант «не смог вынести разлуки» даже не рассматривается?

— Я что, похожа на дуру? — она опасно прищурилась, будто не хуже любой пророчицы знала, зачем

Хартасерра притащился по наши души. — Ты не явился бы в «никчёмную северную дыру» и не побегал бы шушукаться с моим альфой, не будь у тебя своего шкурного интереса.

Идиотская улыбка сама полезла на лицо — как и всякий раз, когда Реджина называла меня своим альфой. Правильно, пусть этот пафосный хрен не забывает, в чей кабинет вломился. Согнал я её, правда, тут же — мне не понравился тон моей тигрицы. Не потому, что она готова сожрать этого столичного хлыща, а потому что я тут чего-то явно не понимаю.

— Милая, твой альфа, — а вот у Хартасерры эти слова прозвучали как ругательство, — со дня на день окажется по уши в дерьме. Потом не говори, что я не предупреждал.

— Кого? Меня? Или его? Милый, — протянула она едко, но я всё равно поморщился — нефиг величать «милыми» никого кроме меня, — мы на Севере, ты тут никто. Так что засунь свои угрозы себе в задницу, пока я не позволила Хоте перегрызть тебе глотку.

— Я — может быть, — как ни в чем не бывало пожал плечами Мегар. — Но вот Ореентис — сенатор, которому ваша автономия не нравится куда сильнее, чем кому бы то ни было в столице.

— Демьен Ореентис? — с подозрением уточнила Реджина. — Тот самый?

Она прошла к моему столу, подцепила один из листков и, шустро пробежавшись по нему взглядом, тут же брезгливо наморщила нос.

— А, ну конечно! Кантор, Имрис, Дельгара. И Сармад, — Реджина подняла голову, яростно сверкнула на него своими кошачьими глазами. — Нет, Мегар, это ты по уши в дерьме. Что там полагается за организацию массовых убийств и кучу безвинно убиенного народу?

— Высшая мера, — невозмутимо поведал я, пусть ещё и не совсем понял, о чём речь. — Ну, в идеале. Эту рожу магическую точно в живых не оставят, прибить дешевле будет. Если пояснишь, в чём дело, даже нужные статьи припомню.

53

Мегар зло скрипнул зубами, стиснул кулаки и шагнул к Реджине. Один Хаос знает, чего мне стоило не кинуться на ублюдка со злобным рычанием, но она даже не шевельнулась. Бесстрашная, свирепая и несгибаемая — такая пара сделает честь любому вожаку.

— Десантировали нас туда заклинатели. Ты в том числе. Не боишься отправиться в тюрьму следом за мной?

У меня, конечно, было что ответить на такие самоубийственные заявления, но Реджина лишь рассмеялась ему в лицо.

— Боюсь? Я? Это Греймор, здесь меня надо бояться.

Она повернулась ко мне, ткнула в бумаги, которые читала.

— Вот здесь, мистер прокурор, имеется эдак тысяча и одно основание, чтобы поднять дела о беспорядках в Канторе, Имрисе и далее по списку. Если будет установлено, что убитые Ковеном люди и нелюди были невиновны, наш дорогой майор из народного спасителя очень быстро превратится в козла отпущения. И он сам это понимает, раз уж прибежал к тебе... Это ведь из-за твоего дела против Ореентиса?

Я кивнул. С тех пор как мы с Джинни начали (ну, или скорее возобновили) наши сложные отношения, я стараюсь избавиться от привычки тащить работу домой. Ни к чему её впутывать, да и вряд ли мои уголовники ей интересны. Но в свое дело против сенатора посвятил, и копию документов у неё дома держу. На всякий случай.

Дрейк не знал и половины того, что знаю я, но кончил печально. Как выяснилось, не без помощи Хартасерры. Новую волну ярости едва удалось погасить.

— Я не знал! — тут же заявил Мегар, правильно расценив мой взгляд. — Я просто делал свою работу и не совал нос туда, куда мне как простому исполнителю лезть не положено!

— Расскажешь это разъярённой толпе, требующей казнить тебя каким-нибудь стрёмным способом.

Я поморщился — как ни хотелось мне позлорадствовать вместе с Джинни, а лжи в словах клятого майора нет. Совсем нет, сколько бы ни старался я услышать, углядеть хоть каплю неискренности.

— Не расскажет, — ворчливо возразил я, втайне мечтая прямо сейчас отправить этого Мегара прямоком к Виттару. Или к Лоренцу. Словом, подальше. — Он не врет. Увы. И может валить на все четыре стороны.

— Премного благодарен за дозволение, — чопорно, с едва заметной издёвкой произнёс Мегар. — И поверь, Маграт, я буду счастлив покинуть ваш гостеприимный край. Видит Хаос, с годами это местечко не стало приятнее.

— Ты и сам, знаешь ли, не кровавая колбаска, — холодно парировала Реджина, сложив руки на груди. — Хотя вполне можешь ею стать, если не прекратишь действовать мне на нервы.

На его месте я бы проникся угрозой: моя киса вся в свою матушку и не станет чесать языком почём зря.

Майор Хартасерра, однако, не проявил такого благоразумия. Зыркнул на меня исподлобья, шагнул ещё ближе (нет, ему и впрямь жить надоело!) и хмуро осведомился:

— Вот об этом убожестве ты мечтала столько лет? Ради этого отвергла всё, что я мог тебе предложить? Мёрзлая земля на самом краю света и агрессивный сопляк, ради одного паршивого сенаторишки готовый подставить под удар всю свою семью...

— И ещё домик. С башенкой. Ты бы по-другому говорил, будь у тебя такой же.

Ответ Мегару ожидаемо не понравился.

— Реджина, одумайся, пока не поздно! — выпалил он, не скрывая раздражения. — В Грейморе незачем жить и не за что умирать. Разве этому тебя учили в Магистерии — принимать сторону проигравших? Вернись в Аркади, встань за моим плечом — и клянусь, я дам тебе всё, что пожелаешь...

Зря он это. И притащился сюда зря, и пасть свою столичную открыл тоже зря. А уж лапы свои загребушие тянуть к Реджине и вовсе не следовало.

Она, впрочем, в те лапы и не далась: рванула от него как от чумы, вцепилась до боли в моё плечо, поглядела испуганно и растерянно — не то прося, чтобы Мегар ушёл, не то интересуясь, какого хрена я стою и слушаю этого придурка, без толку катящего шары к чужой женщине.

Видит Прядильщик, мне давно уже следовало бы отужинать его потрохами. Как и положено агрессивному сопляку, да.

— Любишь ты рисковать, мужик, — протянул я, не особо трудясь скрыть насмешку, и прижал Реджину к себе, успокаивая. — Побереги конечности, а? Я ведь про неприятный день серьёзно говорил.

Не думал, что Мегар сообразит, о чём речь и почему Реджина вдруг сделалась такой пугливой. Однако же он понял, судя по красочной смеси неловкости, отвращения и жалости, что проступила на его физиономии. Люди почти всегда реагируют на эструс и прочие наши звериные заморочки именно так — словно это третичный сифилис или ещё какая мерзкая болезнь.

— Прощу меня простить, — только и ответил он. А затем кивнул чуть резко и наконец-то избавил нас от своего присутствия.

Дверью, правда, хлопнул куда громче, чем следовало. Вот тебе и взрослый дяденька на понтах.

Едва дождавшись, пока чужой запах окончательно растворится в воздухе, я повернулся к Джинни. Много хотел сказать ей, от попыток успокоить до клятвенного обещания догнать клятого майора и раскидать его кишки по ближайшим закоулочкам. Вместо этого сжал её плечи, привлёк к себе, ткнулся носом в мягкие непослушные волосы. Поцеловать собирался, даже покосился на так удобно стоящий позади неё стол...

— Поехали домой, — почти выпалил я, когда она подняла голову и сама потянулась за поцелуем. — Ради твоего же блага.

Реджина сверкнула своими тигриными глазами, вздорно фыркнула, но послушалась. Отстранилась и первой направилась к двери, стуча каблуками по паркету. И обернулась, поняв, что я не иду за ней, а стою как дурак и пялюсь на её задницу, совершенно прелестно обтянутую тем проклятым зелёным платицем.

И вот в этом она гуляла весь день перед грёбаной уймой мужиков?

Я догнал её в два шага, подхватил под локоть и... почти вытолкнул за порог кабинета, пока в голову не пришла ещё какая-нибудь дурная мыслишка.

— Меня не будет неделю. Наверное, — коротко глянув на Реджину, сообщил я. — Документы на моём столе спрячь. И пусть Хартасерру держат под наблюдением.

— Он что-то сделал? — поинтересовалась Эмма так, будто я попросил кофе принести, а вовсе не проследить за одним из самых крутых боевых магов республики.

— Достал меня.

Ну а что, вполне сойдёт за объяснение.

Эмма согласно кивнула, тут же потянулась к комму. Кого будет вызванивать — уже неинтересно, да и не мне сомневаться в её способностях находить нужных людей.

Куда важнее сейчас моя киса. Невыносимо красивая, принадлежащая мне, пахнущая так, что думать здраво не получается. Да что уж там, и до стоянки-то дотащиться — уже небольшой подвиг.

— Садись, — бросил я, пожалуй, чересчур резко. Плевать. Нужно уезжать, убираться прочь, увезти свою женщину отсюда. В безопасность. Туда, где больше никто её не тронет.

— Да, сэр, уже бегу, сэр, — ехидно протянула Реджина, явно настроенная испытывать моё терпение и дальше. — Спасибо, хоть сразу в багажник не упрятал.

— Просто сядь, Регинхильд, — рыкнул я и дёрнул за ручку, открывая перед ней дверь. — Сейчас же.

Она весьма красноречиво закатила глаза, но всё-таки послушалась. Слава Хаосу! Он же один знает, каких трудов мне стоило просто сесть за руль, завести кар и сорваться с места на скорости, художественно допустимыми правилами дорожного движения.

54

Когда я устроил ладонь на её коленке, Реджина даже не шелохнулась. Хмыкнула, несильно стукнула меня по руке, поёрзала на сиденье... и сильнее сжала ноги. Как будто узкой юбки мало!

С нажимом прошёлся вверх по бедру, приподнимая плотную ткань платья. Реджина не мешала, старательно делая вид, будто ничего не происходит. Но задышала чаще, пусть и силилась скрыть это. Будь я человеком — может, обманул бы показным безразличием. Да только я оборотень. Я чувствую, как возбуждена моя самка, как она хочет, чтобы её трахнули прямо сейчас.

И лишь когда моя рука легла выше резинки чулка, когда я почувствовал гладкость и жар её кожи, Реджина больно вцепилась мне в руку.

— Маграт, ты вконец охренел? — осведомилась она всё с той же нарочитой невозмутимостью. — Чтоб тебя, следи за дорогой; на том свете я тебе точно не дам!

— Не узнаем, пока не проверим.

Её слова, впрочем, малость отрезвили — за дорогой следить и впрямь нужно, хотя бы для того, чтобы не пропустить поворот. Не домой, до дома мы попросту не дотерпим. Туда, где можно остановиться и не бояться, что нас увидят. О, кажется, впереди есть съезд на проселочную дорогу...

Руку с её бедра я всё же убрал, но только чтобы устроить её на груди. Реджина шумно выдохнула, откинула голову на спинку, но затем всё же возмутилась:

— Хота!

— Не стоило отказывать мне весь день, — почти угрожающе заявил я, наконец-то съехав на обочину.

— Как будто я обязана по щелчку пальцев выпрыгивать из трусов! — Реджина капризно надула губы и смерила меня сердитым взглядом. — Представь себе, девушка может не хотеть!

— Очень смешно, — пробормотал я, снова пробираясь ладонью под такую раздражающую сейчас юбку, — было бы, если бы я не чувял, как ты не хочешь.

— Знаешь, когда твой рот занят делом, ты нравишься мне гораздо больше, — огрызнулась Реджина.

Я со смешком покачал головой.

— О, детка, такими комплиментами ты вскружишь мне голову.

Видок у моей тигрицы сейчас такой, словно она никак не может решить, чего хочет — изнасиловать меня пару раз или всё-таки въехать коленом между ног. Мне определённо следует помочь даме с выбором.

Реджина недовольно фыркнула, но тут же шустро стянула платье через голову, оставшись в одном

белье. Ну вот сразу бы так! А затем, не успев я на радостях залезть к ней в лифчик, она уже оседлала меня. Горячая, возбуждённая, почти голая в этих своих кружевах.

От одной лишь мысли, что мы едва не на улице, что кто-то ещё может увидеть её такую, я взбесился пуще прежнего. И завёлся тоже, что уж скрывать. Нашарил рычаг, потянул, опуская спинку сиденья. Резко получилось — Реджина ойкнула, упала мне на грудь, посмотрела сердито. И тут же злобно впиалась в шею. Ещё не метка, но уже почти, так похоже...

Потянул её за волосы, отстраняя — не сейчас, моя девочка, давай хотя бы это у нас будет романтично, — и тут же поцеловал. Грубо, кусаче, наверняка даже больно, потому что не впиваться в эти пухлые губы совершенно невозможно. Но Реджина не сопротивлялась. Отвечала пылко и почти с яростью, охотно лънула к моим рукам и выгибала спину, чтобы мне было удобнее ласкать её.

А затем сама сдвинула в сторону тонкое кружево трусиков, чтобы насадиться на мой член. От одного этого впору кончить, точно неопытному мальчишке, — от её вида, от приятной тяжести её тела. От ощущения крепких ягодичек в моих ладонях и упругой груди, которую я тут же принялся целовать, вылизывать, покусывать...

Она прекрасна, моя Джинни. Вся она. Ласковая, нежная, горячая, роскошная женщина, которая принадлежит мне. И которой принадлежу я. Ни с кем другим я не смог бы от банального, пошлого перепиха в машине ощутить такой нереальной, рвущей крышу эйфории.

— Люблю тебя, — прошептал я, уткнувшись лбом Реджине в плечо. — Люблю тебя, слышишь?..

— Да, да, я... — она потянула меня за волосы, заставляя отстраниться, позволяя увидеть её глаза — совершенно дикие, горящие, будто она вот-вот обернётся тигрицей. — Я знаю, я...

Не обернулась. И заканчивать ответ не стала. Обеими руками скользнула под мою рубашку (Хаос, почему она вообще до сих пор на мне?!); влажным языком проследила путь от ключицы к уху, заставляя меня прикрыть глаза от удовольствия и застонать. А потом...

Стало больно. Так больно, что на миг захотелось скинуть Реджину с себя — чтобы прекратила, чтобы вытащила из моей шеи зубы, такие острые, будто меня и впрямь кусает тигрица.

Больно. И вместе с тем так хорошо, так приятно, будто я только этого момента и ждал всю свою жизнь. От юности, когда впервые возжелал женщину, до этого самого дня. Джинни отметила меня, сделала своим, и этот след будет виден всем и каждому. Все в Грейморе узнают, с кем я, кому принадлежу, кому я показал горло.

И плевать, что всё не так, как хотелось, не в том месте, не в то время. На то, что это я — я! — должен быть первым, кто пометил бы её как свою женщину. На всё плевать. На всё, кроме неё самой, так сладко содрогающейся в моих объятиях, так жалобно стонущей, словно ей мало, словно она хочет ещё. Прямо здесь, прямо сейчас.

— Джинни, эй, — позвал я, когда понял, что она вздрагивает вовсе не от накрывшего её оргазма. Плачет. Так, это ещё что за новости?.. — Что случилось? Я что-то не то сделал? Джинни, где больно?

— Нигде мне не больно, кретин! — огрызнулась она, сердито стукнув меня кулаком по груди. — Нигде! Не с чего! Да не очень-то и хотелось, похожу ничейная ещё пять лет!

С обычной своей кошачьей ловкостью Реджина шустро сползла на пассажирское сидение и там обиженно нахохлилась, подтянув коленки к груди. Я же никак не мог решить, чего хочу больше — заржать в голос, хорошенько надавать ей по заднице или же трахнуть её снова.

Ну да, ответ очевиден. Жаль только, что для меня одного.

— Хота, отвези меня домой! — потребовала она всё тем же тоном капризной сучки, бесячим и забавным одновременно. — Я хочу домой. Одна. Сейчас же. Можешь ты хоть это сделать?!

Нет, серьёзно? Вот теперь охота и накрыть ладонью лицо, и впиться уже зубами в её нежную шею, и просто прижать Реджину к себе. Чтобы успокоилась, чтобы перестала пахнуть так, словно она...

А, чтоб тебя.

— У тебя течка, — заявил я. Именно заявил, вот ни разу не спрашивая. Спешно содрал с себя рубашку, впихнул ей в руки. — Надень. И даже не думай, что я оставлю тебя одну. Откуда вообще эти дурацкие мысли?..

— О, просто прекрасно, моё мнение снова тебя не волнует! — истерично воскликнула она, но в

рубашку завернулась. — Отлично, значит, доберусь сама. И запру все двери. Ночуй на крылечке, раз такой умный!

И, прежде чем я успел завести кар, Реджина выскочила на улицу, громко хлопнула дверцей. Нет, не собирается же она?..

— Да твою ж тигрицу-мать, Регинхильд! — я выскочил следом, боясь, что она успеет перекинуться и исчезнет среди деревьев. Одна, беззащитная, невесть где. — Сядь в машину, по-хорошему прошу!

— Я. Не. Хочу! То, чего я хочу, ты мне не даёшь. Снова!

— Серьёзно, блядь?! — теперь я уже не смог сдержаться и заорал на неё. Плохая идея — девчонки в гон невыносимы, капризны и очень ранимы. — Здесь, Джинни? В машине, в каких-то ебнях? Охуеть просто, идеальный первый раз!

— Ах, прости, что не подарила тебе цветы!

Она мне не подарила?! Прядильщик, признайся честно — я слишком плохо себя вёл, поэтому ты дал мне в истинные пары вот эту невыносимую женщину?

Подошел к ней. Не обращая внимания на попытки сопротивляться, прижал спиной к себе, крепко обхватил за талию, чтобы даже не думала сбежать от меня.

— Джинни, я столько тебе сделал. Столько вреда причинил, столько боли. Что плохого в том, что хотя бы это будет... так, как ты заслуживаешь? Да, с цветочками, сердечками и прочей этой херней! С чем захочешь! Я не отказываюсь от тебя, я люблю тебя...

— Так докажи, Хота! Докажи свой трёп делом или!..

Спешно накрыл её рот ладонью, чтобы замолчала. Я понял, Джинни, всё прекрасно понял. И ты даже не представляешь, чего мне стоит сдерживаться. Как сильно я хочу отметить тебя собой. Не просто заняться с тобой сексом, а быть твоим по-настоящему.

— Хорошо, — тихо прошептал ей в самое ухо, коснулся губами мочки.

Она снова дёрнулась, но я не отпустил. Только руку с губ убрал, чтобы отвести в сторону её волосы, обнажить шею, трогательно выглядывающую из воротника моей рубашки. Реджина замерла в моих руках, вздрогнула лишь когда я скользнул ладонью между её ног, чтобы погладить нежную кожу. С ума сойти, какая же она влажная и горячая там.

— Хорошо, Джинни, — повторил я.

И будто впрямь с обрыва спрыгнул — настолько невероятным было впиться зубами в её шею, под её же громкий стон боли и удовольствия. Укусил, пометил, почувствовал наконец вкус её кожи и её крови. Это больно. Это должно быть больно, уж так мы устроены. Метка должна держаться долго — чтобы тот, на ком она поставлена, ощущал её каждую секунду до тех пор, пока не придёт время поставить ещё одну или обновить эту. Чтобы помнил, кому принадлежит.

Реджина вцепилась мне в руку, царапая острыми ногтями, то ли пытаясь отстранить, то ли побуждая действовать активнее. Я выбрал второе. Проник в неё пальцами, срывая с губ очередной стон; задвигался внутри, чувствуя, как она отдаётся мне, как помогает, насаживаясь все сильнее и тихо прося, чтобы не прекращал.

Оставить её одну? Да как же! Не когда она откидывает голову на моё плечо; не когда, обернувшись, смотрит так, что впору пламенем заняться; не когда узкая ладонь скользит по моему животу и ниже...

Само собой, долго никто из нас не продержался. Оргазм вдарил по башке кувалдой, выбивая оттуда остатки мозгов, но вместе с этим и помогая худо-бедно обуздать звериную похоть. Вот и славно, не улыбается мне что-то средь бела дня устраивать придорожный секс-марафон. Да и Джинни идею не оценит, наверное.

Хотя Джинни, похоже, сейчас пофиг: она почти повисла на мне, прижалась всем телом, молчаливо прося защиты. Ну и вот и что с ней такой делать? Только целовать как можно ласковее — чтобы не боялась, чтобы доверяла. А потом усаживать в машину, увозить побыстрее, упрятывать в башню понадежнее. То есть в её кошачий домик, конечно же. Благо там и башенка какая-никакая имеется.

Только не забыть пристегнуться. И ей, и мне для верности тоже. Потому как я за себя сейчас не ручаюсь. Хотя мы оба — те еще любимцы Хаоса, а порядочный альфа защитит свою самку во что бы то ни стало. Даже от себя-придурка...

Главное, получше следить за дорогой. С той скоростью, с какой я понёсся по шоссе, даже на ноги

своей женщины не стоит отвлекаться.

Домой. Мы едем домой.

55

Кошачьи — те ещё сони, будь то огромный тигр или домашний котёночек. Хуже нас только медведи, а уж с наступлением холодов всякий косолапый любитель мёда готов отдать душу самому Хаосу, лишь бы его не трогали до весны. Природу не обманешь, даже если звериной сущности в тебе лишь половина. Мне так и вовсе не повезло — несмотря на мою тигриную породу, медвежьего во мне тоже хватает. А это в два раза больше любви к тёплой постельке... из которой меня так бесцеремонно пытаются вытащить!

— Маграт, какого хрена? — ничуть не ласково рыкнула я, когда мой, прости Хаос, альфа в очередной раз стукнул дверцами моего же шкафа и загрохотал вешалками. Глянула на часы на тумбочке и натурально офигела. — Ты с ума сошёл? У нас ещё два дня законного отпуска!

— Ага, — только и буркнул он, даже не повернувшись ко мне. — Платье, серебристое такое, с вышивкой — где? Видел же, ещё подумал, что...

Что он там подумал, я и знать не хочу. Семь утра, серьёзно?..

— Хотя, оно на тебя не налезет! — застонала я, уронив голову обратно на подушку.

Ну ладно, вообще-то хочу. Кошачье любопытство, как и кошачья сонливость, — обязательный атрибут моей меховой жизни.

— Я хочу, чтобы ты была красивая сегодня. Так где?

— Я всегда красивая, ты, грубиян, — ворчливо возразила я, всё же садясь на постели. Откинула со лба растрёпанные волосы, сложила руки на груди и требовательно уставилась на Хоту. — Что, блин, происходит? И почему в такую рань, скажи на милость?

Он наконец обернулся. И одарил меня таким взглядом, что внизу живота мигом стало горячо. Течка закончилась ещё вчера (и слава богам!), но одни лишь воспоминания о том, что мы все эти дни творили прямо в этой постели, да и не только в ней, пробуждают внутри... всякое.

Вот дались ему сейчас эти дурацкие тряпки! В куклы в детстве не наигрался?

Лично я, раз меня всё равно уже разбудили, с радостью бы занялась делами куда более интересными. Позволила бы Хоте опрокинуть себя на постель, обняла бы ногами его сильное тело, чтобы почувствовать его жар, его желание, острый запах альфы. Моего альфы, жаждущего меня. Поцеловала бы, вонзила бы зубы в покорно открытую шею, и сама бы подставилась тоже, потому что необходимо. Хаос, как же это необходимо для нас, оборотней. Раньше я и подумать не могла, что можно так сильно хотеть чужие зубы в своей шее, и что это приносит такое удовольствие.

Не могла и не хотела. А теперь уже и не поверю, что позволила бы кому-то другому оставить на себе метку; позволила бы себе принадлежать кому-то так, как я принадлежу Хоте. Только ему можно. И пусть, мать его, зарубит на своём медвежьем носу, что это работает и в обратную сторону!

— Даже слишком красивая, — вдосталь наглазевшись на меня, заявил Хотя. — Но в таком виде ты можешь пойти только в ванную. Или на кухню; фартук на голое тело тебе идёт как ничто...

— А ты будешь продолжать крушить мой шкаф? Нет уж, не позволю.

Я поднялась, неспешно потянулась, демонстрируя себя, и подошла к нему. Разумеется, тут же получила жадный укус в шею и оказалась притиснута к многострадальной дверце шкафа; горячие пальцы скользнули между моих ног, заставив застонать. Даже такого банального прикосновения достаточно, чтобы возбуждение вспыхнуло с новой силой.

Хотя отстранился, убрал руки, заставив меня разочарованно выдохнуть. Нет, ну не может же он бросить меня в таком состоянии?..

Не может. Буркнул что-то про «нам же некогда», но прежде чем я успела обидеться и снова закутаться в одеяло, Хотя вдруг опустился передо мной на колени. А еще спустя мгновение я ощутила горячее прикосновения языка, машинально запустила руку в золотистые кудри, то ли пытаясь оттолкнуть, то ли...

Кому я вру, а? Никаких отталкиваний, никакого сопротивления. Я хочу, чтобы он делал это со мной. Целовал, вылизывал, кусал, отчего я вздрагивала и шипела, но почти тут же забывала, как дышать, где я вообще и почему мы делаем это у шкафа. Какая разница, главное, пусть не останавливается...

Остановился. Правда, только тогда, когда я готова была потерять сознание от удовольствия, еле могла соображать и едва стояла на ногах. Сильные руки обхватили меня, не давая упасть. В льдисто-голубых глазах напротив было такое море любви и нежности, что дышать и соображать трудно...

— Т-так... что там с платьем? — я наконец смогла собрать мысли в кучу и вспомнить, ради чего мы тут такие красивые собрались у шкафа.

— Понятия не имею, — хмыкнул Хота, уткнулся своим лбом в мой, нежно погладил по щеке. Вздыхнул недовольно. — Давай приведём себя в порядок, ладно? Я буду в гостинной.

Поцеловав меня напоследок, он всё же неохотно отстранился и вышел, оставив меня наедине с беспорядком.

Как ни хотелось возмутиться, а любопытство взяло верх. Ради чего вообще Хота выбрался из постели в такую рань, да ещё и отказался от секса? Я должна узнать! Интересно же! А значит, нужно по-быстрому принять душ и сообразить на голову что-нибудь худо-бедно приличное. И, ах да, платье. Какое он там хотел, серебряное с вышивкой?

Искомый предмет одежды коварно прятался в самом дальнем углу шкафа. Да и немудрено: это платье никогда не было в списке моих любимых. И где были мои глаза, когда я его покупала? Приложила к себе вешалку, глянула в зеркало и в отвращении наморщила нос. Девственница на заклятие! У мужчин иногда такие странные хотелки...

Резонно рассудив, что Хота пожелал кису красивую, а не скучную как овсянка, я решительно запихнула костюмчик жертвенной овцы обратно в шкаф и принялась искать наряд, достойный приличной тигрицы.

Поиски не затянулись надолго: взгляд тут же прикипел к платью-футляру сочного алого цвета. Длинной чуть ниже колена, почти наглухо закрытое спереди, но зато с глубоким вырезом на спине. В меру строго, в меру соблазнительно... Словом, идеально. И никакой дурацкой вышивки! Почему вообще у мужчин «красиво» — это когда ярко и блестит? Ладно, ярко уже есть, а для блеска можно надеть тяжёлые длинные серьги с рубинами. Давно искала повод их выгулять, такие булжники не везде к месту будут и не ко всему подойдут.

— О, Хаос, Джинни! — послышался снизу не то страдальческий, не то насмешливый стон. — Я сейчас сам усну, и хрен добудисься!

— А нечего было выбирать платье, которое я терпеть не могу, — пробурчала, чуть спешно спускаясь по лестнице. — И попробуй теперь ляпни, что без той унылой серой тряпки я недостаточно красивая!

Глупость сказала. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — Хота уже забыл, про какую тряпку речь, и явственно недоумевает, почему я вообще одета. Его желание содрать с меня всё и сразу я ощутила столь явственно, будто он заявил это вслух.

Но нет, сдержался. Только ткнулся губами в плечо, когда я подошла ближе, да прижал к себе крепко... но затем со вздохом отстранился, сел на диван и похлопал по месту рядом с собой.

Ладно, побуду послушной кисой, хотя видит Хаос, не сидеть я сейчас хочу. А выпытывать, что происходит и какими новостями меня собирается обрадовать мой альфа.

56

Он полез в карман пиджака, зачем-то покусал губы, будто нервничая. После чего выдохнул и, прежде чем я успела сообразить, что происходит, сунул мне в руки коробочку. Небольшую такую, тёмно-красную. Вот совсем не оставляющую простора воображению.

— Знаешь, сколько этому лет? — поинтересовался Хота тихо.

Я, само собой, не знаю. Только и могу пялиться на злосчастную коробочку, неловко пытаюсь подцепить крышку ногтем.

Кольцо оказалось совсем простое с виду. Изящное, тоненькое, с зеленовато-золотистым камешком в середине и россыпью мелких вокруг него. Зам окружного прокурора вряд ли стал бы покупать что-то столь незатейливое и дешёвое. Скорее, влюбленный мальчишка, не имевший слишком много денег, но желавший подобрать что-то в цвет моих глаз.

— Тебе было четырнадцать, Джинни. Мне — двадцать три, я тогда только окончил колледж. И уже хотел жениться на тебе. Ещё толком не понимал, что чувствую, но знал, что ты станешь моей. Всегда знал. И собирался подарить его тебе...

— Почему не подарил? — выдохнула я, тщетно пытаюсь проглотить невесть откуда взявшийся ком в горле.

— Потому что ты была ребёнком, Джинни. А я был больным ублюдком, который хотел маленькую девочку, и вообще не самым лучшим парнем на свете, — Хота нервно взъерошил свои кудри. — Понятия не имею, зачем это говорю, я ведь просто... — он запнулся, будто никак не мог заставить себя сказать ещё что-то. Или просто был не в силах сформулировать. Даже смешно — нечасто мой Хота, крутой юрист и нахальный злоязыкий засранец, страдает недостатком красноречия. — Я просто хочу, чтобы оно было у тебя. Навсегда, понимаешь?

Своим ушам я поверила не сразу. Молчала долго, пытаюсь осмыслить услышанное и выдавить из себя хоть что-то. Что я должна ответить? Или для начала стоит уточнить, правильно ли поняла?

— Ты... делаешь мне предложение, Хота гро Маграт?

Он снова провёл ладонью по волосам, и без того не самую идеальную причёску превращая в сущее гнездо. Это заставило меня невольно улыбнуться.

— Дерьмовый из меня романтик, да? — выдохнул Хота с нервным смешком. — Да, Реджина. Да, я делаю тебе предложение. Руки, сердца и всех прочих органов. Выходи за меня, ладно?

Я лишь кивнула, совсем не доверяя собственному голосу и попросту боясь позорно разреветься. Не от горя, само собой. Но к радости примешивается изрядная доля недоверия и даже испуга. Боги, Хота, ты слишком быстрый! Трудновато как-то фантазировать про свадьбу и совместных котятков, когда вы друг друга ни видеть, ни слышать не желаете пять лет кряду. Интересно, сам-то он осознаёт, что это всё происходит на самом деле? Или в таком же ужасе, как я?

Если и да, то виду не подал. Просиял весь, выдохнул, точно до этого и не дышал вовсе; шустро выхватил у меня бархатную коробочку и... тут же увял на глазах.

— О чём я вообще думал, а? — выдал он, разглядывая моё, между прочим, кольцо чуть ли не с отвращением. — Джинни, я куплю тебе приличное кольцо, обещаю, но сейчас...

— Мозгов себе прикупи! — возмущённо огрызнулась я, мигом вскочив на ноги и отняв у него свою законную добычу. — Это моё, бестолковый ты медведь! Плевать я хотела, откуда оно и сколько стоило!

Хота устался на меня так, словно я не идиотом его обозвала, а как минимум в вечной любви призналась. Может, и стоило бы, но как-то не тянет. А вот сам виноват — нечего было дышать на святое!

Негодующе фыркнув, демонстративно надела кольцо на безымянный палец и залюбовалась — уже непритворно — игрой света на ярких камешках. И, не удержавшись, всё-таки шмыгнула носом.

Неужели это всё взаправду?

— Да брось, Джинни, разве я настолько плохой жених? — чуть натужно пошутил Хота, тут же оказавшийся рядом, и осторожно стёр мокрую дорожку с моей щеки.

— Ты же Хота, хуже тебя никого в мире нет, — буркнула я, однако тут же заулыбалась против воли. Невозможно злиться на этого дурацкого медведя, когда он так явственно, откровенно, неприкрыто счастлив. — И я всё ещё хочу знать, куда мы так вырядились.

— На свадьбу.

— На... куда?

— На свадьбу, — медленно, с садистским удовольствием повторил Хота. — На нашу свадьбу, Джинни. О, кстати, мы уже опаздываем.

Я даже рот приоткрыла от изумления. Как это?.. Да он шутит, что ли?

Ну... похоже, не шутит. Совсем не шутит. Ничуть. Ни вот столечко. Вот ведь плюшевый нахал!

— А, то есть вариант с отказом ты даже не рассматривал?!

— Нет конечно!

А, ну да. Глупый был вопрос.

— Знаешь что, Маграт? Я передумала!

Меня даже ответом не удостоили, а самым бесцеремонным образом закинули на плечо и потащили к выходу. Ну что за сказочные засранцы эти медведи, а? Я, конечно, для порядка пнула его разок, но сопротивляться особо не пыталась — бесполезно же. Да и не сильно охота, если уж не кривить душой.

Кротко молчать, впрочем, тоже не мой метод.

— И что я, по-твоему, буду врать нашим котяткам?! — сердито поинтересовалась, едва Хота усадил меня на пассажирское сиденье и заботливо пристегнул — видно, чтобы уже точно никуда не смылась. — Вышла замуж, потому что однажды с утраца ваш отец встал не с той лапы?

— Почему бы и нет? — сев за руль, отвечивал будущий отец моих гипотетических котят. — Зато оригинально. Наши медвежата непременно оценят.

— Я разведусь с тобой!

— Замётано, кисонька. Но сначала придётся за меня выйти.

Вот ведь... засада.

Ладно уж, выйду. Никуда теперь не деться от своей судьбы, будь она трижды неладна.

Втайне я ожидала, что мой неумный женишок непременно потащит меня в Таненгрев, к алтарю Прядильщика — медведи всё же жутко консервативные создания. Но то ли Хота не успел подбить Ору на это безумие, то ли просто не пожелал бить свой драгоценный кар на лесной дороге... В общем, приехали мы совсем не в нашу деревню, а к зданию окружного суда. Весьма красивому, стоит заметить. Никаких метровых стен, как в большинстве старых построек Моэргрина, только пятиугольные окна выдают его настоящий возраст. Хоть сейчас на открытках печатай. А вместе с ним и нас — молодых, красивых, ошеломлённых происходящим.

То, что Хота на самом деле нервничает, пусть и пытается выглядеть воплощением невозмутимости, я поняла сразу — по тому, как неспешно он вёл свой кар по городским дорогам, по нервному постукиванию пальцев, то и дело стискивающих руль едва не до хруста. Даже по тому, как церемонно он подал мне руку, помогая выбраться из машины.

И букет вручил. Из полевых цветов. Очень красивый, хоть и не слишком подходит к моему кричаще-яркому наряду. Да, забавное я выбрала свадебное платье.

О, Хаос, неужели мы и впрямь... поженимся? Может, ещё успею передумать?

Нет конечно. Не успею, да и не захочу — ведь этого дня я ждала всю свою сознательную жизнь.

57

— Силён, братишка, — вдруг услышала я знакомый голос. — Честно говоря, думал, ни хрена у тебя не получится.

Арти вырядился в строгий костюм, до жути непривычно на нём смотрящийся — братец-котик из тех, кому по душе джинсы и футболки, а никак не рубашки с галстуками.

— Как ты посмел во мне сомневаться?

— Так ты знал? — одновременно с Хотой спросила я.

Арти усмехнулся чуть криво.

— Ты же не думала, что он провернул всё это в одиночку? Скажу тебе, искать посреди ночи клерка, согласного заключить брак без грёбаной уймы бюрократических процедур, — то ещё удовольствие. Хорошо, что наша мама — аж целый префект!

— То есть тётя тоже знает? — уточнила я уже без всякого удивления.

Ну разумеется, Кэм знает. Удивительно, что не в курсе папа... А он точно не в курсе, иначе уже был бы здесь и по обыкновению лез куда не просят.

Надо признать, последние пару недель мой отец не лез ни к кому и ни с чем. А нас с Хотой вовсе игнорировал. Не то разозлился, не то обиделся, не то проникся маминой угрозой лишиться секса до серебряной годовщины... Наверное, всё сразу. В иной ситуации я, как истинная папина дочка, непременно бы пришла мириться первой, но тут было слегка не до того. Да и, чего уж скрывать, весь этот высосанный из пальца конфликт меня порядком достал. Пусть сами разбираются, большие медведи уже и всё такое.

— Да, и ещё пара человек, — сообщил Хота, отвлекая от мрачных не к месту раздумий. — Я подумал, ты захочешь себе свидетеля.

Он махнул рукой в сторону, словно подзывал кого-то, а потом... Я едва не взвизгнула от радости, приметив идущих к нам Оливера и Лоренца. Эти тоже вырядились в пух и прах, хоть прямо сейчас на свадьбу...

А, ну да.

— Не уверен, что одобряю эту затею, — заметил Олли, чуть хмуро глянув на моего — вот блин! — жениха. — Джинни, ты впрямь хочешь за него замуж? Я б точно не пошёл.

— А я тебя и не звал, Маккензи, — отозвался Хота чуть ехидно. — Лоренц, приструни своего оленя, он меня нагло домогается!

— Да кому ты на фиг нужен, пижон косолапый?

— Мне нужен, так что перестань его цеплять, — со вздохом велела я и потянулась обнять своего друга. (Хота недовольно зыркнул на нас, но промолчал.) — Боги, Олли, я думала, больше не увижу тебя в обозримом столетии! Они хоть раз в день тебя выгуливают? А кормить не забывают?

— Я бы не позволил заморить голодом наше прекрасное создание! — оскорбился Лоренц. — И за кого ты нас принимаешь вообще?

— За вампиров, Ло, — фыркнула я. — Как ты вообще выполз из спальни в такую рань?

Лоренц выразительно поморщился. Он не выносит всяческих сокращений своего имени, однако меня терпит из сентиментальных соображений — в первую нашу встречу я едва выучилась ходить на горшок и не могла правильно выговорить что-то кроме первого слога.

— Мы ещё не ложились. Видит Тьма, твой женишок всех нас заставил побегать!

— Будто я сам не бегал! — тут же вскинулся Хота, заставив меня удивленно вытаращиться на него. Я даже и не слышала, как он уходил... Впрочем, немудрено — неделька интересная выдалась. — Вы наговорились или как? Меня как бы невеста ждёт!

— Вот и нет, — буркнула я вредно.

— Уже не ждёт, — хохотнул Арти. — Ты один тут умираешь от нетерпения, братец.

— Ну конечно, — Хота устроил руку на моей талии, притянул меня к себе. — Я же приличный медведь и должен сделать свою женщину честной кисой.

Надо бы как следует огреть наглеца — тоже мне, приличный нашёлся! Даже руку почти занесла, чтобы одарить своего, прости Хаос, женишка, знатным подзатыльником. За непомерное самомнение, ага. Да так и замерла, когда мы вошли в здание суда.

Я, Реджина Маграт, собираюсь заключить брак с тем, кого любила всю свою жизнь. И даже ненавидела какое-то время.

Интересно, это все невесты так себя чувствуют — будто внутри переворачивается что-то? Волнение, нетерпение, пресловутые бабочки в животе... Ощущений так много, что к моменту, когда мы приблизились к замершему у стола регистратору, я всерьёз готова расплакаться. И ведь поди пойми почему — то ли от счастья, то ли оттого, что невозможно с каменным лицом стоять и слушать, как тебя называют чьей-то женой.

— Рад приветствовать вас в этом зале для заключения нового союза, — заунывно начал регистратор, не особо-то радующийся столь раннему началу рабочего дня. — Регинхильд гро Маграт, Хота гро Маграт, является ли ваше решение о заключении брака добровольным, обдуманном и обоснованным?

Захотелось не рассмеяться даже, а некультурно заржать. Обоснованным? Ну да, возможно. Всё же наши меховые заморочки, вроде метки и вязки, — вполне достойные причины для заключения брака. Особенно если речь о медведях, которых, при всех их недостатках (вроде поразительного самомнения), нельзя обвинить в ветрености. Как говорится, укусил — женись; и по медвежьим меркам мой Хота — самый что ни на есть честный мужчина. Но вот что до добровольности и обдуманности... Сильно сомневаюсь, что Хота вообще думал, прежде чем, разохотившись до свадьбы, побежал выносить мозги Арти и Лоренцу. Да и я согласилась на эту авантюру не столько из желания выйти замуж в двадцать два года, сколько потому... потому что...

Кому я вру? Согласилась я потому, что не хочу расставаться с ним больше никогда. Хочу видеть его по утрам в своей постели (именно в своей — нипочём не соглашусь переехать в эту его квартиру с

крошечной ванной!). Потому что люблю его больше всего на свете. Потому что он попросил. По-настоящему попросил, желая услышать моё согласие и боясь, что я могу отказать.

Не могу. И не хочу. Потому и выпаливаю бездумно «да» на все вопросы регистратора. Чтобы Хота не сомневался в своём решении, чтобы не сомневался во мне.

— Властью данной мне округом Греймор, объявляю вас мужем и женой, — наконец проговорил регистратор, заставляя меня вернуться в реальность и посмотреть на Хоту, замершего напротив меня. — Можете обменяться кольцами и забрать документ, подтверждающий ваш брак.

Я протянула руку, позволяя Хоте надеть на мой палец золотое кольцо, украшенное россыпью желтоватых камешков — прямо в цвет кольца, что он собирался подарить мне ещё в мои четырнадцать. На его же кольцо блестел всего один камень, льдисто-голубой, точно глаза моего теперь уже мужа.

— Целоваться будем тут или подождём до дома? — со смешком тихо поинтересовался Хота, когда мы закончили и он сжал мои руки в своих. Оставалось только поставить подписи на паре бумажек, но это может немного подождать.

Я обняла его за шею и потянулась поцеловать — к сожалению, быстро и почти целомудренно, а вовсе не так, как наверняка хотелось бы нам обоим. Всё-таки неудобно на людях, да и Хоте моя пунцово-красная помада по всей физиономии вряд ли пойдёт.

— Больше никуда от меня никуда не денешься, — тихо, но крайне веско заявил он, с неохотой оторвавшись от моих губ. — Теперь ты моя жена, знаешь ли.

— Никуда я не денусь, потому что люблю тебя, глупый, — прошептала, прижавшись лбом к его лбу. И, не удержавшись, вредным тоном прибавила: — Но развестись всё ещё вполне могу.

— Это ненадолго, — ответствовали мне нахально. — Через месяцок Хаосом повенчаемся. И свадьбу приличную устроим, а то Друадах с бабулей нас никогда не простят. И...

— Не так быстро, муженёк! — негодуяще фыркнула я, сложив руки на груди. — Сначала ты помиришься с отцом. Нет, Хота, ничего не желаю слышать! Без папы я к алтарю идти отказываюсь!

— Женщина, я сейчас сам с тобой разведусь, — в тон мне отозвался Хота, не переставая, впрочем, ухмыляться. — Трёх минут не прошло, а она уже мне яйца выкручивает!

— А чего ты ждал, женись на девице гро Маграт? — Арти подошёл к нам, похлопал по плечу своего медвежьего братца. — Соболезную, братишка. О, и поздравляю всю нашу семью с окончанием этой великой драмы! Боги милостивые, наконец-то вы закончите страдать чернёй и займётесь чем-то полезным! Моими будущими племянниками, например!..

— Ну и отстойный же из тебя поздравитель, — съязвила я. И тут же рассмеялась, очутившись в крепких объятьях братца-котика. — Эй, осторожнее! У меня на этот букетик грандиозные планы!

— И какие же?

— Вполне предсказуемые. Эй, Ло!

Одно нехитрое заклинание — и мой букет, к бурной радости Хоты и его полосатого братца, перепорхнул прямиком в руки явно ошеломлённому такой подставой Лоренцу.

— О, да ладно, — протянул он, закатив глаза. — Серьёзно, что ли?

— Вполне, — усмехнулась я, стрельнув глазами в сторону своего друга (смущённого, между прочим, донельзя). — Греймор, знаешь ли, медвежья вотчина. А у косолапых как: укусил — женись! Даже я не отмахалась!

— Ой, как будто ты сильно старалась, — ехидно вернул Арти.

— Да не кусал меня никто! — запротестовал Олли, отчаянно краснея.

— Так-таки и никто? — уточнил Хота, прищурившись совсем по-кошачьи. (Нет, всё-таки в предках у моего мужа точно затесался кто-то из нашей хвостато-усатой братии.) И сообщил вдруг заговорщицким полущёпотом: — Милая, всеми богами клянусь — твой сохатый дружок врёт как дышит!

Да ясное дело, врёт. Тут никаким избранником от Хаоса быть не надо, чтобы понять очевидное! Интересно, мы с Хотой со стороны выглядим так же глупо, как эти двое? Наверняка. Или даже ещё глупее.

Но какая, в общем-то, разница? Куда важнее то, что мы созданы друг для друга. Всегда были. А теперь наконец-то принадлежим друг другу — с этого дня и до конца наших дней.

58

Коридоры Инквизиции встретили уже привычным гулом охранки, полутьмой и прохладой. Инквизиторы, хоть они и трижды служители Света, к такой атмосфере привычны куда больше, чем можно подумать. Я, признаться честно, это место недолюбиваю — не из страха или чего-то такого, просто... здесь не вотчина Хаоса. А мне, как истинному дитю своего бога, не хватает его вездесущего присутствия. Не знаю, как умудрялся выживать на юге, где алтаря Прядильщику при всём желании не сыщешь.

Я открыл дверь в допросные, ожидая увидеть кого-то из ребят Изары. Или Виттара, самую малость, но всё же недовольного, что громкое дело ушло из-под носа. Но никак не дражайшего дядюшку, чинно сложившего руки за спиной и наблюдающего за допросом. Захотелось малодушно попятиться, не сталкиваясь с ним нос к носу. Но этот порыв я тут же зачихнул куда подальше — я тут альфа, прокурор и вообще главный по всяким преступникам. А он — всего лишь наблюдатель. И мой новоприобретенный тесть, но об этом я предпочитаю думать как о некотором неудобстве.

— Ублюдок сказал что-нибудь? — поинтересовался я как можно более нейтрально.

Ну а что, мне действительно интересно — как никак, за указанным вампирским ублюдком вся полиция округа гонялась добрый месяц. Не без пользы для меня — преступность поутихла, стопка бумаг на моём столе слегка поуменилась, а Дакей даже не сделал вид, что это его заслуга.

— Ублюдок затребовал адвоката, — в тон мне отозвался Дар, то ли решая подыграть, то ли просто подумывая как бы поэффектнее начать меня воспитывать.

— Ну еще бы, — фыркнул я. — Ничего, с минуты на минуту здесь будет Лоренц, и никакой адвокат нашему клыкастому дружку не понадобится.

Дар на это как-то неприятно скривился, будто ему подали испорченного мёда. Понятия не имею, может ли мёд испортиться, но выражение лица у дядюшки именно такое.

— Что не так? — насторожился я. Не припоминаю у Дара любви к строению рож.

— Он знает про Лоренца и его способности. Если попытаемся, нам влепят принуждение к даче показаний и Хаос знает что ещё.

— Это в Грейморе-то? Кто, прости Прядильщик?

— Твой любимый сенатор, например. Или его соперник. Да, Хотя, я тоже в курсе планов старшего Маккензи.

— Ну тогда ты в курсе, что мне даже Лоренц не нужен, чтобы вот это, — я кивнул на стекло, за которым с самой высокомерной мордой восседал наш клыкастый душегуб, — село вместе с Ореентисом. Спасибо твоему несостоявшемуся зятю Хартасерре, он мне очень помог.

— Я бы предпочел обойтись вовсе без зятёв, но, насколько знаю, моё мнение ты предпочел проигнорировать. Как и моё благословение, раз уж на то пошло.

— Я бы выразился по-другому, используя слово «вертеть». На каком органе — додумай сам, у тебя это хорошо получается!

Ну вот, все мои обещания не ссориться с дядюшкой пошли по пизде с первых же секунд общения. Изара не одобрит. Я бросил взгляд на помещение за стеклянной перегородкой — Изара, даже с её тигриным слухом, не могла слышать нас через заглушку, но в нашу сторону неодобрительно покосилась. Почувствовала неладное. Вот ведь грёбанный Хаос с его грёбаными избранниками и избранницами!

— А мне нужно что-то додумывать? — насмешливо фыркнул Дар. — Ты женился на моей дочери — по человеческим законам, в обход меня, без моего дозволения! В этом весь ты, Хотя: сначала делаешь, потом думаешь. Ты должен был прийти ко мне!

— Я должен? — возмутился я. — А не наоборот ли, Шандар? Помнится, это ты принялся оскорблять меня сравнениями с моим папашей. Не хочешь, кстати, извиниться?

— Много чести — бегать за сопливым юнцом с непомерным самомнением!

— У нас это наследственное, если ты не заметил!

Мы замолчали, сердито уставились друг на друга. Ну хоть клыки не скалим и когти не выпускаем.

Прогресс, однако, уж как для двух альф, которые не в состоянии поделить одну женщину.

— Я женился на Джинни, потому что люблю её, — отчеканил я, когда пауза начала затягиваться. — И собираюсь провести с ней остаток жизни, нравится тебе это или нет. И да, я спросил её мнение, не беспокойся. Джинни сказала «да». Несколько раз. Прости, что не записал аудио.

Он будто бы задумался. Мотнул головой, нахмурился, устало потёр пальцами переносицу.

— Мне не нужно аудио, Хота. Но ты должен был прийти ко мне. Она моя дочь, ты — мой племянник. Что бы ты там себе ни думал, я желаю вам счастья...

— ...но лучше бы по отдельности друг от друга? — ядовито закончил я за него.

И ведь понимаю нутром, что он ничего такого сказать не хотел; чувствую, как он рассердился на меня снова. Но обида всё ещё слишком сильна. Пусть мучается, заслужил.

— О, Хаос! Хота, прекрати нести чушь!

— Разве чушь?

— Хота!..

Чем именно на этот раз Хота ему не угодил, я уточнить не успел — в кармане завибрировал комм. На экране высветился незнакомый номер, а в трубке раздался не более знакомый голос:

— Господин прокурор, добрый день! Как поживаете?

— Сказал бы, что прекрасно, если бы знал, с кем говорю.

— О, прошу прощения, я думал, вы знаете даже то, в какое время я хожу в туалет. Моя слабость — всегда ожидаю слишком многого.

В этом мире есть только один человек, чьё расписание походов в туалет я и впрямь могу знать. В отличие от номера — уж ему-то звонить я точно не собирался никогда в жизни.

— Демьен Орентис, — сказал как выплюнул, повернулся к вмиг переменившемуся в лице Дару. Он махнул рукой, мол, включи громкую связь. Послушался я без всяких пререканий. — Чем обязан столь высокой чести?

— А у тебя много вариантов, медвежонок? — насмешливо изумился Орентис. Я прямо наяву увидел эту его сахарную улыбочку, какой он неизменно светит на экранах визора. — Ну что же, вынужден разочаровать — их не много. Но, быть может, разойдёмся по-хорошему? Почём у нас сегодня окружные прокуратуры?

Он это серьёзно?.. Да нет, вряд ли. Нашего многонеуважаемого сенатора можно назвать мерзавцем, но никак не идиотом.

— У вас столько нет.

— Подумай, я ведь человек щедрый! И к тому же влиятельный. А настырный ублюдок вроде тебя мог бы многого добиться под моей протекцией...

— О, Хаос! — я тоже не потрудился скрыть веселье. — Орентис, вы же не думали, что это сработает? А если б и так, то поздно вато начинать торги, когда я уже почти взял за задницу и вас, и всю вашу шоблу.

— Я должен был попробовать, — вздохнул мой собеседник. И вдруг переменил тему: — Поздравляю со свадьбой, Хота. Ты счастливчик — жениться на такой красивой девушке. Пусть даже она и твоя двоюродная сестра... боги, это вообще законно?

Я напрягся. Очень, очень нехорошо, когда кто-то вроде Орентиса вдруг решает поговорить о твоих близких. Пришлось приложить все усилия, чтобы сохранить невозмутимость.

— Более чем, — наконец заявил я и невольно покосился на Дара. Но тот будто и не слушал — уже вытащил комм и тщетно пытался дозвониться до кого-то. Сдаётся мне, я знаю, до кого именно. — А если б и нет, то это, господин сенатор, всё ещё не ваше собачье дело.

— О, да ты не подумай, будто я осуждаю! — тут же поспешил выдать Орентис, точно гадкий я оскорбил его в самых лучших чувствах. — Скорее, завидую. Регинхильд гро Маграт, заклинатель завесы, наш платиновый резерв... Стань я обладателем такого сокровища — стерёг бы его денно и ночью.

— Я работаю над этим.

Как ни храбрись, а внутри всё холодеет. Гадкое чувство, сдобренное даром Хаоса — Орендис искренен в своём восхищении моей Джинни. А ещё в своей зависти и неприкрытой злобе.

— Денно и ночью, Хота! — точно не слыша меня, продолжал Орендис. — Тебе бы следовало меньше околачиваться в казематах Инквизиции и больше времени уделить своей прекрасной жене. Но ты, похоже, иного мнения... Тем хуже для неё.

— Что ты хочешь этим сказать? — прошипел я, с трудом сдерживая внезапно охватившую меня ярость. Он не смеет говорить о ней, называть её имя... Не смеет... угрожать ей. — Что с Реджиной?

— О, она в добром здравии! — прежним радостным тоном заверил ублюдок. — И будет впредь. По крайней мере, пока ты будешь достаточно сговорчив.

— Ты же понимаешь, что за это я самолично усажу тебя на электрический стул?

— Разумеется. Но видишь ли, в чём дело, прокурор... Моя казнь, в какой бы форме она ни состоялась, доставит тебе куда меньше удовольствия, если с прелестной Регинхильд что-то случится. Что-то очень плохое.

— Что. С Реджиной? — с нажимом процедил я, едва удерживаясь, чтобы не сбросить звонок и не набрать Джинни. Мне нужно услышать её голос, нужно оказаться рядом с ней, нужно...

— Как я уже сказал, с ней всё прекрасно. Надеюсь, с документами на меня — тоже. Очень хочу их увидеть! А заодно и нашего общего друга Тристана, которого миз Крестани так неосмотрительно арестовала сегодня утром.

Я при всём желании не смог бы описать, что сейчас чувствую. Слишком много всего. Но сильнее всех прочих чувств оказалась злость. Слепая ярость, от которой зубы во рту удлинлись, а руки покрыл жёсткий мех.

«Не отвечает», — одними губами произнёс Дар, стоило только глянуть на него в растерянности.

Я знаю, о ком он. Уточнять вовсе не обязательно.

— Где и когда? — не разжимая зубов, спросил я у столичной твари.

— Я сообщу. Позже. Не выключай комм, медвежонок, — бросил Орендис и отключился, заставив меня зарычать в голос.

— Она не отвечает, — уже в полный голос повторил Дар, почти такой же испуганный и злой, как я сам.

Не обязательно было, я всё прекрасно понял.

Нужно что-то делать, куда-то бежать, кого-то вызванивать — но прямо сейчас не могу даже вздохнуть нормально. Почти ничего не вижу перед собой. И уже готов рассудок потерять — от злости, от вмиг накатившей паники, от ужасного предчувствия, что вот-вот случится беда. Надо торопиться, надо как можно быстрее найти Джинни — а у меня ни одной идеи, где она может быть. Ни одной.

59

Рванул было к двери, но на плечо тут же легла тяжёлая рука, останавливая.

— Хота, успокойся, — проговорил Дар неожиданно мягко. Но без толку.

Все, что я испытываю сейчас — бесконечную ярость пополам с бесконечным страхом. За Джинни, за весь Греймор.

Он ведь не врал! Ни словом не соврал. Даже в дыхании не сбился ни разу — будто всё, всё, что он задумал и распланировал, обязательно случится. Или уже случилось. А я не смогу этому помешать. Не смог защитить свою женщину, свою жену, свою альфу. Как когда-то не смог защитить Джеймса. И себя самого. И Эмму. И...

— Хота! — прикрикнули на меня. Только после этого я понял, что успел в кровь разодрать руку Дара. — Прекрати сейчас же! Мы найдем её, слышишь? Это же земли Хаоса, он не позволит...

— Но он позволил! — зарычал я, отпихнув его. — Уже позволил! Джинни так или иначе, но в лапах этого ублюдка. И всё из-за меня, понимаешь? Не надо было к нему лезть... Стоило сначала увести вас — всех вас — подальше отсюда! Я бы справился один, а сейчас...

— А сейчас ты не один. Уймись, я сказал!

Дар силком усадил меня на крохотный стул в углу допросной. Удивительно, что несчастный предмет мебели не развалился тут же. Не иначе как волей Хаоса.

Усмехнулся, не весело, но скорее истерично. Паника захлестывала с головой, мешала дышать и тянула, тянула. Подальше отсюда, за пределы душных стен. К Джинни. Мне нужно быть с ней, мне без неё совсем никак, я просто не смогу...

Когда к нам присоединилась Изара, я не понял. Нас просто вдруг стало трое, а носа достиг запах большой кошки. Альфы. Сильной, опасной. Моя Джинни тоже сильная, но пахнет всё же по-другому — тоньше, слаще, нежнее. Лесными ягодами и грозовой свежестью. Магией. Если у магии вообще есть запах.

— Что здесь происходит? — сурово поинтересовалась Изара. Покосилась на разодранную мной руку Дара, опасно прищурилась. — Только попробуйте ляпнуть чушь про «просто разговаривали» — пристрелю обоих.

— Орендис похитил Реджину, — выдавил Дар. Снова уложил руку мне на плечо, сдавил крепко, то ли удерживая на месте, то ли успокаивая. С первым — получилось, со вторым... сейчас я, кажется, даже слово-то такое позабыл. — Или не похитил, не знаю, но она не отвечает и...

— Прости, что?

— Звонил Орендис. Потребовал документы на него, и вампира на закуску.

Он кивнул за стекло, где скучал, пристегнутый наручниками к столу, клыкастый сучонок. Едва подумав, что это все и из-за него тоже, я захотел разодрать ему глотку. Убить, уничтожить, насладиться запахом его крови.

Изара же почти не изменилась в лице. Разве что злые чёрные глаза коротко полыхнули жёлтым.

— Ясно, — произнесла она будничным тоном. И, развернувшись, неспешно прошла обратно — за стеклянную перегородку, туда, где с нахальной ухмылочкой расселся кровосос, именующий себя Тристаном.

— Уже соскучились по мне, ликвидатор?.. — протянул было он, но тут же запнулся на полуслове.

Одним чётким движением Изара выхватила из кобуры пистолет, взвела его и выстрелила прямо в патлатую башку. Эхо больно резануло по ушам, оглушая нас с Даром; я не услышал, но легко представил тот глухой звук, с которым тело Тристана рухнуло на пол.

— Ты, мать твою, в своём уме? — едва заведя свою супругу, поинтересовался Дар голосом на октаву выше обычного. — Он же ещё не дал показания! А Орендис!..

— Покойник, — отрезала Изара, тыльной стороной ладони стерев с щеки кровавые брызги. — Как и всякий, кто пытается наложить лапы на мой Греймор и угрожать моим детям.

Я поднял взгляд на неё, ощущая, как стихает нервная дрожь в теле. Всего на миг, но я позволил себе наивную уверенность — всё будет хорошо. Плевать, что я лишился свидетеля и возможности законно посадить Орендиса. Изара права — он не жилец. Не после того, как угрожал моей жене; не после того, как посмел приблизиться к ней.

Не после того, как решил, будто мне и Дару, альфам Севера, не хватит наглости и смелости перегрызть ему глотку.

— Организуешь облаву? — уже почти спокойно уточнил я, поднимаясь с колченогого стула.

— Подниму всех, включая Инквизицию и гномьи дружины, — зло отчеканила Изара. — Орендис не уйдёт из Греймора живым, клянусь Хаосом. А вы двое найдите мою дочь. Начните с её дома. Как только найду людей, пошлю за вами подмогу. Всё ясно?

Дар коротко кивнул, вцепился в мое плечо, на этот раз чтобы потащить меня к выходу. Я даже не сопротивлялся, лишь краем мысли отмечая, что сейчас наверняка похож на какого-то щенка, а не на прокурора и вожака целого клана. Впрочем, не до корочек и званий, когда твоя жизнь слишком уж резко превращается в сущую свалку из мыслей, чувств и событий.

— Я поведу, — почти приказали мне.

Альфа внутри меня ошетинился было, но почти сразу утих. Я умею мыслить здраво и понимаю, что сейчас водитель из меня никакой.

Из Дара немногим лучше — я же вижу, как он напуган, как его то и дело охватывают ненависть и ярость, заставляя зверя проглядывать сквозь человеческую маску. Он наверняка сейчас жаждет крови ничуть не меньше, чем я сам. Мой миролюбивый дядюшка не держал бы Север тридцать лет кряду, не будь в нём ни капли лютости и звериной жестокости.

И всё же сейчас стоит довериться ему. Это почти смешно, учитывая наши вечные территориальные разборки и борьбу за Джинни. И нашу ссору, которая так ничем и не кончилась. Просто сейчас мне и в самом деле нужна его поддержка. Она всегда была мне нужна, если уж по-честному.

До дома Джинни мы доехали так быстро, насколько это вообще было возможно — за каких-то пятнадцать минут выбрались из города, свернули на нужный выезд, а затем на серпантин, в преддверии осени уже слегка присыпанный листьями. Тут будет красиво, когда лес оденется в жёлто-красное. Красиво и сейчас. Жаль, любоваться этой красотой у меня совсем нет времени.

Ну да теперь уж точно найду время. Если с Джинни всё хорошо — непременно брошу всё к Хаосу, заберу её, увезу подальше, спрячу за стенами Таненгрева. А потом мы оба вернемся сюда и месяц не вылезем из постели.

Но прежде сушая малость — перегрызть горло мерзавцу, решившему, будто он может угрожать моей семье.

60

Остановившись неподалёку от съезда к нашему пряничному домику, Дар принялся. Я последовал его примеру — и ничего не почувствовал. Пахнет лесом, свежей травой; с южной стороны, где раскинулся луг, понемногу обрастающий маленькими сосенками, тянет спелой ежевикой. Со стороны дома же — только запах тигрицы, лёгкий, знакомый до боли. Больше ничего.

— Никого, — заключил Дар, с подозрением покосившись на меня. Я кивнул, но в бардачок всё же полез — не люблю оружие, предпочитаю любым пистолетам свои когти и зубы, но должность вроде как обязывает.

Первым вышел из машины, как можно тише хлопнул дверцей. Глупые предосторожности — если нас тут ждали, то и о нашем приезде уже осведомлены. Скрыть от оборотня запах — сложно, но вполне реально.

Гравий под ногами шуршал слишком громко, как ни старались мы ступать бесшумно. Дар в этом настоящий мастер; я же, хоть и цивил до мозга костей, в медвежьей шкуре тоже неплохой охотник.

Однако не успели мы дойти до крыльца, как дверь отворилась. Пистолет я вскинул тут же, Дар ошетинился... и только потом мы оба поняли, что смотрим на Реджину. Совершенно спокойную, даже заспанную, в домашних шортах и футболке.

— Что за стрёмные ролевые игрища, Маграт? — хриплым голосом изумилась она, чуть неуклюже спускаясь по ступенькам. Похоже, проснулась только что, и это немудрено — срочный вызов из гильдии разбудил её спозаранку. — Да, я сама просила пристрелить, чтоб не мучилась, но это было в пять утра...

Облегчением накрыло, точно морской волной — тяжёлой, холодной, отдающей солью, что вмиг раздражает горло, если глотнуть. Я не знал, что сказать. Просто бросился к ней, сжал в объятьях так, что Джинни даже пискнула.

— С тобой всё в порядке, Хаос, Джинни, я так боялся... — зашептал ей в волосы, прижал к себе ещё сильнее, хотя казалось, это уже невозможно.

— Да что со мной случится? — проворчала она, мимолетно провела ладонью по моим волосам и принялась вырываться из моей хватки. — Эй, Хота, ну перестань уже! Хаос, папа, отцепи его от меня!..

Сказала и мигом запнулась, видимо, только сейчас осознав, что мы тут вовсе не вдвоём, как это обычно бывает, а в компании Дара. Я спиной чувствовал его насмешливый взгляд, но не нашёл в себе ни сил, ни желания начинать очередной дурацкий спор.

Орентис всё ещё на свободе, разгуливает про Греймору, точно он тут хозяин.

Смог обмануть меня или же заставил думать так, как он хочет.

— Сенатор Орентис звонил Хоте, — вместо меня проговорил Дар. — Сказал, что ты у него. Я пытался до тебя дозвониться, но ты не брала трубку, поэтому мы здесь.

— Наверное, забыла включить звук, когда пришла с работы, — Реджина рассеянно пожала плечами.

— Погоди, что?.. Вороватый сенаторишка похитил заклинателя завесы? Вы же не купились на это дерьмо, правда?

Видимо, наши с Даром лица всё сказали за нас: она тут же скрестила руки на груди и нахмурилась, вмиг становясь до жути похожей на маменьку. И на свою, и на мою сразу, угу.

— Я вам не какая-то трофейная жена и папина доченька! Ох, блин, эти альфы... Вы вообще в курсе, сколько нужно времени, денег и народу, чтобы попытаться взять живьём мага-хаосита?

— Не выделяйся, кисонька, — проворчал я, всё ещё не успокоенный. Зачем Ореитису понадобился весь этот цирк? Подозреваю, ответ мне не понравится. — Поверь, у этого на многое хватит и денег, и людей...

— Хотя, я заклинатель, — отчеканила Реджина, высокомерно задрав нос. — Нас не похищают, нас просто убивают. Очень быстро, в самую первую очередь. Потому что я опаснее вас обоих вместе взятых!

— Но ты смертна, — отрезал я, всё ещё ощущая ползущий по спине холодок — мерзкое предчувствие чего-то недоброго. — Как и все мы. Нужно уезжать отсюда, мне тут не нравится.

— В моём доме? — возмутилась она. — Это с каких пор?!

— Регинхильд! — рыкнул Дар, отчего мне захотелось прижать уши, словно я не взрослый альфа, а вовсе даже крошка-медвежонок. Реджина, судя по тому, как вмиг изменилось её лицо, испытала похожие чувства. — Прекрати спорить с мужем и делай что велит! Собирайся. Хотя, помоги ей. А я пока осматриваю территорию. Вдруг моей жене не обязательно переворачивать вверх дном весь Греймор?..

А я ведь хотел поспорить с ним. Из вредности, из пресловутого чувства соперничества — ни один альфа не может приказывать мне. Даже если этот альфа мне как отец.

Но в итоге лишь протянул пистолет рукоятку вперёд.

— На всякий случай, — пояснил я на его вопросительный и малость возмущенный взгляд. Сам наверняка выгляжу так же, когда меня принимают опеку. Да и какой из меня опекун взрослому альфе с военным прошлым?

Однако пистолет он взял, хотя наверняка не собирался им пользоваться. Нам, оборотням, куда привычнее другие орудия убийства.

— Мужчины, — фыркнула Реджина, сердито помотав головой, и быстро зашагала к крыльцу. — Вам всем лишь бы в войнушку поиграть. Да кто в здравом уме к нам сунется?..

Выстрел прогремел аккурат после этих слов. Точно в каком-то дешёвом кинце.

Ты идиот, Хотя. Трижды ёбанный кретин. Сказано же тебе — заклинателей убивают.

Очень быстро.

В самую первую очередь.

Успел я только чудом. Загородил Реджину собой, оттолкнул с силой, наверняка сбил с ног... И сам ничком рухнул на землю. Даже не понял, как это произошло. Просто ощутил, как в грудь кувалдой долбанули, переломав в хлам половину рёбер.

Я умру. Я знаю это. Чувствую... нет, не боль, но сквозную дыру в груди. И озноб, крепнущий с каждой секундой. И как отравленная серебром кровь толчками вырывается из тела, хлюпает в горле каждый раз, когда я пытаюсь сделать вдох и позвать Джинни. Джинни...

Лучше я, чем она. Не обсуждается даже. Но неохота сдохнуть, не увидев её напоследок.

Золотые глаза мелькнули в поле зрения и почти тут же исчезли; по ушам ударило громким «Папа!» Не помню, чтобы Джинни так кричала прежде. Не помню, чтобы её ладони были настолько горячими. Не помню...

— Хотя, эй! Эй, посмотри на меня, — голос Дара стал неожиданностью не меньшей, чем выстрел. Чем крик Джинни. Чем невыносимая боль в груди. — Сынок, смотри на меня, слышишь?

Я смотрел. Точно сквозь пелену продирался с каждой попыткой сфокусировать взгляд. Но смотрел. Видел светлые волосы, лучики морщин вокруг глаз, сами глаза — синие, точно море сразу после зимы, холодное и чистое.

— Больно... Так больно, пап...

— Знаю, — отозвался Дар. Тяжёлая рука коснулась лба, убрала волосы, будто погладила. — Знаю, Хота. Терпи, всё будет хорошо. С тобой всё будет хорошо, слышишь?

Он в ужасе. В панике, и я прекрасно знаю её причину. Я ведь чую ложь. А Дар сейчас даже самому себе не верит. Но пытается. Стаскивает куртку, подкладывает мне под спину, зажимает рану на груди.

Жаль, это всё без толку. После выстрела из крупнокалиберной винтовки не выжить даже оборотню. Будь он хоть сто раз избранник Хаоса.

— Да... Да. Пап... — позвал и снова закашлялся. Не должно быть так больно. Наверное, пуля все же не задела сердца, иначе я был бы уже мертв. Но прошла совсем рядом, отравила серебром. — Пап, Джинни... По... Защити. Джинни.

Он усмехнулся. Тепло, так знакомо. Как делал, когда я был совсем маленький и творил что-нибудь эдакое. Помню, это я помню.

— Это она нас защитила, Хота. Недаром же стреляли в неё. Глупый, зачем ты?..

— Джинни... лучше я...

— Лучше ты заткнёшься, — послышалось совсем рядом злое шипение.

Дар куда-то исчез, а вместе с ним и боль... Не исчезла, но отступила, точно испугавшись одного лишь прикосновения лёгких ладоней.

— Ты не умрёшь, Хота, — свирепо выдохнула Реджина, склонившись надо мной. Шелковистые волосы заскользили по щеке, горячие слёзы обжигали кожу тут и там. — Ты не сдохнешь на пороге нашего дома, будто так и надо. Не отделаешься так легко. Я не позволю!

Я вроде бы даже ухмыльнуться смог — да, в этом вся моя Джинни. Скорее убьётся, чем откажется от того, что считает своим.

Осознание прошло разрядом тока, испугав куда сильнее скорой смерти. Это Джинни. Всё она. Её магия течёт по пустеющим жилам, замедляет ток крови, не даёт мне умереть... Я знаю о магии немного, но этих скудных знаний достаточно, чтобы понимать последствия.

Да ни за что, блин, на свете.

— Нет, нет, ты не... Нет!

— Да, Хота, — шмыгнув носом, шепнула Реджина почти весело. Вот ведь чокнутая дура. — Держись. Держись, мать твою! Держись, а иначе клянусь тебе, нас положат в одну могилу.

Положат, это точно. Я должен оттолкнуть её, остановить! Даже руку поднял, хотя сил на это совсем уже не осталось.

Ни на что не осталось.

Совсем ненадолго, но стало легче. Будто время вокруг остановилось, а вместе с ним и моё сердце. И дыхание. Золотые глаза, такие любимые и нужные, вдруг исчезли, сменившись непроглядной тьмой и звуком незнакомых голосов где-то вдали.

Не смог. Не вытерпел. Не спас.

Эпилог

Небольшой дом посреди деревни — крепкий, с пятиугольными оконцами и такой же дверью, — встретил запахом трав, жареного мяса, догорающих в камине дров. И лёгких девичьих духов, так подходящих новой хозяйке то ли дома, то ли храма, больше похожего на ведьминскую избушку. Ора, насколько я помню, никогда не пользовалась духами, предпочитая пахнуть лавандой и чаем с ромашкой.

— Изара, — вместо приветствия произнесла Тэя, даже не обернувшись ко мне.

Непривычно вместо старой Оры видеть возле алтаря Пряильщика совсем ещё юную девчонку с розовыми волосами, татуировками по всему телу, кучей браслетов на обеих руках и всяческих шнурков и цепочек на шее. Однако подходит она этому месту лучше всех прочих. Не зря Хаос выбрал именно её, когда Ора решила отойти от дел. В дочке Мэтто чувствуется сила, связь с нашим странноватым богом, горадым на всяческие проделки. Жуткие, а порой и смертельно опасные для

всех. Даже для его подопечных.

Поставив последнюю из множества глиняных чашечек у алтаря с выбитым на нём пауком, Тэя наконец повернулась ко мне. Протянула пиалу, пахнущую чаем и чем-то еще.

— Выпей, — на мой вопросительный взгляд пояснила: — Он говорит, ты слишком много ворчишь в последнее время.

— Как будто нет повода.

Я с сомнением покосилась на чашку, но все же выпила. Просто чай, кажется, с миртой, отдаёт то ли хвоей, то ли просто лесом.

Дождавшись, пока я допью, Тэя протянула мне ключ. Старый, резной. Таким впору запирать древние башни, а никак не подвал в деревенском доме.

— Наш гость тебя заждался.

— Хорошо, — кивнула я, невольно похлопав по кобуре на поясе.

О, я тоже заждалась встречи с этим... гостем. Нежданным, незванным и уж точно нежеланным в Грейморе. И излишне тут задержавшимся.

В подвале прохладно — я хоть и тигрица с повышенной температурой тела, а плечами передернула. И тут же мстительно ухмыльнулась: нашему временному постояльцу не повезло с жильём.

Пристёгнутый за ногу цепью к одной из деревянных опор, он кутался в дорожный пиджак, ныне потерявший всякий вид. И сразу же поднял на меня глаза, стоило только подойти ближе. Тэя за спиной щёлкнула выключателем, чтобы загорелась единственная лампа.

— Ну здравствуйте, сенатор, — нарочито вежливо поприветствовала я нашего гостя. — Как поживаете?

Орентис в ответ зашипел что-то явно нецензурное. Утруждать себя переводом на нормальный язык я не стала. Что ж, месяц заключения в полутёмном подвале убивает не только внешнее благообразие, но и всякие ораторские замашки.

— Прекрасно поживаю, ссаная ты шкура, — наконец отозвался он. А нет, я ошиблась — перевоспитать эту высокомерную тварь невозможно. Не то чтобы я надеялась. — Наслаждаюсь видами — у твоей малолетней ведьмы неплохая задница. Но готовит отвратительно. Зачем пришла?

— Ну разумеется, мы все здесь лишь для того, чтобы поразвлечь вашу светлость, — усмехнулась я, неспешно прохаживаясь туда-сюда и не сводя с Орентиса нарочито пристального взгляда.

Испугался? О, правильно делаешь, голубчик. Именно так тигры смотрят на свою добычу, прежде чем растерзать. В клочья.

— Как насчёт свежих новостей? Одна лучше другой, да только не для вас, сенатор... А, простите! Государственным преступникам, приговорённым к смертной казни, таких регалий не положено... Кстати, сенатор Маккензи передаёт привет! Ла-адно, на самом деле нет. Но наверняка передал бы, если бы знал, что вы у нас на полном пансионе.

Орентис старался держать лицо. Но всё же пораженно выдохнул, не желая верить в услышанное.

— Дай мне только выбраться наружу, черномазая сука, и тогда...

— Как ты вообще вылез в большую политику, с такими-то крохотными мозгами? — фыркнула я, сложив руки на груди. — Сладенький, ты никогда не выберешься наружу. Ни-ког-да. И никто не будет тебя искать. Зачем? Все и так знают, что ты в лапах тигра, просто боятся заявить вслух. Нас боятся, Демьен. И правильно делают. Будь у тебя умишка хоть на четвертак, ты бы к нам в Греймор даже не сунулся.

Он злобно ощерился, не хуже любого дикого зверя, но тут же скис — как если бы до него наконец дошло, что это правда. Всё это. Каждое сказанное мной слово.

— Первоначальный план был именно таков, — продолжила как ни в чём не бывало, вдоволь насладившись жалким видом зарвавшегося человечка. — Держать тебя здесь. Долго. Очень долго. Садизм мне несвойственен, но ради мерзавца, покусившегося на моих детей, я могу засунуть свои принципы куда подальше...

— Мы могли бы... могли бы договориться... — пролепетал Орентис, вцепившись пятернёй в свои мышастые волосы, всклокоченные и сальные. — Я мог бы...

Ничего не мог бы. Но, похоже, до бедняги так и не дошло, что он теперь никто и звать его никак.

— Но у нас сегодня праздник, — поведала я с преувеличенно радостным видом. — По этому случаю я могу проявить немного милосердия. Даже к такому жалкому, никчёмному куску говна, как ты. Хоть какую-то пользу принесёшь моей семье.

— Пожалуйста, я... п-по...

— До встречи в аду, приятель.

Он пытался мямлить ещё что-то, но помешали мои когти, полоснувшие ублюдка по горлу. Не самая быстрая смерть, но и не слишком плохая. Получше той, что он дал моему сыну.

— Зря я тебя послушала, — пробурчала, едва Ореентис обмяк, скорчившись в луже крови. Стёрла с лица ещё тёплые брызги, поморщилась в омерзении. — Этот мудака слишком шустро отбыл на тот свет.

— Не та религия, альфа, — с усмешкой возразила Тэя, искоса зыркнув на меня. — Прядильщик милостив к своим жертвенным барашкам. Ха, и с каких это пор тебе разонравился вкус крови?

Можно подумать, она сама не знает, с каких... И вообще, чует мой полосатый зад, что мы обе уже минут десять как должны быть совсем в другом месте.

Ну да подождут. Какая свадьба без избранницы Хаоса? И без его же жрицы. А уж без матери невесты и подавно не начнут.

Лес вокруг Таненгрева уже почти весь оделся в жёлтое и красное. Разбавляет это разноцветье разве что зелень старых сосен, да долгожители-папоротники, которых теперь скроет только снег. Красиво здесь, как ни посмотри.

Хорошо хоть моя косолапая родня не стала откладывать свадьбу до зимы — ни за что не потащилась бы морозить хвост, даже ради трижды любимых детишек! Ненавижу холод! И угораздило же поселиться в этом холодильнике!

Но что-то я и впрямь разворчалась. Да и как будто кто-то стал бы спрашивать моё несомненно ценное мнение насчёт даты свадьбы.

Уж точно не Хота, едва выживший после того выстрела. Да он и не выжил бы, не будь моя дочь самой одарённой заклинательницей в мире. Или это во мне говорит материнская гордость? Ну да, есть такое. Я раньше действительно не понимала, какая чудовищная мощь сокрыта в моём котёнке. Шутка ли — остановить время?

На самом деле, конечно, никому не под силу укротить течение времени. Разве что сидхе с их первородной магией. Но вот замедлить движение частиц — вполне реально. Да вот только одно дело сообразить себе вазочку с нетающим мороженым, а совсем другое — заковать здорового мужика, теряющего кровь с каждой секундой. Особенно если заковывает не опытный заклинатель с полусотней лет практики, а девчонка чуть за двадцать.

Форменное самоубийство, как выразился Олли. Ну, когда у него нашлись хоть какие-то цензурные слова.

Хота мне как родной медвежонок. Всегда был. Честное слово. Но... каюсь, грешна. Своего первого ребёнка люблю чуточку больше, чем всех остальных. И до сих пор впадаю в бешенство при одном воспоминании об этой безумной выходке Реджины. Подумать только — чуть не помереть и долбануться в кому ради одного мехового засранца! И это пока мы тут места себе не находили, не зная, очнётся ли она вообще!

Очнулась, слава всем богам. И всего-то через восемь дней, а не лет. Вот была бы драма, достойная очередной дебильной книжонки братца Джила.

Впрочем, сомневаюсь, что сама на месте Реджины поступила бы иначе. Точно так же пожертвовала бы собой ради Дара, какой бы жуткой занозой в моей полосатой заднице он ни был. Ради Хоты, ради Джинни, ради близнецов... которые, кстати, метнулись ко мне, едва завидев. О, слава Хаосу, дражайшая бабуля оказалась порасторопнее. И это в её-то возрасте!

— У, чернявая! Вечно тебя ждать приходится! И девку нашу плохому учишь... Быстрее уже, не то эти двое вынесут мне весь мозг, а я даже палку не взяла!

— А у меня так скоро медовуха выветрится! — вторил ей Друадах, спешащий следом. — А ну, паршивцы, на свои места, дайте старшим поговорить!

— Но, Друадах!..

— Что? Кто свадьбу зажал? И ведь не в первый раз уже. Грёбанные Маграты! А ведь знал бы заранее, так и поставил бы киснуть пораньше! И медовуху и винишко своё, домашнее. Такой рецепт с Дердрой нашли, вся деревня добавки просить будет!

— Да и так будут, — хмыкнул приблизившийся к нам Дар. Ткнулся губами в щёку, устроил лапишу на талии, принялся. — Из, фу! От тебя же кро...

Спешно накрыла ему рот ладонью — все тут и так в курсе, чем я только что занималась. Не могут не быть: в нашем премиллом краю выпустить кишки Орентису мечтал каждый первый. Хотя и вовсе, едва очнувшись, принялся ругаться со всеми и каждым, что посмели взять проклятого ублюдка без него, заперли, спрятали, не дали усадить на электрический стул! А уж как он вызверился на моего муженька, позволившего Реджине riskовать собой... это и вспоминать жутко. Хотя в ярости всегда был ужасен, но тут сам себя переплюнул.

Мирились они, правда, ничуть не менее эпично — запасы Друадахова пошла знатно поредели после того, как два альфа-дебила принялись совместно страдать из-за Джинни и признаваться друг другу в тёплых семейных чувствах.

Да и я знатно развлекалась, что уж тут. За те восемь дней, что моя дочь находилась на грани жизни и смерти, много чего случилось. И Орентиса мы с лордом Тамритом («Он посмел подставить моего будущего зятя!») взяли на самой границе Греймора. И старший Маккензи чуть ли не суверенитет нам выписал за то, что избавили его от соперника. Вёл себя, конечно, как напыщенный говнюк, но позволил Кэм выторговать право на удержание всех налогов в округе. Больше всех радовался этой новости Джилли, не иначе как в младенчестве подброшенный нам гномами. Ну и Арти — его мелкая копия, уже всюю посматривающая на кресло Кэм.

— Не порть детям свадьбу, — сурово проговорила я, потащила Дара ближе к алтарю. — За дело, Маграт, у тебя дочь замуж не выдана.

Ну вообще-то выдана уж пару месяцев как. И, кажется, своей семейной жизнью вполне довольна. Хотя так вообще весь сияет, как начищенная монета. Так с виду и не скажешь, что чуть не померли в один день, будто в какой-нибудь слезовжимательной киношке не самого высокого пошиба.

В общем, им и без венчания Хаосом неплохо жилось. Реджине так точно, но этих медведей же мёдом не корми, дай пострадать всякой старомодной фигнёй! Традиция, мол, есть традиция!

Ну ладно, красивые все эти свадьбы, что уж тут. Скучные, жутко пафосные, но красивые. И на слезу пробивают только так, хотя вот уж меня в излишней сентиментальности не заподозришь. Или это всё долбанные гормоны виноваты?

Ну точно, они. Стоило только засмотреться, как Дар берёт под руку Реджину, такую красивую в струящемся золотисто-зелёном платье, ведёт её изрядно потрепанным временем, ветрами и морозами каменным ступенькам прямо к алтарю Прядильщика, как захотелось совершенно неприлично хлопнуть носом. Кэм и Лилс, впрочем, не отставали. И если Кэмерин понять можно — не каждый день женится твой единственный сын, то за Лилит я особой чувствительности прежде не замечала. Или просто уже не помню нашу свадьбу с Даром?

— ...весь твой путь — мой, — заговорил Хота, когда Тэя обвила их руки браслетами из вербены, — твоя судьба — моя, и в доме, что ты выберешь, я разделю с тобой все радости и горести, что преподнесет нам жизнь. Ты согласна, Регинхильд гро Маграт?

— Да, — отозвалась Реджина, нежно улыбаясь своему теперь-уже-точно-мужу. Тот уже привычно уставился на неё с видом слепца, узревшего солнце.

«Блин, бро, они такие сладенькие! Мне ж из-за них диатез лечить всю оставшуюся жизнь!» — послышался где-то слева девичий голосок, одновременно весёлый и полный слёз. Кажется, это сестрица Оливера, Сэра, прибывшая к нам неделю назад и по такому поводу выкрасившая волосы в цвет платья невесты.

— Хаос принимает ваше согласие, — заключила Тэя, когда моя дочь повторила сказанное Хотой. — Да будет ваш союз долгим, ваш дом — тёплым, а ваши дети — здоровыми...

— Какие ещё дети?! — громким шёпотом возмущился Дар, до того мирно стоящий рядом со мной и старательно делающий вид, что не растроган почти до слёз. Мужики не плачут и всё такое. — Никаких детей, пока моей Джинни не стукнет хотя бы сорок! Я слишком юн и прекрасен для внуков! Моя...

— Ты сам заткнёшься или тебе помочь? — тихо, но крайне выразительно осведомилась я. — Второй вариант тебе не понравится, уж поверь.

Дар фыркнул негодуя и вместе с тем насмешливо.

— Боюсь-боюсь, маршал киса! Как там было — лишён секса до серебряной годовщины?

— Именно, Маграт. А вздумаешь мотать нервы второй дочери — отчекрыжу твоё хозяйство и прибью над камином как трофей.

— Хорошая попытка, Из, — протянул он всё с той же всезнающей рожей, — да только у нас вообще-то одна дочь...

— Через полгода будет две, — ответствовала я невозмутимо.

Ну вот, теперь моему неугомонному муженьку точно не до гипотетических внуков. Недаром же я приберегала эту новость для подходящего момента!

Вытаращился Дар на меня так, будто я ему подарила всю столицу целиком, вместе с её жителями. Хотя на кой ему та столица? Вот возможность в очередной раз перестроить берлогу, это да...

Так, стоп.

— Вздумаешь опять устроить ремонт — и я точно выполню свои угрозы! Все разом, Дар!

— Нет-нет, маршал киса, ты меня не остановишь! Я медведь, это в моей природе!

— О, Хаос, за что?!

Глупый вопрос, конечно же. Хаос всегда подбрасывает своим избранникам самое интересное.

И с возлюбленными, чтоб его к порядку, ещё ни разу не прогадал.

Конец